

ISSN 2307-2504

Polis Akademiyasının
Elmi Xəbərləri
ELMİ HÜQUQ JURNALI
№ 1-2, 2016

BAŞ REDAKTOR

Nazim Əliyev
DİN-in Polis Akademiyasının rəisi,
polis general mayoru, hüquq üzrə
fəlsəfə doktoru, dosent

REDAKTOR:

Hikmət Eyvazov
polis polkovnik-leytenantı, hüquq üzrə
fəlsəfə doktoru, dosent

REDAKSİYA HEYƏTİ:

Məsumə Məlikova
AMEA-nın müxbir üzvi, professor

Fərhad Abdullayev
hüquq elmləri doktoru

Firudin Səməndərov
hüquq elmləri doktoru, professor

Fazil Quliyev
Azərbaycan Respublikasının daxili
işlər nazirinin müavini, Baş Təşkilat-
İnspeksiya İdarəsinin rəisi,
polis general-leytenantı

İsayenkova Oksana Vladimirovna
Saratov Dövlət Hüquq Akademiyasının
mülki proses kafedrasının müdiri,
hüquq elmləri doktoru, professor

Ralf Krouşou
İngiltərə Esseks Universitetini professoru,
hüquq elmləri doktoru

Fuad Cavadov
hüquq elmləri doktoru, professor

Bəhram Zahidov
hüquq elmləri doktoru, professor

Kamil Səlimov
hüquq elmləri doktoru, professor

Mahir Əhmədov
hüquq elmləri doktoru, professor

Habil Qurbanov
hüquq elmləri doktoru, professor

İbrahim Quliyev
hüquq elmləri doktoru, professor

Əmir Əliyev
hüquq elmləri doktoru

Aliş Osmanov
hüquq elmləri doktoru, professor

Midhəd Qəfərov
hüquq elmləri doktoru

Yeganə Balakışiyeva
hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

Xanlar Bayramzadə
hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

Cabir Quliyev
hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

Azərbaycan Respublikası
Ədliyyə Nazirliyi hüquqi şəxslərin dövlət
qeydiyyatı №10m-5405. 11.12.2011

Polis Akademiyasının Elmi Xəbərləri jurnalı
elmi tədqiqatların əsas müddəalarının
nəşr edilməsi üçün Azərbaycan Respublikası
Prezidenti yanında Ali Attestasiya Komissiyası
tərəfindən tövsiyyə olunan nəşrlər
siyahısına daxil edilmişdir.

Çapa imzalanmışdır:
Format 60x84. Fiziki ç/v 22,5
Tiraj: 300
Jurnal "Ecoprint" Nəşriyyatında
çap edilmişdir.

M Ü N D Ə R İ C A T

AKTUAL MÖVZULAR

Viktor Qrişuk
İnsanın negativ (retrospektiv) hüquqi məsuliyyəti və onun əsasları.....6

İNİZİBATI HÜQUQ

Oleq Baxur
Belarus Respublikasında əhalinin miqrasiyası: neqativ təzahürlər və mübarizə yolları.18
Sergey Marinin , Yekaterina Verşinina
Rusiya polisinin fəaliyyətinə nəzarət.....33

KONSTITUSİYA HÜQUQU

Nərim Əliyeva
Dünyada konstitusion prosesin inkişaf mərhələləri.....41
Ceyhun Süleymanov
Siyasi-hüquqi kateqoriya kimi hakimiyyətin anlayışı və əlamətləri.....49
Şahin Şükürov
Daxili İşlər Orqanlarının inzibati fəaliyyətinin konstitusiya-hüquqi əsaslarından
prioritetli olan Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının rolu və əhəmiyyəti.....55
Elbay Nəbiyev
Konstitusion normalar əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinin hüquqi əsası kimi...67
Həcər Qurbanova
Konstitusiya və cinayət ədalət məhləmə icraatlarının konstitusion prinsipləri.....75

DÖVLƏT VƏ HÜQUQ TARİXİ

Sergey Kondratyuk
İkinci Polşa-Litva Birliyinin siyasi və hüquq sistemi.....91

İNSAN HÜQUQLARI

Anara Hacıyev
Müasir dövrdə Azərbaycanda multikulturalizm ənənələrinin ailə münasibətlərinə
tətbiqinin inkişaf harmoniyası.....101

CİNAYƏT HÜQUQU

Vyaçeslav Kaşevskiy
Anatoliy Primaçyonok
Azərbaycan Respublikasının və Belarusiya Respublikasının Cinayət Məcəllərinə görə
saxta pulların və ya qiymətli kağızların hazırlanması və satışının tövsifi.....107
Tatyana Erxituyeva
Rusiya Federasiyasının cinayət qanunvericiliyi ilə cəza təyin etmənin bəzi
problemləri.....113

KRİMİNOLOGİYA

Nazim Əliyev
Kriminoloji tədqiqatların əsas obyektlərindən biri kimi regional cinayətkarlığın
öyrənilməsinin əhəmiyyəti və nəzəri aspektləri.....116
Gennadiy Qorşenkov
Kriminal və siyasət.....122
Sergey Maslençenko
Xakerlərin submədəniyyətinin social rollarının kriminoloji təhlili.....137

CƏZA-İCRA HÜQUQU

Alyona Marçuk
Azadlıqdan məhrum etmə cəzasına məhkum olan şəxslərin yenüdə təsnifatlaşdırma
prosesinin sosial-hüquqi xarakteristikası.....145

KRİMİNALİSTİKA

Bəxşeyiş Əsgərov, Nərgiz Abasova
Əməliyyat-axtarış tədbirləri kriminalistik əhəmiyyət kəsb edən məlumatların
toplanması vasitəsi kimi.....153

CİNAYƏT PROSESİ

Mətanət Əsgərova
Dövlətlər arasında hüquqi yardım göstərilməsi zamanı elektron sübutlardan istifadə
olunmasının perspektivləri.....169
Andrey Uşakov
Rusiya cinayət mühakiməsi icraatında yenilənmiş apellyasiya institutunun ayrı-ayrı
problemləri.....179

MÜLKİ HÜQUQU

Andrey Sadkov
İctimai xidmətlərin göstərilməsi ilə əhalinin tələbatlarının qane
edilməsi.....185

ƏMƏK HÜQUQU

Rəşad Məmmədov, Tatyana Parpan
İşə qəbul zamanı sınaq; Ukrayna və Azərbaycan Respublikasının əmək
qanunvericiliyinin müqayisəli təhlili.....191

ISSN 2307-2504

Научный вестник Академии Полиции.
Научно-правовой журнал
№ 1-2, 2016

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Назим Алиев

Начальник Академии Полиции МВД,
генерал-майор полиции, доктор философии по праву,
доцент

РЕДАКТОР:

Хикмат Эйвазов
полковник-лейтенант полиции, доктор философии по
праву, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Масума Маликом

член-корреспондент НАНА, профессор

Фархад Абдуллаев

доктор юридических наук, профессор

Фирудин Самандаров

доктор юридических наук, профессор

Фазиль Гулиев

Начальник Главного организационно-
инспекционного отдела,
генерал-лейтенант полиции

Нсаеикова Оксана Владимировна
заведующая кафедрой Гражданского
процесса Саратовской Государственной Юридической
Академии, доктор юридических наук, профессор

Ральф Крошоу

доктор юридических наук, профессор Эссекского
Университета Великобритании

Фуад Джавадов

доктор юридических наук, профессор

Бахрам Захидов

доктор юридических наук, профессор

Камиль Салимов

доктор юридических наук, профессор

Махир Ахмедов

доктор юридических наук, профессор

Хабиль Гурбанов

доктор юридических наук, профессор

Ибрагим Гулиев

доктор юридических наук, профессор

Амир Алиев

доктор юридических наук

Алыш Гасымов

доктор юридических наук, профессор

Мидхад Гафаров

доктор юридических наук, профессор

Егана Балакишиева
доктор философии по праву

Ханлар Байрамзаде
доктор философии по праву

Джабир Гулиев

доктор философии по праву

Государственная регистрация юридических лиц
Министерства Юстиции Азербайджанской Республики
№ 10м-5405 11.12.2011
Журнал «Научный Вестник Полицейской Академии»
попал в список рекомендуемых изданий Высшей
Аттестационной Комиссии при Президенте
Азербайджанской Республики за публикацию основных
положений научных исследований

Подписано к печати:

Формат 60x84. Физический п/л 22,5
Тираж: 300 Журнал напечатан в издательстве "Экопринт"

СОДЕРЖАНИЕ

- **АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ**
Виктор Гришук
Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека и ее основания.....6
- **АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**
Олег Бахур
Миграция населения в республике Беларусь: негативные проявления и пути противодействия.....18
Сергей Маринин, Екатерина Вершинина
Контроль в деятельности полиции России.....33
- **КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**
Нармин Алиева
Этапы развития конституционного процесса в мире.....41
Джейхун Сулейманов
Власть как политико-правовая категория: понятие и признаки.....49
Шахин Шукюров
Роль и значение Конституции Азербайджанской Республики, как приоритетной среди конституционно-правовых основ административной деятельности органов внутренних дел.....55
Эльбай Набиев
Конституционные нормы как правовая основа оперативно-розыскных правоотношений.....67
Хаджар Гурбанова
Конституционные принципы уголовного и конституционного судопроизводства...75
- **ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**
Сергей Кондратюк
Политическая и правовая система второй речи посполитой.....91
- **ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**
Анара Гаджиева
Гармония развития применения традиций мультикультурализма в семейных отношениях в Азербайджане в современном периоде.....101
- **УГОЛОВНОЕ ПРАВО**
Вячеслав Кашевский, Анатолий Примачёнок
Квалификация изготовления либо сбыта поддельных денег.....107
или ценных бумаг по УК Республики Беларусь и Азербайджанской Республики
Татьяна Эрхитуева
Некоторые проблемы назначения наказания по уголовному законодательству Российской Федерации.....113
- **КРИМИНОЛОГИЯ**
Назим Алиев
Теоретические аспекты и значение изучения региональной преступности как объекта криминологических исследований.....116
Геннадий Горшенков
Криминал и политика.....122
Сергей Масленченко
Криминологический анализ социальных ролей субкультуры хакеров.....137
- **УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**
Алёна Марчук
Социально-правовая характеристика процесса переклассификации осужденных к лишению свободы.....145
- **КРИМИНАЛИСТИКА**
Бахшеиш Аскеров, Наргиз Абасова
Оперативно-розыскные мероприятия как средства собирания криминалистически значимой информации.....153
- **УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**
Матанат Аскерова
Перспективы использования электронных доказательств при оказании правовой помощи между государствами.....169
Андрей Ушаков
Отдельные проблемы обновленного института апелляции в уголовном судопроизводстве России.....179
- **ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО**
Андрей Садков
Удовлетворение потребностей населения посредством оказания публичных услуг.....185
- **ТРУДОВОЕ ПРАВО**
Рашад Мамедов, Татьяна Парпан
Испытание при приеме на работу: сравнительный анализ трудового законодательства Украины и Азербайджанской Республики.....191

ISSN 2307-2504

Scientific News of the
Police Academy
SCIENTIFIC NEWS JOURNAL
№ 1-2, 2016

EDITOR-IN-CHIEF:

Nazim Aliyev
Head of the Police Academy of the Ministry
of Internal Affairs police major-general
philosophy doctor of law, associate
professor

EDITOR:

Hikmat Eyvazov
polis lieutenant-colonel,
philosophy doctor of law,
associate professor

STAFF OF EDITORIAL OFFICE:

Masuma Malikova
The corresponding member of
Azerbaijan National Academy
of Science, professor

Farkhad Abdullayev
doctor of law

Firudin Samandarov
doctor of law, prof.

Fazil Guliyev
The head of the inspection office of the head
organization of the Ministry of Internal Affairs,
police lieutenant-general

Isaenkova Oksana Vladimirovna
Head of the Civil Procedure Saratov
State Academy of Law,
doctor of law, professor

Ralph Crawshaw
Professor at Essex University in England,
the United Nations human rights expert

Fuad Javadov
doctor of law, prof.

Bakhran Zahidov
doctor of law, prof.

Kamil Salimov
doctor of law, prof.

Mahir Ahmadov
doctor of law, prof.

Habil Gurbanov
doctor of law, prof.

Ibrahim Guliyev
doctor of law, prof.

Amir Aliyev
doctor of law

Alish Gasimov
doctor of law, prof.

Midhad Gafarov
doctor of law

Yeganeh Balakishiveva
philosophy doctor of law

Khanlar Bayramzadeh
philosophy doctor of law

Jabir Guliyev
philosophy doctor of law

Azerbaijan Republic State registration of the
juridical persons of the Ministry of Justice.
№10M-5405. 11.12.2011

The magazine "Scientific News of the
Police Academy" has been included in
the editions recommended by the High Attestation
Commission under the President of the Republic of Azerbaijan
to publish the basic theses of scientific researches

Send to the press:
Formal 60x84 lit Musical p/p 22,5 Draw 300

Journal have been printed in published "Ecoprint"

C O N T E N T

□ CURRENT TOPICS

Victor Hryshchuk
Negative (retrospective) liability of human and its base.....6

□ ADMINISTRATIVE LAW

Oleg Bakhur
Migration in belarus: negative trends and ways to resist.....18
Sergei Marinin, Ekaterina Vershinin
Control of the police Russia.....33

□ CONSTITUTIONAL LAW

Narmin Aliyeva
The stages of development of the constitutional process in the world.....41
Jeyhun Suleymanov
Power as political and legal category: the concept and characters.....49
Shahin Shukurov
Role and the value of the Azerbaijan Republic Constitution as a priority of the constitu-
tional-legal bases of administrative activities of internal affairs bodies.....55
Elbay Nabiyev
Constitutional norms as a juridical basis of operational-search legal relationships.....67
Hajar Gurbanova
The constitutional principles of the constitution and crime justice proceedings.....75

□ STATE AND LAW HISTORY

Sergei Kondratuk
Political and legal system of the Polish-Lithuanian Commonwealth.....91

□ HUMAN RIGHTS

Anara Hajiyeva
Development harmony of application of multicultural traditions to family relation in
modern period in Azerbaijan.....101

□ CRIMINAL LAW

Viacheslav Kashevsky, Anatoliy Primachenok
Qualifications of manufacture or sale of counterfeit money or securities under the
Criminal Code of the Republic of Belarus and the Republic of Azerbaijan.....107
Tatiana Erhitueva
Some problems of punishment under the criminal legislation of the Russian Federation..113

□ CRIMINOLOGY

Nazim Aliev
The importance and theoretical aspects of the regional crime study as one of the key
objects in criminological research.....116
Gennadiy Gorshenkov
Crime and policy.....122
Sergey Maslanchenko
Criminological analysis of social roles subculture of hackers.....137

□ CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Aliona Marchuk
Social and legal aspects of reclassification of offenders sentenced to imprisonment...145

□ CRIMINALISTICS

Bakhsheyish Asgarov, Nargiz Abasova
Operational-investigative measures as a means to collect forensically significant.....153

□ CRIMINAL PROCEEDINGS

Matanat Asgarova
Prospects of using of electronic proofs in the governing legal assistance between the
states.....169
Andrey Ushakov
Individual problems of the renovated appeals institute in the criminal trial of the
Russia.....179

□ CIVIL RIGHTS

Andrey Sadkov
Satisfaction of population needs through the provision of public services.....185

□ LABOR LAW

Rashad Mammadov, Tatiana Parpan
The probationary period at reception on job: comparative analysis of labor legislation of
Ukraine and the Republic of Azerbaijan.....191

ВИКТОР ГРИЩУК

Академик Академии Наук высшего образования Украины, член-корреспондент НАЦИОНАЛЬНОЙ академии правовых наук Украины, директор Учебно-научного института права, психологии и экономики Львовского государственного университета внутренних дел Украины, доктор юридических наук, профессор

НЕГАТИВНАЯ (РЕТРОСПЕКТИВНАЯ) ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ОСНОВАНИЯ

Keywords: negative (retrospective) liability, coercive measures, limits of liability, liability base.

Açar sözlər: neqativ (retrospektiv) hüquqi məsuliyyət, məcburetmə tədbirləri, məsuliyyətin həddi, məsuliyyətin əsasları.

Ключевые слова: негативная (ретроспективная) юридическая ответственность, меры принуждения, пределы ответственности, основания ответственности.

В общей теории права, как и в общей философии и философии права, не выработано единого понимания понятия феномена негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека. В современной юридической литературе наблюдается признание таких признаков этого вида социальной ответственности:

1) юридическая ответственность – следствие совершения человеком правонарушения, форма реагирования государства на противоправное поведение человека;

2) юридическая ответственность является следствием совершения человеком деяния, содержащего признаки правонарушения, предусмотренного нормами права;

3) юридическая ответственность чело-

века реализуется в рамках правового поля;

4) юридическая ответственность человека реализуется компетентными органами государства;

5) юридическая ответственность человека реализуется в определенных законом формах, способах;

6) юридическая ответственность человека имеет свои стадии реализации;

7) юридическая ответственность человека реализуется в течение определенного времени и на определенном пространстве – территории государства;

8) юридическая ответственность человека подчинена соответствующим принципам.

Наиболее распространенными в общей теории права являются такие концепции понятия феномена юридической ответственности человека в ее негативном ретроспективном значении:

1) юридическая ответственность – правоотношение;

2) юридическая ответственность – наказание;

3) юридическая ответственность – реализация санкции;

4) юридическая ответственность – способность человека давать себе отчет о своем противоправном поведении и пере-

терпеть меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения принадлежащих ему благ;

5) юридическая ответственность – мера принуждения за содеянное правонарушение;

6) юридическая ответственность – правовая обязанность человека, возникшая из факта содеянного правонарушения;

7) юридическая ответственность – осуждение поведения, деяния правонарушителя, возмездие правонарушителю за содеянное правонарушение.

Отметим, что сторонники каждой из названных концепций также нередко расходятся во мнениях в понимании подходов к определению их содержательной части, иногда отдельные ученые проявляют приверженность к нескольким перечисленным выше концепциям юридической ответственности.

Юридическая ответственность человека связана с потенциальным или реальным государственным принуждением. Однако нельзя сводить негативную (ретроспективную) юридическую ответственность только к взысканию или наказанию либо только к применению санкции, поскольку эти понятия не отражают в полной мере содержание и формы реализации данной ответственности. Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность шире по своему содержанию, чем понятия "наказание" и "применение санкции". Следует помнить, что негативная (ретроспективная) юридическая ответственность может реализовываться и без применения санкции вообще и наказания в частности.

Отрицательную (ретроспективную) юридическую ответственность человека необходимо отличать от мер государственного принуждения. Меры государственно-принуждения как понятие шире по

объему понятия негативной (ретроспективной) юридической ответственности, поскольку оно, кроме правового взыскания или наказания, включает и другие правовые средства. Правильной является позиция тех авторов, которые утверждают, что государственное принуждение всегда присутствует, начиная уже с момента вступления в действие нормы права.

Нормы права по своей выраженности являются эталонами, моделями общественно полезного, общественно приемлемого поведения человека, желаемого со стороны законодателя. Нормы права – выражением правового сознания общества в целом или его доминирующей части. Они образуют нормативное поле юридической ответственности человека, регулируют волевое поведение людей. В нормах права воплощена воля государства, государственное веление. Это государственное веление адресовано к индивидуальной совести и свободе каждого человека как субъекта общественных отношений через его ум и сознание. Совесть, в частности, является одним из важных показателей достоинства человека, его доминирующего достоинства. Государственная воля, государственное веление реализуется именно через разум человека, его индивидуальное сознание и совесть, его волю, потенциальную угрозу принуждения со стороны компетентных органов государства. Сначала потенциальная угроза применения государством принуждения побуждает человека к добровольному выполнению правовой обязанности, а в случае совершения правонарушения исполнения этой обязанности может быть как добровольным, так и следствием применения принудительных мер, предусмотренных действующим законодательством. Кроме того, по нашему убеждению, в случаях причинения правонаруши-

телем материального или морального вреда или обоих ее видов одновременно этой обязанностью правонарушителя охватывается возмещение, компенсации такого вреда.

К числу других государственно-правовых мер правомерно относят:

а) предупредительные меры (например, опись имущества лица, признанного обвиняемым по уголовному делу; объявления карантина в местности, где возникла или может возникнуть эпидемия);

б) меры пресечения (например, задержание лица, совершающего хулиганские действия);

в) восстановительные меры (например, принятие судебного решения, которым руководитель предприятия обязывается восстановить на работе безосновательно уволенного им работника);

г) компенсационные меры (в частности, возмещение материального ущерба, причиненного правонарушением).

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность человека – это вид его социальной ответственности, который выражается в необходимости перетерпеть нарушителем правовых предписаний, применяемых к нему компетентными органами государства, предусмотренные действующим законодательством принудительные меры правового воздействия в установленных процессуальной и исполнительной формах. Каждая из этих форм является неотъемлемой составляющей, важным элементом всего процесса, процедуры реализации юридической ответственности. В связи с этим уместным является предостережение Ю. В. Феофанова о том, что закон без ритуала, без процедуры его действия приводит власть к произволу, а граждан – к незащищенности.

Негативная (ретроспективная) юридическая ответственность – следствие юридической безответственности человека, а именно: его безответственного, противоправного поведения как субъекта общественных отношений, результат утраты им силы ощущения юридической ответственности.

Наиболее оптимальным сегодня, как представляется, выступает выделение трех оснований негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека:

- а) социально-этическое (моральное);
- б) нормативно-правовое;
- в) фактическое.

Социально-этическое (моральное) основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека должно дать ответ на вопрос: почему и при каких условиях человек подлежит юридической ответственности, а государство в лице компетентных органов имеет моральное право применить к нему юридическую ответственность?

Человек в таких случаях должен быть наделен обычным (привычным) уровнем сознания и разумной свободой воли к деянию (действию или бездействию). Он должен быть способен соотносить свое поведение с предписаниями правовых норм сквозь призму его совести на почве разумной индивидуальной и социальной необходимости. Государство в случае нарушения таким человеком предписаний правовых норм должно выполнить одну из своих функций – привлечь его к соответствующему виду юридической ответственности. В государстве демократического направления применения видов юридической ответственности должно быть сбалансированным по каждому случаю нарушения человеком юридических норм: каждому такому случаю должны корреспондиро-

вать разумный(необходимый) и достаточный вид и мера юридической ответственности. Злоупотребление наиболее строгими видами и мерами юридической ответственности в государстве демократической ориентации недопустимо.

Научный анализ социально-этического (морального) основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека в доктринах философии права и общей теории права обязательно связывают с понятиями "разум", "совесть", "свобода воли", которые являются антропологическими основами этого основания юридической ответственности.

В общем, теоретические подходы к выяснению этой связи сводятся к следующему. Государство демократической ориентации, как субъект общественных отношений, осуществляет правовое воздействие на человека с целью модификации его поведения, направление его в общественно полезное или общественно приемлемое правомерное русло и с этой целью устанавливает правовые рамки общественной свободы человека как субъекта общественных отношений. Именно правовое поле в этих пределах – желанная демократическим государством почва для реализации автономной свободы воли и ответственности человека как субъекта общественных отношений. За этими пределами свобода воли человека порождает произвол, безответственность и, как результат, его юридическую ответственность.

Между правовой (юридической) свободой человека и его юридической ответственностью имеет место относительная корреляционная зависимость. Юридическая ответственность является, образно говоря, обратной стороной правовой (юридической) свободы. Увеличение объема

правовой (юридической) свободы обуславливает увеличение объема юридической ответственности человека. Увеличение же объема юридической ответственности человека может вести к сужению объема его правовой (юридической) свободы.

Важное значение для теории юридической ответственности человека имеет выяснение соотношения между категориями «свобода воли» и «необходимость». Необходимость не подавляет человека, она ставит его в такое положение, когда он должен выбирать, решать самостоятельно, исходя из обстоятельств конкретной жизненной ситуации. Тем самым необходимость выступает объективной предпосылкой ответственности человека, субъективной же предпосылкой его юридической ответственности является индивидуальная свобода воли. Рассмотрение свободы воли человека вне рамок необходимости порождает произвол, вседозволенность, волюнтаризм, безответственность. Необходимость вне свободы воли порождает полную неспособность человека к самостоятельным решениям, поступкам, порождает его частичную или полную инфантильность, а также беспредельную веру в судьбу, то есть фатализм.

Между «свободой воли» и «необходимостью» есть «свобода совести» как детерминанта разумного выбора человеком варианта поведения в конкретной жизненной ситуации. В тех случаях, когда совесть, если она есть у человека на достаточно развитом уровне, господствует над волей, выбор человеком варианта правомерного поведения через его позитивную силу воли наиболее вероятен. Когда такое господство совести над свободой воли у него отсутствует, наиболее вероятным является выбор человеком противоправного варианта поведения через негативную

силу его воли.

Правовой рационализм является одной из главных основ современной философии, философии права, общей теории права. Разум – имманентная составляющая способностей человека, он направляет его к утверждению общечеловеческих гуманистических ценностей права. Право как воплощение разума обращено к разумным существам –людям. Оно способно стимулировать неограниченную и разумную волю человека, имея достаточно прочные демократические основания.

Объективное право является воплощением разума, продуктом разума человека, его совести и воли. Через право разум как его основа влияет на волю людей, склоняя их к социально положительному поведению. Разум конкретного нормально развитого человека, как правило, способен оценить уровень воплощенного в норме права разума, соотнести его с собственным разумом и совестью. От этой индивидуальной оценки в значительной мере зависит развитие мотивационного процесса человека на выбор соответствующего варианта поведения: правомерного или противоправного. Поэтому норма права должна быть «разумной», «добросовестной», социально обусловленной в целом и сквозь призму естественно-правомерных интересов и потребностей обычного человека, к разуму, воли и совести которого она адресована. «Неразумная», «бессовестная» в бытовом понимании норма права не воспринимается социумом людей, игнорируется им в форме пассивного или активного сопротивления выполнению ее предписаний, отыскиванию путей обхода этих предписаний, в частности с помощью коррупционных действий и схем. Она обречена только на малоэффективное принудительное применение и реализацию с мини-

мальным успехом. Напротив, «разумная», «добросовестная» норма права является наиболее пригодной для восприятия ее разумом, совестью и волей максимально широкого круга людей, что выступает важной составляющей надежной основы реализации такой нормы с наиболее высоким уровнем эффективности. Кроме этого, «разумная», «добросовестная» норма права является тем важным фактором, который максимально способствует утверждению уважения к праву, формированию позитивной юридической ответственности человека. Ожидание такого социально-правового результата с наибольшей вероятностью может быть обеспечено тогда, когда разум законодателя базируется на выявленных юридической наукой закономерностях и потребностях правового регулирования, является частью интеллектуального потенциала общества. Поэтому уважение к праву должно иметь двустороннее проявление. Со стороны государства – в лице законодателя, компетентных органов государства, которые должны безоговорочно уважать человека как разумное, правовое существо, уважать его достоинство, права и свободы, способствовать их утверждению и развитию. Именно в этом главным образом проявляется позитивная ответственность государства. Со стороны граждан – это уважение к государству, его разумным, справедливым, гуманным законам. Только при таких условиях возможна надежная обратная связь между человеком и государством, а следовательно, и эффективность государственного управления.

Свобода воли человека как потенциальная возможность включает опосредствованные его умом такие интеллектуально-волевые качества, как свобода желания, свобода выбора, свобода действий. Она

является одной из фундаментальных ценностей цивилизованной ментальности человека, его неотъемлемой чертой. Свобода воли признает за человеком право свободного выбора и обязанность отвечать за осуществленный выбор социально значимого поведения. Ответственность – весомая гарантия нормативной свободы человека.

Право как социальная реальность, нормативный регулятор выступает мерой внутренней и внешней свободы человека как субъекта общественных отношений, нормативной формой ее выражения. Право как мера внутренней свободы человека способствует нормированию его внутренней свободы – свободы воли, свободы выбора варианта его поведения, способствуя через закрепленные в нем ценностные ориентиры поступательной социализации человека, укреплению его внутренних установок просоциального, правомерного характера, повышению его уровня общественной благонадежности, законопослушания. В конечном результате это должно обеспечить надежный уровень позитивной юридической ответственности человека, когда он убежден в необходимости соотносить свое поведение с требованиями правовых норм, действовать в правовом поле. Формирование свободы воли человека в таком случае бесспорно согласуется с предписаниями норм права. В этой ситуации право исходит из презумпции наличия у человека достаточно высокого уровня разума, социализации, совести, силы воли, уважения к праву, социальной благонадежности. Оно обращено к сознанию и воле такого человека как субъекта общественных отношений и в этом случае вероятен прагматичный расчет на положительную обратную связь между государством как правовым регулятором

общественных отношений и адресатом правовых предписаний в лице человека как субъекта общественных отношений. Расчет на такую связь не всегда оправдан в силу личностных и социальных факторов субъективного и объективного характера, в частности, когда добросовестный человек имеет силу и волю, но не имеет силы воли, ведет себя безответственно и совершает правонарушение, закономерным следствием которого является его негативная (ретроспективная) юридическая ответственность.

Выполняя роль меры внешней свободы человека как субъекта общественных отношений, право сориентировано на достаточный уровень его добродетельных достоинств. В противном случае действует обратная презумпция: отсутствие у человека достаточного уровня социализации, социальной благонадежности, совести, разумной силы воли, уважения к праву объективно требует применения к нему предписанного законом принуждения с целью укрепления его индивидуальных нормативно-правовых установок, модификации поведения такого человека в общественно-позитивном русле. Интенсивность этого принуждения в значительной мере зависит от общественной вредности или общественной опасности совершенного человеком деяния, а также от личности виновного.

Сочетание ощущения свободы и осознания разумной социальной и индивидуальной необходимости человеком порождают специфическую зависимость, онтологическим содержанием которой является самоподчинение, самопринуждение к нормированному поведению в правовом поле, в просоциальном русле.

Необходимость нередко связана с двумя другими модульностями: случайностью и

невозможностью. Именно в таком их органическом сочетании обеспечивается возможность наиболее полной характеристики понятия и форм реализации юридической ответственности человека. При этом необходимость коррелирует с неотвратимостью, случайность - с произвольностью, а невозможность - с полным исключением юридической ответственности человека.

Свобода человека, как внешняя, так и внутренняя (свобода воли), реализуется через правовой эквивалент, каковым является правосубъектность, которая характеризуется единством трех правовых институтов: правоспособность; дееспособность; деликтоспособность. При этом под правоспособностью в юридической литературе понимается признанная государством способность человека иметь юридические права и обязанности, а под дееспособностью – признанная государством способность человека своими самостоятельными, волевыми актами поведения приобретать, осуществлять, изменять или прекращать юридические права и обязанности. Деликтоспособность – признанная государством способность человека самостоятельно выбирать вариант поведения и отвечать за неправомерную реализацию своих прав или неправомерное исполнение своих обязанностей.

Юридическая свобода человека является неотъемлемым элементом механизма общественной правовой реальности, доминирующей социальной ценностью, одной из надежных основ гражданского общества. Право как мерило свободы и ответственности человека создает поле его юридически значимой свободы, которое является наиболее безопасным местом для формирования и внешнего выражения индивидуальной совести и свободы воли человека. Нормированная правовая свобо-

да человека – это те социально-правовые возможности его поведения, которые определены нормами действующего законодательства в широком смысле этого слова через разрешения, поощрения, обязанности, запреты. Выход за нормативные рамки, границы юридической свободы неразрывно связан с соответствующего вида юридической ответственности человека. Нормированная правом свобода воли человека реализуется через общественно полезные, общественно приемлемые, общественно вредные, общественно опасные или общественно нейтральные модели поведения человека. Свобода воли человека обеспечивает ему свободу выбора между правомерным и противоправным поведением.

Свобода воли человека тем самым соотносится с волей государства (государственным велением). Следствием положительного соотношения свободы воли человека и воли государства (государственного веления) является его позитивная (перспективная) юридическая ответственность. Следствием негативного соотношения свободы человека и воли государства (государственного веления) – выход человека за пределы юридической свободы и как следствие наступление его негативной (ретроспективной) юридической ответственности. Здесь человек выступает как неправомерное существо. Поэтому когда такое соотношение возникает на рациональном уровне, а не на чисто эмоциональном, шансов на результат в виде положительной юридической ответственности человека гораздо больше.

Свобода воли, таким образом, не является причиной противоправного поведения человека, она – лишь диапазон возможного его поведения в правовом поле.

Различают юридическую свободу чело-

века (формальную) и юридическую свободу человека (реальную). Формальная юридическая свобода – это предусмотренные нормами права возможные и целесообразные модели поведения человека в обществе. Реальная юридическая свобода – это реализация человеком своими индивидуальными способностями и усилиями предусмотренных нормами права юридических возможностей юридической свободы на почве реальных общественных условий ее реализации.

Таким образом, право является одновременно и регулятором общественных отношений и регулятором волевого поведения людей в условиях общества.

Праву как мерилу свободы человека свойственны динамический характер: оно постоянно развивается с развитием общественных отношений. Поэтому одной из главных задач законодателя – обеспечение развития права, гармонизация этого развития с развитием общественных отношений. Только при таком условии право будет максимально наделено инструментальными свойствами мерила свободы, справедливости, гуманности и демократии. Гармоничное развитие права в соотношении с общественными отношениями, общественными интересами и потребностями – залог прогрессивного развития общества на пути к новым уровням цивилизации.

Внешняя свобода человека легализуется в праве, в первую очередь путем ее закрепления в форме субъективных прав, свобод и обязанностей как в международном праве, так и во внутригосударственном – главным образом на уровне Конституции как Основного Закона государства. Легализация внешней свободы человека в форме субъективных прав, свобод и обязанностей – это лишь одна из

форм определения ее границ. Детальная же регламентация границ внешней свободы человека осуществлена в действующих нормативных актах государства, как материальных, так и процессуальных и исполнительных. В действующем законодательстве правам и свободам человека корреспондируют соответственно субъективные обязанности. Субъективные права, свободы и обязанности составляют правовой статус человека в обществе. Они исполняют роль легального ориентира границ социальной свободы каждого человека в цивилизованном обществе. Общественной практикой доказано, что нет прав и свобод без обязанностей, как нет обязанностей без прав и свобод. Оптимальным вариантом являются их гармоничное сочетание, согласование с помощью норм права в правовом поле, на правовой почве. Органическое единство прав, свобод и обязанностей – основа цивилизованного определения границ внешней свободы в правовом поле государства.

Внутренняя свобода человека – свобода воли в значительной мере, как уже отмечалось, формируется под влиянием его морально-психических, правовых установок и предписаний, содержащихся в полномочивающих, обязывающих, поощрительных и запретительных правовых нормах. Важное значение в этом процессе имеет уровень обеспечения доступности людям как субъектам общественных отношений этих установок, предписаний. Традиционными формами обеспечения доступности правовых установок, предписаний являются правовая пропаганда, правовое воспитание, правовое образование.

Очевидно, назрела необходимость критически оценить конституционный принцип «Незнание законов не освобождает от юридической ответственности». Он дол-

жен быть уравновешен не только конституционной обязанностью государства доводить свои правовые предписания, веления к человеку, но и выработкой эффективного механизма этой деятельности через правовую пропаганду, правовое воспитание, правовое образование. Современные возможности государства в этом направлении далеко не исчерпаны. Использование этих возможностей позволит укрепить интеллектуально-правовые установки человека, а следовательно, и его позитивную (перспективную) юридическую ответственность.

Границы социальной свободы человека, как уже отмечалось, в значительной мере определяются государством с помощью норм права. Каждая норма права включает соответствующее предписание, веление государства субъекту общественных отношений, указывая на желаемый для государства стандарт, модель его поведения в определенных условиях социального бытия. Такое предписание, веление обеспечивается потенциальной или реальной принудительной силой государства, которая призвана контролировать социально значимое поведение человека как субъекта общественных отношений, обеспечивать соблюдение им границ социальной свободы через применение юридической ответственности. В этих условиях неограниченная воля человека нормируется не только в рамках социальной правовой (юридической) свободы, но и в органической связи с разумной социальной и индивидуальной необходимостью и юридической ответственностью, которая, как известно, также имеет четко определенные в законе границы и меру. Государство в лице законодателя и своих компетентных органов должно в первую очередь выяснить, имеет ли оно моральное право ограничивать свободу

человека в конкретной жизненной ситуации или можно решить социальную проблему другими имеющимися методами и средствами.

Таким образом, свободу человека в праве следует определять как разумную правовую необходимость, согласованную с его собственными убеждениями, установками, идеалами, интересами и потребностями, опосредованную его совестью и обеспечиваемую силой воли человека.

Право как воплощение, продукт человеческого разума должно быть наделено чертами общечеловеческих ценностей. При таких условиях разум и воля человека, его разумная свобода воли и разумная правовая необходимость служат онтологическими основаниями юридической ответственности.

Разумная правовая необходимость в идеале имеет дихотомический характер: социальная и индивидуальная. Мудрость законодателя проявляется лишь тогда, когда он сумеет выявить, уяснить для себя, понять в каждой конкретной ситуации решение вопроса правового регулирования соответствующих общественных отношений, объективно-субъективный смысл социальной и индивидуальной разумной необходимости и гармонично соединить их в своем волевом предписании, воплощенном в модели правовой нормы или норм. Это волевое предписание, как известно, определяет права, свободы и обязанности субъектов общественных отношений, пределы их осуществления. Поэтому на передний план всегда должна выходить потребность выяснения социальной обусловленности той или иной нормы права на научно-практическом уровне. С другой стороны, субъект общественных отношений, будучи просоциально настроенным, должен уметь выяснить,

воспринять разумность социальной необходимости, оценить разумность своей индивидуальной необходимости и гармонично соединить ее с разумной социальной необходимостью. Этот результат проявляется через сложный мотивационно-волевой процесс. Как уже отмечалось, в тех случаях, когда норма права включает откровенное неразумное волевое предписание, которое не вызвано социальной необходимостью, человек как субъект общественных отношений либо игнорирует такое предписание, либо ищет пути его обхода. В таких ситуациях доминирует разумная субъективная, индивидуальная необходимость. Наряду с этим антисоциально настроенный человек, как правило, обычно не воспринимает разумную социальную необходимость, воплощенную в норме права, предпочитая субъективную разумность своей индивидуальной необходимости. В этом случае является глубоко нравственным, оправданным применение к нему со стороны компетентных органов государства правомерного принуждения с целью модификации его поведения в правомерное русло. Это в идеале. В практической же повседневной жизни все гораздо сложнее, поскольку постоянно актуальными являются проблемы эффективности контроля за социально значимым поведением людей как субъектов общественных отношений и проблема эффективности правоприменения, решение которых зависит от ряда факторов объективного и субъективного характера.

В юридической литературе в связи с мерой свободы и мерой ответственности человека рассматривается понятие «несвобода» как парная категория относительно категории «свобода». Понятие «несвобода» при этом правомерно рассматривается в связи с внешними нормативными осно-

ваниями социальной действительности. «Несвобода» является результатом признания человеком воли других субъектов общественных отношений, в частности воли государства, когда речь идет о правовой действительности. Социальная «несвобода» рассматривается в первую очередь как правовая несвобода человека.

Юридическая ответственность правонарушителя не безгранична. Она имеет свои пределы, которые четко определены в действующем законодательстве. Выработка, определение рационально оптимальных границ юридической ответственности – задача законодателя. Правоприменительные органы государства также имеют предусмотренные законодательством возможности для индивидуализации ответственности нарушителей норм права.

Сложность доминирующего положения законодателя заключается в первую очередь в том, что он должен, с одной стороны, понять, выявить социальную обусловленность необходимости правового регулирования для того, чтобы избежать как излишества, так и недостаточности правового регулирования общественных отношений, а с другой – обеспечить соответственно высокое качество правового регулирования общественных отношений.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека следует понимать в трех уровнях: а) микроуровень; б) макроуровень; в) мегауровень.

На микроуровне нормативно-правовым основанием для применения к человеку негативной (ретроспективной) юридической ответственности выступает норма (нормы) материального законодательства, которая закрепляет состав соответствующего правонарушения.

Нормативно-правовым основанием негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека на макроуровне понимания этого понятия является норма (нормы) материального законодательства, которая закрепляет состав соответствующего правонарушения, а также нормы процессуального законодательства, которые определяют процедуру привлечения правонарушителя к соответствующему виду юридической ответственности и назначения ему правового взыскания или наказания, и нормы исполнительного законодательства, определяющие порядок и условия исполнения назначенного ему правового взыскания или наказания. Кроме того, в случае привлечения человека к уголовной ответственности – нормы уголовного и уголовно-процессуального права, которые определяют реализацию института судимости.

Нормативно-правовое основание негативной (ретроспективной) юридической ответственности человека на мегауровне понимания этого явления составляют нормы международного права и внутригосударственного законодательства, определяющие противоправность совершенного человеком деяния, нормы внутригосударственного законодательства, которые определяют состав этого правонарушения и процедуру применения к человеку юридической ответственности (нормы процессуального и исполнительного законодательства).

На любом уровне понимания нормативно-правового основания негативной (ретроспективной) юридической ответственности ее важными основаниями являются решения Европейского Суда по правам человека и решения украинских судов.

Фактическим основанием негативной (ретроспективной) юридической ответ-

ственности человека является юридический факт – совершение человеком как субъектом общественных отношений нормативно-правового деяния, содержащего состав соответствующего правонарушения, то есть поступка, который запрещен законом под угрозой привлечения виновного в его совершении к соответствующему виду юридической ответственности. Состав правонарушения характеризуется четырьмя элементами: объектом; объективной стороной; субъектом; субъективной стороной. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов или какого-то из их признаков означает отсутствие основания для привлечения человека к негативной (ретроспективной) юридической ответственности.

Юридическая ответственность человека возможна только за деяния, являющиеся общественно значимыми, то есть такими, которые затрагивают интересы других членов общества, государства, всего общества. Она выступает следствием безответственного поведения человека, совершения им деяния, которое причиняет вред или создает реальную угрозу причинения вреда интересам другого человека (людей), другим субъектам общественных отношений, то есть эти деяния человека объективно общественно вредны или общественно опасны. Такие действия являются и должны быть юридически значимыми как для законодателя, так и для правоприменителей.

Viktor Qrişuk

Ukrayna ali təhsil Elmlər Akademiyasının akademiki, Ukrayna hüquq elmləri Milli Akademiyasının müxbir üzvi, Ukrayna Daxili İşlər Nazirliyinin Lvov Dövlət Universitetinin hüquq, psixologiya və iqtisadiyyat tədris-elmi İnstitutunun direktoru, hüquq elmləri doktoru, professor

İnsanın negativ (retrospektiv) hüquqi məsuliyyəti və onun əsasları

Xülasə

Məqalədə neqativ mənada insanın hüquqi məsuliyyətinin əsas konsepsiyaları, bu məsuliyyətin digər məcburetmə tədbirlərindən fərqləndirilməsi tədqiq olunmuşdur, retrospektiv məsuliyyətin hədləri müəyyən edilmiş, onun normativ və faktiki əsaslarına diqqət yetirilmişdir.

Victor Hryshchuk

Academician of the Academy of Sciences of Higher Education of Ukraine, member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine, Director of the Scientific-Research Institute of Law, Psychology and Economics from Lviv State University of Internal Affairs of Ukraine, Doctor of Law, Professor

Negative (retrospective) liability of human and its base.

Summary

This article explores the basic concepts of legal responsibility of human in its negative sense, by separating the responsibility of such measures of state coercion, defined the limits of retrospective liability focuses on the normative and factual grounds of negative liability.

ОЛЕГ БАХУР

Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Açar sözlər: qanunsuz miqrasiya, qanunsuz miqrant, qanunsuz miqrasiyanın təşkili, qanunsuz miqrasiya ilə mübarizə, saxta nikahlar.

Ключевые слова: незаконная миграция, незаконный мигрант, организация незаконной миграции, противодействие незаконной миграции, фиктивные браки.

Keywords: illegal migration, illegal migrant, organization of illegal migration, combating the illegal migration, fictitious marriages.

Введение

В современных экономико-социальных условиях миграция населения объективно является важнейшим элементом, обеспечивающим эффективное функционирование как глобальных, так и национальных механизмов экономики. Одной из неблагоприятных тенденций развития явления миграции населения в современном мире является возрастание масштабов ее незаконных форм.

Проблема миграции населения является многосторонней и актуальной для целого ряда гуманитарных наук. Вопросы правового регулирования миграции населения и противодействия ее нелегальным проявлениям изучались многими учеными юри-

стами. Среди авторов наиболее значимых работ необходимо выделить следующих ученых – Васильеву Л.А., Марчука В.В., Луканова Н.Н., Короля В.В., Булахова Д.П., Тарасова И.А., Герасименко А.М.

Незаконная миграция – это многогранное явление, которое можно разделять на:

- организованную незаконную миграцию, как разновидность организованной преступной деятельности, и стихийную незаконную миграцию (по признаку организованности);
- групповую и одиночную (по количественному признаку);
- транзитную, на постоянное место жительства либо трудовую (по маршруту, цели и способу осуществления).

Республика Беларусь в силу ряда причин является как страной происхождения нелегальных мигрантов (страной донором), так и страной назначения для нелегальных мигрантов из других стран.

Незаконные миграционные процессы обладают свойством причинять существенный вред общественным отношениям. Незаконная миграция обладает деструктивными свойствами, имеет объективную способность производить негативные изменения в социальной действительности и вносить элементы дезоргани-

зации в сложившийся правопорядок, кроме того, она выступает существенным криминальным фактором, влияющим на рост преступности, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации в стране [1, 17].

Сегодня с нелегальной миграцией правоохранители связывают изменение количественных и качественных показателей совершаемых на территории нашей страны преступлений. Указанное негативное явление тесно связано с подделкой документов, взяточничеством, мошенничеством и иными видами преступных деяний. Кроме того, незаконная миграция является существенным источником прибыли для организованной преступности. Все это способствует развитию других видов преступлений (не миграционного характера), совершаемых как самими нелегальными мигрантами, так и в отношении последних.

Белорусские специалисты в сфере миграции расценивают незаконную миграцию как крайне негативное и социально опасное явление. Так, 44 % опрошенных сотрудников Департамента по гражданству и миграции МВД Беларуси среди обстоятельств, определяющих ее опасность, на первое место поставили то, что она оказывает влияние на повышение преступности и коррупции. Во-вторых (30 % ответов), специалистами отмечается, что наплыв нелегалов обостряет все социальные проблемы, 17 % ответов были даны в пользу мнения о том, что нелегалы распространяют бедность и нищенство, 9 % респондентов считают, что нелегалы создают конкуренцию безработным гражданам [2, 23].

Учитывая вышеизложенное, становится очевидно, что глубокое изучение характеристик незаконной миграции, как социального негативного явления, ее причин и способствующих условий, показателей

преступности, связанной с незаконной миграцией, на основе комплексного, системного научного анализа, является сегодня необходимым условием выработки эффективных мер по предупреждению преступности данного вида, минимизации самого явления незаконной миграции и его последствий.

Основная часть

Предпосылки возникновения незаконной миграции были созданы еще в период существования СССР, когда отдельным странам активно предоставлялась помощь в обучении и трудоустройстве молодежи, подготовке различного рода специалистов в советских учебных заведениях и на предприятиях. После распада СССР значительное количество иностранцев, прибывших для обучения либо прохождения стажировки, не захотели или не смогли вернуться на родину и оставались на территории бывших республик СССР, в том числе и в Беларуси, без юридических оснований, став незаконными мигрантами. В начале 90-х гг. на территории нашей страны находилось более 3 тыс. граждан Афганистана, Эфиопии, Ирака, Ирана, Пакистана, Вьетнама и некоторых других государств, прибывших на учебу или работу по контрактам и не желающих возвращаться в свою страну. Многие представители этой категории нелегалов прожили в Беларуси довольно продолжительный срок или были в стране ранее в качестве студентов или туристов, знают ее особенности и уровень жизни, обладают социальными связями, владеют языком, знают национальное законодательство. Лица данной категории нередко используют указанные обстоятельства для помощи своим соотечественникам, которые намериваются въехать в нашу страну, чтобы затем перебраться в Западную Европу, то есть первые служат

своеобразной основой (базой) для современной незаконной миграции. Это можно четко проследить на примере незаконных мигрантов из стран Кавказского региона, Афганистана, Ближнего и Среднего Востока. У каждого третьего мигранта из Грузии и Азербайджана, а также каждого четвертого мигранта из Афганистана и Ближнего Востока в Беларуси есть либо хорошие друзья из числа соотечественников, либо родственники, имеющие вид на жительство или получившие статус беженца в нашей стране.

Отметим, что своеобразный пик незаконной миграции отмечен статистикой в 1995 году, когда произошел наибольший рост задержаний незаконных мигрантов на Государственной границе, а в их потоке отмечались выходцы из более чем 100 стран.

Важным показателем, характеризующим незаконную миграцию как негативное социально-правовое явление на определенной территории в определенный период времени, выступает ее состояние, выражающееся в количестве правонарушений, фактически совершенных в сфере миграции, а также лиц, их совершивших. Непосредственно же к преступлениям, составляющим незаконную миграцию и подлежащим уголовному наказанию в соответствии с УК Республики Беларусь, относятся: незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь (ст. 371); организация незаконной миграции (ст. 3711); нарушение сроков запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 3712).

Ситуация с незаконной миграцией в последнее время характеризуется следующими данными. За первое полугодие 2013 г. было задержано 5 402 незаконных транзитных мигранта, возбуждено 140 уголов-

ных дел за нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 3712 УК), возбуждено 9 уголовных дел за совершение преступлений, связанных с организацией незаконной миграции. В 2013 г. пресечена деятельность международной преступной организации, состоявшей из граждан Беларуси, России, Грузии, которые с 2011 г. по 2012 г. осуществили незаконный транзит через территорию Республики Беларусь в Российскую Федерацию 1 400 граждан Грузии.

Оценивая приведенные выше данные, отметим, что они не полностью отражают фактическое состояние преступности, связанной с незаконной миграцией, из-за высокого уровня латентности составляющих ее деяний, а также ряда недостатков в регистрационной системе. В связи с этим можно утверждать, что реальное число данных преступлений больше, чем указывается в статистических отчетах. Поэтому очевидно, что всесторонний анализ явления незаконной миграции может быть осуществлен только с учетом уровня ее латентности и значительную роль в этом играют экспертные оценки, позволяющие прояснить ситуацию.

О широкой распространенности деяний, связанных с незаконной миграцией, свидетельствует число лиц, привлеченных к административной ответственности за нарушение установленного порядка миграции. Отметим, что ответственность за противоправные деяния в сфере миграции населения предусмотрена и Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях 21 апреля 2003 г. № 194-З (ст.ст. 23.29, 23.55). Статья 23.29 Кодекса об административных правонарушениях устанавливает ответственность за пересечение Государственной границы Беларуси (т.е. в неустановленных местах,

по подложным документам и т.д.) в направлениях, где установлен соответствующий правовой режим охраны границы. Статья 23.55 Кодекса об административных правонарушениях «Нарушение правил пребывания в Республике Беларусь, а также правил транзитного проезда (транзита) через территорию Республики Беларусь» предусматривает административную ответственность за нарушение Правил пребывания на территории Республики Беларусь и транзитного проезда через ее территорию.

К оценке ситуации с незаконной миграцией необходимо подходить взвешенно, на основе криминологических и социологических методик. Так, по различным оценкам, на территориях государств – участников СНГ находится до 2 млн. незаконных мигрантов, из них большая часть в Российской Федерации, Республике Беларусь, Украине [3, с. 355]. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что, по мнению ряда ученых-криминологов, исследовавших уровень латентной преступности, связанной с незаконной миграцией, раскрывается только 10 % совершаемых преступлений [4, с. 219]. За последние пять лет число выявляемых незаконных мигрантов составляет до 2 тысяч в год. Используя определенную аналогию, получаем цифру, отражающую возможное количество незаконных мигрантов, находящихся на территории нашей страны, – до 20 тысяч. Поэтому называемые в различных источниках цифры от 100 и до 400 тыс. человек, по нашему мнению, являются необоснованно гиперболизированными [5, с. 26].

С качественной стороны незаконную миграцию характеризует ее структура. Незаконная миграция в Республике Беларусь характеризуется следующими

основными чертами:

1. основной поток незаконных мигрантов рассматривают государство, как транзитную страну на пути следования в страны Европейского Союза (незаконная транзитная миграция);

2. только незначительная часть иностранцев, незаконно прибывших в Беларусь, стремится временно или постоянно осесть на территории республики.

В настоящее время наибольшую опасность для Республики Беларусь представляет незаконная транзитная миграция. Через территорию нашего государства в страны западной Европы незаконно перемещается значительное количество транзитных мигрантов из Южно-азиатского, Ближневосточного и Африканского регионов. Больше всего таких лиц прибывает из Афганистана, Пакистана, Ирана, Ирака, Индии, Нигерии, Ганы, Конго, Сьерра-Леоне, Египта, Вьетнама, Китая. До 95 % их въезжает с территории Российской Федерации. Проблема незаконной транзитной миграции через территорию государства в страны Европейского Союза свойственна и гражданам некоторых государств СНГ (Грузия, Молдова, Украина, Казахстан). В последнее время отмечается рост потока граждан СНГ, прежде всего Молдовы, стран Закавказья, Средней и Центральной Азии, Украины, России (в том числе из Чечни в возрасте 18 — 30 лет), стремящихся к незаконному выезду в страны Запада с целью трудоустройства и на постоянное место жительства.

Незаконная транзитная миграция приводит к постоянному увеличению числа нелегалов на территории Республики Беларусь. Это обстоятельство связано с тем, что при укреплении границ и ужесточении контроля над въездом в западных странах нелегалы, не сумев сразу попасть

в них, вынуждены оставаться на территории нашей страны, не имея возможности вернуться на свою родину.

Если говорить о способах проникновения незаконных мигрантов в Беларусь, то их можно разделить на две группы: полулегальные и нелегальные. К полулегальным способам проникновения относятся те, при которых въезд в страну либо выезд из нее осуществляется в соответствии с законодательством, но с введением в заблуждение относительно целей миграции. Анализ сложившейся обстановки свидетельствует о том, что значительная часть незаконных мигрантов въезжает в Беларусь на законных основаниях по туристическим, учебным, трудовым визам, по приглашениям различного рода фирм якобы для занятия бизнесом, по частным приглашениям, используя фиктивные браки, с последующим намерением выехать в страны Западной Европы. В случае неудачной попытки дальнейшего перемещения в страны Запада такие мигранты остаются сверх срока визы на территории страны, переходя на нелегальное положение.

К нелегальным способам проникновения относятся: а) пересечение границы в пунктах пропуска по фальшивым или чужим документам, а также укрывшись от пограничного и таможенного контроля в тайниках транспортных средств; б) пересечение границы в «зеленой зоне». Руководством ГКПВ отмечается, что незаконные мигранты сменили тактику незаконного пересечения границы нашего государства в «зеленой зоне», минуя пункты пограничного контроля, на тактику использования поддельных документов.

Кроме того, специалисты отмечают существенное изменение тактики действия организаторов незаконной миграции. Так, если ранее количественный состав группы

нелегальных мигрантов, задерживаемых правоохранительными органами, доходил до 40 человек, то в настоящее время группы такой численности вообще не формируются. Проникновение на территорию республики осуществляется автомобильным транспортом группами по 3 - 5 человек с применением повышенных мер конспирации с последующей концентрацией, как правило, в небольших населенных пунктах районов, прилегающих к пограничной зоне, что существенно затрудняет их выявление (населенные пункты Брестской, Гомельской и Витебской областей).

Анализ результатов изучения уголовных дел, проведенного анкетирования сотрудников ОВД, а также публикаций на тему незаконной миграции показывает, что основным маршрутом нелегалов в настоящее время является следующий. Незаконные мигранты въезжают в Российскую Федерацию легально, в основном по туристическим визам, используя либеральный режим въезда и получения виз, после чего, пользуясь отсутствием таможенного и пограничного контроля, они перемещаются в нашу страну железнодорожным транспортом. При этом одни из них пытаются остаться в Беларуси нелегально, другие предпринимают попытки дальнейшего перемещения в Западную Европу посредством незаконного пересечения границ нашей страны с Украиной, Польшей, Литвой, Латвией. До 95 % незаконных мигрантов попадают на территорию Республики Беларусь именно по указанному маршруту.

Еще одной важной чертой незаконной миграции стало то, что она практически полностью контролируется организованной преступностью, являясь для нее существенным источником прибыли. По мнению многих зарубежных специалистов,

нелегальная миграция как сфера деятельности организованной преступности занимает одно из первых мест по своей прибыльности. По оценкам некоторых специалистов, годовая мировая прибыль преступных организаций от незаконной миграции составляет более 12 млрд. дол. США в год. Количество же потенциальных клиентов преступных организаций, занимающихся незаконным перемещением мигрантов, постоянно растет, обеспечивая преступникам стабильный доход на много лет вперед. Так, по оценкам экспертов ОБСЕ, ежегодно в мире контрабандным путем перевозятся около 4 млн. человек.

Касаюсь вопросов правовой основы противодействия незаконной миграции отметим, что в Республике Беларусь, кроме УК и КоАП, ее составляют следующие нормативные правовые акты: Закон Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 года [6], Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Беларусь по вопросам правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства» от 9 июля 2010 года [7]. Однако на практике положения указанных нормативных правовых актов не создают реальных препятствий для иностранцев, имеющих намерение легализовать своё дальнейшее пребывание на территории нашей страны. Они используют широкий арсенал различных ухищрений и способов реализации своих планов в данном направлении.

Сегодня наиболее распространенным способом получения разрешений на вре-

менное или постоянное проживание в Республике Беларусь среди нелегалов является заключение фиктивных браков с гражданами Республики Беларусь или постоянно проживающими на ее территории иностранными гражданами и лицами без гражданства. Для пресечения этого явления постановлением Совета Министров Республики Беларусь №891 от 10 июня 2010 года было утверждено положение о порядке получения органами внутренних дел документов и (или) сведений, подтверждающих, что брак с гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, заключен иностранным гражданином или лицом без гражданства исключительно в целях получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь [8]. Однако правоприменительная практика по использованию названного нормативного правового акта показала, что он не решает в полном объеме проблемы заключения фиктивных браков с участием иностранцев.

Кроме того, на основании материалов, собранных сотрудниками органов внутренних дел для доказательства фиктивности брака согласно приложению вышеуказанного Положения, в соответствии с действующим гражданско-процессуальным законодательством, суд всего лишь принимает решение о признании брака недействительным с момента его регистрации. Вместе с тем, правовые основания аннулирования вида на жительство, выданного иностранцу, на стадии судебного разбирательства по указанному поводу отсутствуют. При этом не исключается возможность свободного обращения этого лица в органы ЗАГС с заявлениями о расторжении текущего фиктивного брака и заключении следующего аналогичного

брака, зарегистрировав который, оно имеет основания для получения нового разрешения на постоянное проживание на территории Республики Беларусь. При этом в случае отказа иностранцу в выдаче разрешения на постоянное проживание в нашей стране по вышеуказанному основанию, ничто не препятствует ему получить разрешение на временное проживание. Пробел в правовом регулировании анализируемых правоотношений очевиден.

Фактором, способствующим росту числа заключенных фиктивных браков, как формы осуществления нелегальной миграции, является отсутствие какой бы то ни было ответственности за такие деяния. Указанное обстоятельство порождает чувство безнаказанности, как у иностранцев, так и недобросовестных граждан Беларуси, вступающих в заведомо фиктивный брак из корыстной или иной заинтересованности. В связи с этим активно обсуждается вопрос об установлении уголовной ответственности за заключение фиктивных браков иностранцами.

Вместе с тем, по нашему мнению, необходимо весьма осторожно подходить к решению вопроса о криминализации указанного деяния. Общепризнанным является то, что криминализация возможна лишь после глубокого изучения социальной обусловленности такого решения, проведения всестороннего анализа общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, его возможных социально-правовых последствий. Однако в Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют научные исследования, специально посвященные проблематике фиктивных браков, заключаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства с гражданами Республики Беларусь. Но уже сегодня можно отметить то, что рас-

сматриваемые деяния иностранцев и белорусских граждан не обладают той степенью общественной опасности, которая присуща преступлению. Так же полагаем, что в случае криминализации фиктивных браков соответствующая уголовно-правовая норма не будет иметь должной эффективности. Во-первых, возникнут сложности с доказыванием прямого умысла на заключение фиктивного брака и, как следствие, норма перейдет в разряд неприменяемых. Во-вторых, принятие решения о криминализации фиктивных браков не согласуется с современной уголовно-правовой политикой белорусского государства, направленной на экономию мер уголовной репрессии и гуманизацию. Прогнозируется также увеличение нагрузки на всю правоохранительную систему и возрастание финансовых затрат на применение мер уголовной репрессии, что не является обоснованным. Кроме того, современные криминологические исследования в части изучения практики назначения и исполнения мер уголовной ответственности показывают их недостаточную исправительную и предупредительную эффективность, незавершенность построения сбалансированной и развитой уголовно-исполнительной системы, о чем свидетельствует высокий уровень рецидива преступлений. Поэтому можно утверждать, что задача эффективного противодействия фиктивным бракам не может быть решена посредством введения уголовной ответственности за такие деяния, а также будет снижать эффективность решения более общей и значимой задачи – борьбы с нелегальной миграцией и правонарушениями, совершаемыми иностранцами.

Представляется, что наибольшего эффекта в противодействии заключению фиктивных браков иностранцами можно

достичь посредством ранней профилактики. По нашему мнению необходимо проводить выявление противоправных намерений на стадии подачи иностранцами заявлений в органы ЗАГС, а также создание организационных (процедурных) препятствий для заключения фиктивных браков с целью последующей легализации своего положения в стране. Этому будет способствовать включение в законодательство о браке и семье нормы, обязывающей иностранцев перед заключением брака с гражданами Республики Беларусь проходить собеседование (анкетирование), направленное на выявление намерения заключить фиктивный брак.

Оптимальным и вполне эффективным путем решения проблемы может послужить введение административной ответственности в отношении как самих иностранцев, так и белорусских граждан и постоянно проживающих иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Республики Беларусь за создание брака без цели создания семьи, а исключительно для получения разрешения на временное или постоянное проживание. При этом в качестве меры административного взыскания за совершение указанных деяний иностранцами важно предусмотреть депортацию из Республики Беларусь, поскольку пребывание иностранцев с противоправными намерениями, активно предпринимающих попытки легализации своего пребывания, представляет угрозу интересам Республики Беларусь, ухудшает криминогенную обстановку. При этом максимальный срок исполнения наложенного взыскания в виде депортации составляет не более 90 суток, что позволит существенно уменьшить расходы по содержанию иностранцев в специальных учреждениях [9].

Возвращаясь к особенностям криминологической характеристики незаконной миграции в Республике Беларусь отметим, что в Беларуси практически не существует отдельных исследований, посвященных непосредственно преступности незаконных мигрантов, к которой, на наш взгляд, необходимо относить совокупность совершенных такими лицами преступлений на территории страны пребывания за определенный период времени. Сложность таких исследований заключается в том, что имеющаяся официальная уголовная статистика не выделяет среди всех иностранцев, совершивших преступления на территории страны, иностранцев, находящихся в Беларуси на нелегальном положении. Кроме того, преступность всех категорий мигрантов характеризуется повышенной латентностью. Она фиксируется как таковая только в случае раскрытия преступлений и выявления виновных лиц, т.е. после установления того, что виновный является мигрантом. Преступления, совершенные приезжими, обладают значительной сложностью раскрытия, поскольку, осев в определенном месте, мигранты ассимилируются, включаются в общественные отношения на данной территории, а также зачастую уже имеют опыт криминальной деятельности. Особый интерес представляет то, что во многих случаях иностранцы, совершившие преступления, проживали на территории Беларуси нелегально, с нарушением установленного порядка миграции, являлись безработными.

В последние годы на территории Беларуси наблюдается рост преступлений, совершенных иностранцами. В структуре преступности иностранцев наибольший удельный вес имеют имущественные преступления (36 % составляют кражи и мошенничества), а также стабильно устой-

чивы показатели совершения корыстно-насильственных посягательств (12 %). Особую актуальность приобретает проблема преступлений в сфере наркобизнеса (6 % от общего числа преступлений), находящаяся в определенной взаимосвязи с экономической преступностью. Удельный вес преступлений против личности (убийства, причинение тяжких телесных повреждений, изнасилования) составляет 4 %, достаточно велик удельный вес хулиганств – 5 %. При этом специалистами правоприменительных органов отмечается, что для иностранцев и мигрантов характерно совершение преступлений, которые не требуют высокого криминального профессионализма и организованности.

Кроме того, нелегалы сами зачастую становятся жертвами преступлений. Повышенная степень их виктимности обусловлена отсутствием желания, а иногда и возможности воспользоваться законными средствами правовой и социальной защиты государства в силу своего нелегального положения в стране. Чаще всего они становятся жертвами преступных деяний, совершаемых их соотечественниками, а также организаторами незаконных миграционных перемещений.

Виктимность положения нелегальных мигрантов можно рассматривать с нескольких позиций. Во-первых, отсутствие у них социальной и правовой защиты, чем пользуются преступные формирования, выступавшие в форме организаторов незаконной миграции, для вовлечения нелегалов в трудовую и сексуальную эксплуатацию. Во-вторых, нежелание сотрудничать с правоохранительными органами делает любого рода нелегальных мигрантов крайне уязвимыми для различного рода мошенников, готовых оказать широкий перечень мнимых услуг. Так, наиболее распространено выманивание материаль-

ных средств у таких мигрантов под предлогом решения вопросов с должностными лицами государства пребывания. По-прежнему имеют место также факты мошенничества, когда организаторы каналов незаконной миграции оставляют иностранцев в приграничных районах, не доставив в конечный пункт следования, получив предоплату за свои услуги.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в структуре преступлений, совершаемых в отношении мигрантов, преобладают корыстные и корыстно-насильственные посягательства. Основными среди них являются – кражи, грабежи, вымогательства, мошенничества.

Высокая степень подверженности нелегалов криминогенным влияниям обуславливается следующими объективными и субъективными факторами:

1) постоянные переезды приводят к ослаблению социального контроля поведения человека, разрыву полезных связей, создают условия для нежелательных контактов с криминогенной средой;

2) особенности правового статуса в стране пребывания приводят к тому, что нелегалы, ранее не вовлеченные в преступную деятельность, попадают в зависимость от членов различного рода преступных формирований (в основном этнических), и не находят иного выхода, как совершение преступлений, в основном, имущественного характера;

3) у нелегальных мигрантов нет постоянного источника доходов, в силу этого они зачастую не могут самостоятельно расплатиться с организаторами их перемещения через государственные границы, и попадают в долговую кабалу, вследствие чего они вынуждены «отрабатывать» долги. На этой основе и происходит вовлечение нелегалов в преступную деятельность;

4) многие мигранты вовлекаются в потребление наркотических средств, пьянство.

Большинство преступлений совершено в отношении граждан России (45 %), Украины (14 %), Литвы (6 %), Польши (6 %), Германии (3 %). Особенностью преступлений в отношении мигрантов является то, что значительное их количество совершается соотечественниками последних.

Выделим и такую особенность незаконной миграции, заключающейся в том, что она может быть как формой миграции населения, так и средством совершения других преступлений. В частности, в некоторых случаях незаконная миграция имеет криминальное начало, связанное с торговлей людьми, терроризмом, контрабандой оружия, наркотиков, когда нелегальное пересечение государственных границ и перемещение мигрантов становятся средством совершения указанных преступлений. В таких случаях уместно говорить о еще одном отдельном виде миграции – криминальном. На наш взгляд, под криминальной миграцией необходимо понимать территориальные перемещения физических лиц, осуществляемые как законно, так и с нарушением установленного порядка миграции, с целью совершения одного или нескольких преступлений немиграционного характера. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что указанный вид перемещений распространен и в нашей стране.

Особый криминологический интерес представляет личность нелегального мигранта, а также других лиц, совершающих преступления в сфере миграции. Для организации научно обоснованной борьбы с преступностью необходимо знать, обладают ли преступники чертами, отличными от законопослушных граждан, и если да, то какими, в какой мере эти черты прису-

щи различным категориям преступников, зависит ли преступное поведение от естественных свойств личности.

Для транзитных незаконных мигрантов незаконное пребывание служит лишь одним из этапов нелегального перемещения в страны западной Европы. Характерным является и то, что они полностью зависят от организаторов незаконного перемещения и не предпринимают никаких самостоятельных действий, находясь на территории нашей страны. Большинство их – жители дальнего зарубежья. Среди этой категории встретились граждане только двух стран из состава бывшего СССР – Украины и Молдовы, доля которых в общем потоке составила 3 % и 2 % соответственно. Наиболее же многочисленная группа транзитных нелегалов представлена гражданами Китая (33 % от общего количества), выходцы из Индии составляют 18 %, граждане Афганистана – 15 %, жители стран Африки – 11 %, Ирана – 9 %, Пакистана – 4 %.

Среди незаконных мигрантов, прибывших для постоянного проживания, либо временного пребывания в Республике Беларусь, наоборот, большинство составляют граждане стран СНГ. Среди привлеченных к административной и уголовной ответственности за нарушение правил пребывания в Республике Беларусь больше всего граждан Азербайджана (около 25 % от общего количества), Российской Федерации (13 %), Грузии и Абхазии (12 %), Украины (10 %), Китая (9 %), Вьетнама (8 %), Ирана (6 %). Все мигранты данной категории находились в трудоспособном возрасте, из них 88 % – мужчины, 12 % – женщины. Именно представители данной категории в наибольшей степени склонны к совершению различных правонарушений, как административных, связанных с

хулиганскими действиями, распитием спиртных напитков, так и уголовных, в основном имущественных преступлений. Характерным для них является стойкая антисоциальная направленность и пренебрежение к установленным нормам и правилам, что проявляется в многократных нарушениях режима пребывания, а также неоднократных фактах незаконного пересечения государственной границы даже, невзирая на депортацию из страны с запретом въезда.

Среди нелегальных транзитных мигрантов соотношение количества мужчин и женщин составляет 77 % и 23 % соответственно. Отметим, что многие женщины в силу национальных обычаев и устоев не имеют права голоса и вынуждены подчиняться главе семьи, следовать за ним, становясь нелегальными мигрантами не по своей воле. Возраст незаконных мигрантов не ограничивается узкими рамками. По данным исследования, нелегалы от 18 до 25 лет представляют 24 % от общего их количества, от 25 до 35 лет – 40 %, от 35 до 45 лет – 18 %, от 45 до 50 лет – 11 %, старше 50 лет – 3 %, несовершеннолетние – 4%.

Таким образом, большинство нелегальных мигрантов – это молодые мужчины до 35 лет. Людям этого возраста присуще наличие наибольшей трудовой активности, стремление искать и добиваться улучшения качества жизни, желание самоутвердиться. Наименьшей является возрастная группа лиц старше 45 лет, которым психологически тяжело уезжать с родины, оставлять свою работу, жилье, в основном это политические или экологические мигранты. Нелегалы в этом возрасте в основном едут с несовершеннолетними детьми, пытаясь устроить их жизнь. Люди старшего возраста (от 50 лет) перемещаются с младшими членами семьи, которые часто

являются единственными их кормильцами.

Образовательный уровень большинства нелегалов невысок, как и профессиональная квалификация: значительная их часть представлена безработными и лицами, не имеющими определенных занятий. Большинство незаконных транзитных мигрантов имели среднее образование (55 %), 33 % – среднее специальное образование, только 12 % – высшее образование.

Социальный статус значительной части нелегалов на родине был не высоким. До выезда из своей страны 33 % нелегалов были безработными, 22 % – учащимися либо студентами, 19 % – наемными работниками, 15 % – крестьянами, 7 % – служащими, 4 % имели собственный небольшой бизнес. Треть нелегалов ранее учились на территории бывшего СССР либо сейчас учатся на территории стран СНГ и владеет или, по крайней мере, понимает русский язык, что связано не столько с образованием, сколько с продолжительным пребыванием на территории России или Беларуси. Подавляющее большинство незаконных мигрантов (85 %) – лица, проживавшие в городах. Такая ситуация обусловлена тем, что в странах с экономическим, политическим кризисом, где происходят вооруженные конфликты, наиболее тяжелая и опасная ситуация, с точки зрения экономики и безопасности, складывается в крупных городах.

Особо отметим, что в отличие от незаконных транзитных мигрантов из стран дальнего зарубежья, для лиц, прибывших из стран СНГ, характерным является то, что они прибывают в Беларусь с другими целями. Среди них: 1) цель заработать денег и вернуться в страну своей гражданской принадлежности; 2) остаться в Беларуси на постоянной основе для проживания. На территории нашей страны

такие лица, как правило, занимаются незаконной предпринимательской деятельностью, нелегально работают на рынках, в предприятиях торговли, общественного питания и частных фирмах. При этом на рынках на работу нелегалов принимают в основном соотечественники последних.

Анализ результатов изучения уголовных дел, возбужденных по ч. 3 ст. 371 УК и ст. 3711 УК Беларуси, позволил выявить и основные характеристики личности организаторов незаконной миграции. Большинство осужденных по указанной статье составили граждане Беларуси – 46 %, 9 % – граждане Афганистана, по 7 % – вьетнамцы, индийцы и литовцы, по 4 % – китайцы, нигерийцы, поляки, молдаване и пакистанцы. При этом характерным является то, что почти 80 % иностранцев, выступавших в роли организаторов незаконной миграции, имели вид на жительство в Республике Беларусь либо статус беженца, у остальных в Беларуси проживали родственники либо хорошие знакомые из числа соотечественников.

Среди организаторов незаконной миграции высок процент безработных – 52 %, рабочими являлось 26 %, служащими – 9 %, предпринимателями из разряда малого бизнеса – 13 %. Большинство преступников рассматриваемой категории – это мужчины среднего возраста от 35 до 45 лет (46 %), возрастная категория от 25 до 35 лет представлена 37 %, а от 45 до 50 лет – 17 %. Женщины среди них встречаются крайне редко – 4 % от всех осужденных по ч. 3 ст. 371 УК, ст. 3711 УК. Образовательный уровень рассматриваемой категории преступников невысок. Так, 44 % из них имели среднее образование, 39 % – среднее специальное и только 17 % – высшее образование. Отметим, что 24 % организаторов незаконных перемещений лиц ранее

были судимы за различные преступления, причем 6 % из них – за преступления связанные с нарушением установленного порядка миграции.

Изучение эмпирического материала показало, что лица, занимающиеся организацией незаконной миграции, для реализации своих преступных целей по перемещению лиц идут на подкуп должностных лиц, осуществляют подделку документов, приобретение и продажу таких документов. Для таких лиц характерно осуществление преступной деятельности в группе, состоящей, как правило, из трех – четырех соучастников. Так, по изученным уголовным делам, возбужденным по ст. 3711 УК, только в двух случаях преступления были совершены одним лицом.

Заклучение

Таким образом, современное состояние незаконной миграции в Республике Беларусь характеризуется высоким уровнем правонарушений и преступлений, связанных с нарушением установленного порядка миграции, а также высоким количеством прибывающих и находящихся на территории страны незаконных мигрантов.

Анализ статистических данных позволяет констатировать, что незаконная миграция отрицательно влияет на состояние криминальной обстановки. Среди массива мигрантов неизбежна доля тех, кто вовлекается в криминальную деятельность. Хотя эта часть мигрантов вносит не самый значительный вклад в общее число преступлений, но в данную категорию входят мигранты, обладающие наибольшим криминальным потенциалом. Кроме того, иностранцы на территории чужого государства объединяются по национальным, земляческим признакам, что часто приводит к созданию этнических криминальных формирований, представители которых

нередко проживают на территории страны незаконно. Указанное подтверждается и высоким уровнем групповой преступности иностранцев: по данным МВД Республики Беларусь на протяжении последних нескольких лет он находится примерно на одном на уровне – 20 %.

В местах наибольшей концентрации мигранты обостряют конкуренцию на рынке труда, повышают нагрузку на транспортную сеть и всю инфраструктуру соответствующего региона. Сотрудники правоохранительных органов Беларуси выявляют многочисленные факты занятия иностранцами различных категорий незаконной предпринимательской деятельностью, а также торговлей на рынках и в других местах без соответствующих разрешений. Кроме того, большое число мигрантов, стремящихся нелегально проникнуть в определенную страну или остаться в ней без законных оснований, значительно активизируют такие правонарушения, как подделка документов, нелегальная перевозка

мигрантов через государственные границы, организация их незаконного пребывания, нелегальное трудоустройство.

Правовая основа противодействия незаконной миграции нуждается в постоянном совершенствовании. Поскольку заключение фиктивных браков в настоящее время является одним из наиболее распространенных способов легализации незаконных мигрантов на территории Беларуси, то законодателю следует сосредоточиться на создании эффективных правовых механизмов противодействия. На наш взгляд предложенные нами в статье изменения позволят эффективно противодействовать как незаконной миграции населения в целом, так и заключению в частности. Кроме того введение административной ответственности за заключение фиктивных браков послужит сдерживающим фактором для граждан Республики Беларусь и иностранцев, намеревающихся заключить фиктивные браки и будет иметь общепрофилактический эффект.

Список использованных источников

1. Бахур, О.И. Социальная обусловленность норм об уголовной ответственности за незаконную миграцию // О.И. Бахур // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 16–19.
2. Бахур, О.И. Уголовно-правовая борьба с незаконной миграцией // Социальная обусловленность норм об уголовной ответственности за незаконную миграцию: дис. ... к-та юрид. наук: 12.00.01 / О.И. Бахур. – Минск, 2006. – 145 с.
3. Шпак А.С. Незаконная миграция – угроза безопасности Беларуси и России. Некоторые аспекты правового регулирования незаконной миграции в Республике Беларусь // Нелегальная миграция как угроза международной стабильности и безопасности государств: Материалы Междунар. конф., Минск, 27–28 нояб. 2003 г. / Аналит. центр НАН Беларуси; редкол.: А.М. Баньковский [и др.]. – Минск, 2004. – С. 355–362.
4. Нелегальна міграція та торгівля жінками у міжнародно-правовому контексті: у двох книгах / відп. редактори Ю.І. Римаренко, Я.Ю. Кондратьєв. – Книга перша. Частина 2. Авт. кол. – Київ.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; НАН України; Київськ. ун-т права; Національна акад. внутрішніх справ України, 2001. – 499 с.
5. Ванян А.Б., Соколов С.В. О состоянии и некоторых проблемах борьбы МВД государств-участников СНГ с незаконной миграцией // Миграция в России: социальные и правовые аспекты проблемы: Сб. науч. ст. / Центр изуч. проблем этнич. меньшинств, беженцев

- и вынужд. перселенцев; под науч. ред. А.А. Стрельникова. – Ростов н/Д, 2004. – С. 18–48.
6. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2010 г., №105 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
7. О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Беларусь по вопросам правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 июл. 2010 г., № 1030 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
8. Об утверждении Положения о порядке получения органами внутренних дел документов и(или) сведений, подтверждающих, что брак с гражданином Республики Беларусь либо иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, заключен иностранным гражданином или лицом без гражданства исключительно в целях получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 июл. 2010 г., № 891 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
9. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек.2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 30 нояб. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

Oleq Baxur

Belarus Respublikası DİN-in Akademiyasının “Cinayət hüququ və kriminologiya” kafedrasının rəis müavini, hüquq elmləri namizədi, dosent

Belarus Respublikasında əhalinin miqrasiyası: neqativ təzahürlər və mübarizə yolları

Xülasə

Məqalədə müəllif tərəfindən kriminoloji mövqedən əhalinin qanunsuz miqrasiyasının kompleksli xarakteristikası təqdim edilmişdir. Miqrasiya sahəsində cinayətkarlığın əsas kriminoloji göstəricilərinin təhlili aparılmışdır. Eyni zamanda, qanunsuz miqrasiya proseslərinin digər növ cinayətlərə, həmçinin ölkədə sosial-iqtisadi duruma təsiri dərəcəsi nəzərdən keçirilmişdir. Qanunsuz miqrant kimi şəxsiyyət barədə və qanunsuz miqrasiyanın təşkilatçılarının şəxsiyyəti barədə məlumatlar maraq doğurur. Məqalədə əhalinin qanunsuz miqrasiyası ilə mübarizənin əsasını təşkil edən milli qanunvericilik təhlil edilmişdir. Belarus ərazisində öz məskunlaşmasını leqallaşdırmaq məqsədilə əcnəbi vətəndaşlarla və vətəndaşlığı olmayan şəxslərlə ölkə vətəndaşları arasında saxta nikahların bağlanması ilə mübarizə probleminə toxunulur.

Oleg Bakhur

**Deputy Chief of criminal law and criminology Police Academy of the Republic of Belarus
PhD, Associate Professor**

Migration in belarus: negative trends and ways to resist

Summary

The article deals with the comprehensive characterization of illegal migration from the criminological point. The article analyzes the main criminological crime figures in the area of migration. We are investigating the influence of illegal migration on the other types of crime, and on socio-economic situation in the country. Presented details of the criminal personality of illegal migrants, and organizers of illegal migration are very interesting. The article analyzes the legal foundation of combating illegal migration. Article touches upon the issue of combating the conclusion fictitious marriages by foreign citizens, stateless persons, not permanently residing in the territory of the Republic of Belarus, and Belarusian citizens with exclusive purpose of legalizing their further staying in the territory of our state is addressing.

СЕРГЕЙ МАРИНИН

Старший преподаватель кафедры управления Нижегородской академии
Министерства Внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции
кандидат юридических наук

ЕКАТЕРИНА ВЕРШИНИНА

Старший преподаватель кафедры управления Нижегородской академии
Министерства Внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических
наук, капитан полиции

КОНТРОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ РОССИИ

Açar sözlər: nəzarət, ictimai nəzarət, idarə nəzarəti, polisın fəaliyyətinin qiymətləndirilməsi.

Ключевые слова: контроль, общественный контроль, ведомственный контроль, оценка деятельности полиции.

Keywords: control, social control, authority control, the assessment of the police.

Особой разновидностью правовой политики государства является политика правоохранительная. Значение ее в современных условиях для российского общества сложно переоценить. Сегодняшняя Концепция реформы органов внутренних дел стратегически сориентирована на формирование нового правоохранительного института. Важнейшая роль в реализации данного направления отводится совершенствованию механизма и осуществления оценки деятельности сотрудников полиции и организации контроля за ее эффективностью.

Ввиду реформирования системы МВД и перехода ее в принципиально новое качественное состояние реалии сегодняшнего времени предъявляют к деятельности

сотрудников органов внутренних дел повышенные требования, что в свою очередь не могло не сказаться на усилении роли контроля.

Контроль можно охарактеризовать как непрерывный процесс отслеживания правоохранительной деятельности для обеспечения гарантии того, что она ведется в соответствии с законом, как запланировано, и исправления любых существенных отклонений.

Однако контроль, являясь непрерывным процессом, тем не менее, состоит из нескольких взаимосвязанных частей.

В этой связи хочется обратить внимание на принятый в январе 2012 года приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации №1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов». Эффективность деятельности территориальных органов МВД России оценивается посредством комплексной (итоговой) оценки, которая складывается из ведомственной оценки, оценки по результатам исследования общественного мнения и инспекторской оценки. Без сомнения можно определить, что каждая из оценок

представляет собой соответствующий вид контроля.

Одной из новелл данного нормативно-правового акта явилось то, что впервые на законодательном уровне общественное мнение и общественный контроль были названы основным критерием оценки деятельности территориальных органов МВД России, в том числе полиции¹.

Помимо этого в статье 9 федерального закона о полиции общественное доверие и поддержка граждан закреплены в качестве принципа деятельности полиции².

Впервые в истории страны в законе «О полиции» в центр внимания был поставлен человек, его права и свободы. Отдельным направлением реформирования МВД призвано стать усиление гласности его работы, а также гражданского контроля за его деятельностью.

Являясь завершающей функцией управления, контроль определяется общественным характером человеческой деятельности, он призван создавать необходимые условия для нормального функционирования органов внутренних дел и проверять эффективность данной деятельности с учетом интересов общества и государства. Самой природой общественного характера труда обуславливается необходимость согласованных действий между субъектом и объектом управления, и, соответственно, объективная необходимость возникновения контроля [3, с.5].

Для понимания сути контроля как одной из основных функций управления необходимо упомянуть и об управлении вообще. По мнению ученых, под управлением понимаются действия для того, чтобы упростить процессы, происходящие в природе, технике и обществе, к устранению их дезорганизации, уменьшению неопределенности их развития и приведе-

ние в соответствие с изменения окружающей среды. По-другому, управление должно обеспечить упорядоченность соответствующей системы, ее целостность, нормальное функционирования и развитие.

Объектом социального управления являются люди, их отношения, поведение. Каждый человек обладает индивидуальным характером, личностными качествами, психологическими особенностями и т.д. Поэтому его реакция на управляющее воздействие будет субъективна и не всегда предсказуема, а, следовательно, социальное управление не может быть чисто рациональным. Это предъявляет особые требования к его методам, их разнообразию, уникальности, индивидуализации, разумному сочетанию формальных и неформальных норм и правил, использованию особых механизмов воздействия на людей [3, с.7]. Именно по этому, контроль является одной из главных функций управления.

Кроме того, в результате осуществления контроля система управления получает информацию обратной связи, которая обеспечивает возможность оценки достижения или переопределения целей, уточнения имеющихся планов. Поэтому функция контроля занимает важное место в процессе управления. Её осуществление - непременная составная часть организаторской работы руководителей аппаратов управления любого звена и уровня. Выдающийся советский ученый в области организации управления П.М. в свое время отмечал, что «самое трудное и самое важное в работе - это поставить правильный контроль над ней» [5, с. 407].

Контроль служит средством получения информации о происходящих в обществе и его отдельных образованиях процессах, соответствии общественной деятельности,

намеченным целям. Контроль, как функция управления, представляет собой наблюдение и проверку соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим решениям - законам, планам, нормам, стандартам, правилам, приказам, выявление результатов воздействия на объект, допущенных отклонений от требований управленческих решений, от принятых принципов организации и регулирования [2, с. 240].

Данное выше определение не является единственным. Так, В.С. Основин считает, что данное определение не содержит указания на цель, предотвращение и устранение недостатков, вскрытых в выполнении управленческого решения [7, с. 163].

Г.А.Туманов считает, что контроль не может заключаться только в наблюдении с целью фиксации результатов, в той или иной мере он всегда пополняется управляющими воздействиями со стороны субъекта, осуществляющего контроль. На основании этого он делает вывод, что контроль является одной из форм "целенаправленного, целеустремленного воздействия на управляемые объекты", "общей функцией всякого процесса управления" [8, с. 126].

Другие авторы дают сходные определения контроля, обращая внимание на его организационную сторону, значение в деле укрепления дисциплины и законности.

Наиболее полным представляется определение контроля, как функции управления и неотъемлемой части организаторской деятельности руководителя любого ранга. Призванный создать необходимые условия для нормального функционирования органов внутренних дел и выступать в качестве одного из надежных способов повышения дисциплины и ответственности кадров, контроль является инструмен-

том реального выполнения принимаемых решений [6, с. 139].

Многосторонность задач, которые решают правоохранительные органы, требует высокой дисциплины, организацию, ответственность исполнителей, точное и постоянное исполнение законов, приказов и инструкций. В этом отношении при правильной организации деятельности контроля приобретает огромную ценность.

Поэтому повышение эффективности контроля всегда являлось основной задачей управленческой деятельности, в связи с чем, издавалось большое количество нормативных актов в этой сфере. Для решения данной задачи контроль необходимо рассматривать не вообще, а применительно к конкретной отрасли или сфере управления, предметному содержанию исполнительно-распорядительной деятельности, в частности, органов внутренних дел.

Существует круг теоретических и практических проблем, связанных с организацией контроля в органах внутренних дел, особенно на уровне городских и районных подразделений, которые являются основным звеном системы органов внутренних дел. Таким образом, определение четкой системы контроля в этих органах позволит значительно улучшить деятельность не только самих территориальных подразделений, но и систему МВД РФ в целом.

Контроль позволяет проследить деятельность для того, чтобы обеспечить гарантию выполнения обязательств согласно плану, дает шанс скорректировать действия подчиненных в необходимый момент, или полностью исключить любые отрицательные отклонения, и, на основе анализа полученных данных, выработать новый вариант управленческого решения или скорректировать существующее реше-

ние для большей его эффективности.

Особенность контроля заключается еще и в том, что он является средством обратной связи, то есть определенную реакцию системы в целом или отдельных элементов на импульсы друг друга и внешнее воздействие. Контроль является средством получения информации о выполнении решения руководством. Контроль присутствует везде, это - также элемент организации работы.

Контроль обеспечивает достижение двух главных целей:

направление деятельности ОВД на достижение основных целей;

совершенствование организации и деятельности подразделений.

Вместе с тем, функция контроля имеет собственные цели, а именно:

выявление степени отклонения фактического состояния деятельности подразделений от заданных критериев и нормативов, поставленных соответствующим субъектом управления;

корректировка данных отклонений.

Цель является главным условием эффективности контроля. В определении цели необходимо выбрать средства, соответствующие его характеру, посредством которого может быть достигнута цель. По выбору средств можно наблюдать принцип достижения максимальных результатов за самые маленькие средства.

Необходимо выделить следующие задачи контроля:

обеспечение устойчивого соблюдения дисциплины;

строгое соблюдение законности в деятельности органов внутренних дел, недопущение нарушений дисциплинарного характера, проявлений бюрократизма и волокиты;

обеспечение своевременности и

качества выполнения решений, повышение дисциплины, ответственности за свою служебную деятельность;

повышение общего уровня организаторской и служебной деятельности, внедрение научной организации труда;

правильный подбор, воспитание и обучение персонала;

оказание практической помощи подчиненным работникам в устранении недостатков в их деятельности;

повышение конечных результатов работы контролируемого органа, как общий результат работы по контролю.

Органы внутренних дел всех уровней управления, при проведении инспектирования, контрольных или целевых проверок, обязаны устранять, по возможности на месте, вскрытые недостатки и упущения в организаторской или оперативно-служебной деятельности, разрабатывать совместно с руководством проверяемого органа план мероприятий на более длительную перспективу по устранению выявленных недостатков, в необходимых случаях ставить вопросы об оказании более действенной помощи силами других органов или вышестоящей инстанции.

Специфика контроля в системе управления отражена в следующих положениях:

контроль не является первичной деятельностью, он носит производный, вторичный характер;

содержание контроля включает сбор и обработку информации о функционировании проверяемой системы, а также непосредственное управляющее воздействие для устранения выявленных недостатков;

объем, формы, методы контроля зависят от уровня органа управления и специфики его функций;

функция контроля находит внешнее

проявление в виде самостоятельной стадии процесса управления, следующий за принятием управленческого решения и организацией его исполнения;

контроль неразрывно связан с учетом результатов работы, который обеспечивает его информацией (количественными показателями).

В целом же контроль помогает руководителю обеспечить такое поведение подчиненных, которое соответствовало бы требованиям законов, нормативных актов и других управленческих решений. Именно поэтому данная функция присуща руководителю любого управленческого звена. Руководитель осуществляет его либо сам, либо через таковых только до тех пор, пока он сохраняет за собой контроль над деятельностью, возглавляемой им организацией" [4, с. 85].

В конечном счете, контроль в системе ОВД направлен, в первую очередь, на безусловное и точное выполнение подразделениями требований органов власти и управления, что необходимо для усиления борьбы с преступностью и укреплению правопорядка, повышения ответственности каждого органа и работника за состоящие дела на порученном участке.

Одной из форм контроля является ведомственная оценка эффективности деятельности территориальных органов МВД России.

На современном этапе развития законодательства в данной области, оценка проводится по следующим основным направлениям:

обеспечение законности при приеме и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях;

расследование преступлений (расследование тяжких и особо тяжких преступлений, противодействие организован-

ной преступности, обеспечение экономической безопасности и противодействие коррупции; пресечение незаконного оборота наркотиков, противодействие незаконному обороту оружия);

предупреждение и пресечение преступлений;

качество расследования уголовных дел;

возмещение материального ущерба;

эффективность исполнения законодательства об административных правонарушениях;

обеспечение безопасности дорожного движения [1].

Данные показатели имеют количественный характер и рассчитываются на основе официальной статистической информации.

По содержательному значению показатели делятся на:

Положительные – количественный рост которых свидетельствует об увеличении эффективности деятельности и отрицательные – количественный рост которых свидетельствует о снижении эффективности деятельности.

Для выделения значимости тех или иных направлений деятельности, а также учета трудозатрат, необходимых для достижения результатов, используются коэффициенты значимости, имеющие численное значение от 1 до 3.

Общая оценка эффективности деятельности территориального органа МВД России на основе ведомственных показателей определяется как сумма баллов эффективностей по отдельным показателям, умноженным на коэффициенты значимости:

Общая оценка = $\text{коэф} 1 \cdot \text{Эф}1 + \text{коэф}2 \cdot \text{Эф}2 + \text{коэф}3 \cdot \text{Эф}3 + \dots + \text{коэф}N \cdot \text{Эф}N$.

Деятельность территориального органа МВД России по ведомственным показателям оценивается в целом положительно, если его общая оценка равна или больше средневзвешенной оценки по группе. Средневзвешенная оценка по группе рассчитывается как отношение суммы общих оценок эффективности деятельности всех территориальных органов МВД России, входящих в группу, к количеству территориальных органов МВД России.

Таким образом, выполнение сложных и многогранных задач управления, решаемых органами внутренних дел, требует четкой и разработанной системы осуществления контроля за оперативно-служебной деятельностью органов внутренних дел.

В конечном счете, контроль в системе ОВД направлен, в первую очередь, на безусловное и точное выполнение подразделениями требований органов власти и управления, что необходимо для усиления борьбы с преступностью и укреплению правопорядка, повышения ответственно-

сти каждого органа и работника за состояние дел на порученном участке.

На сегодняшний день законодательство в данной сфере направлено на повышение эффективности ОВД, для того чтобы поставить деятельность по контролю на новый, более высокий уровень, чтобы контроль действительно выступал в качестве одного из надежных способов повышения дисциплины и ответственности кадров, инструментом реального выполнения принимаемых решений [6, с. 140]. Эффективная система контроля дает уверенность в том, что деятельность ОВД действительно направлена на достижение основных целей.

Самая важная задача контроля, в конечном счете, состоит в том, чтобы вернуть полиции доверие граждан, поднять общественный престиж ее деятельности, направить все коллективы и каждого работника в отдельности в сторону реальной, гарантированной защиты прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства.

Использованная литература:

1. Приказ МВД РФ от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД РФ» // http://etkovd.ucoz.ru/index/predydushhie_gody/
2. Афанасьев В.Г. «Научное управление обществом («опыт системного исследования)», М., 1973 г. С. 240
3. Веснин В.Р. Менеджмент: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп.- М.: Проспект, 2008. С. 5.
4. Годунов В.В. «Введение в теорию управления (система промышленного производства), М., 1967. С. 85
5. Керженцев П.М. «Принципы организации» - М., 1968 г. С. 407
6. Маркушин А.Г. Основы управления В ОВД: Учебное пособие.- 3-е изд., доп. и перераб. – Н. Новгород: На МВД РФ, 2006. С. 139
7. Основин В.С. «Основы науки социального управления». С. 163
8. Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел - под общей ред. Зуйкова Г.Г., М., «Юридическая литература», 1974. С. 126

Sergei Marinin

Senior teacher of chair management of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the police lieutenant colonel, candidate of legal sciences

Ekaterina Vershinin

Senior teacher of chair management of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the police captain, candidate of legal sciences

Control of the police Russia

Summary

This paper focuses on the role of control in the system control functions Russian police. The basic types of control at the present stage of reforming the police. Particular attention is paid to public opinion as a Russian novel by police legislation.

Rusiya Federasiyası Daxili İşlər Nazirliyinin Nijniy Novqorod Akademiyasının idarəetmə kafedrasının baş müəllimi, polis polkovnik-leytenantı, hüquq elmləri namizədi

Sergey Marinin

Rusiya Federasiyası Daxili İşlər Nazirliyinin Nijniy Novqorod Akademiyasının idarəetmə kafedrasının baş müəllimi, polis polkovnik-leytenantı, hüquq elmləri namizədi

Yekaterina Verşinina

Rusiya Federasiyası Daxili İşlər Nazirliyinin Nijniy Novqorod Akademiyasının idarəetmə kafedrasının baş müəllimi, polis kapitanı, hüquq elmləri namizədi

Rusiya polisinin fəaliyyətinə nəzarət

Xülasə

Məqalə Rusiya polisinin idarəetmə funksiyaları sistemində nəzarətin roluna həsr olunmuşdur. Polis islahatlarının müasir mərhələsində əsas nəzarət növləri tədqiq olunmuşdur. Rusiya polis qanunvericiliyinin novellası kimi ictimai rəyə xüsusi diqqət yetirilmişdir.

NƏRMİN ƏLİYEVƏ

Azərbaycan Respublikası Konstitusiyə Məhkəməsinin baş mütəxəssisi,
Bakı Dövlət Universitetinin doktorantı

DÜNYADA KONSTITUSİON PROSESİN İNKİŞAF MƏRHƏLƏLƏRİ

Açar sözlər: Konstitusiyə, demokratiya, insan hüquqları, siyasi plüralizm, qanunçuluq

Ключевые слова: конституция, демократия, права человека, политический плюрализм, законность

Keywords: constitution, democracy, the human rights, political pluralism, legitimacy

Hər bir ölkənin konstitusion inkişafını dövlətin və cəmiyyətin inkişafından təcrid olunmuş şəkildə nəzərdən keçirmək olmaz. Belə inkişafda növbəti mərhələ mühüm siyasi və sosial-iqtisadi münasibətlərə yeni elementlər və xüsusiyyətlər gətirir, dövlətin onun funksiyalarının keyfiyyət xarakteristikasını dəyişir və s. Yeni konstitusiyanın meydana çıxması bütün bu dəyişikliklərin təsbit edilməsi, onun öz məzmununda ictimai quruluşun spesifik xüsusiyyətlərini əks etdirməsi zərurəti ilə bağlıdır.

Konstitusiyə milli mədəniyyətin məhsuludur. Onda dövlət hakimiyyəti orqanlarının, vəzifəli şəxslərin, vətəndaşların davranış modeli öz əksini tapır.

Konstitusiyalar tarixi və etnik baxımdan fərqli mühitlərdə meydana çıxır və fərqli fəlsəfi və dünyagörüşü yanaşmalarını əks etdirirlər. Bununla yanaşı, bu və ya digər dövlətlərin konstitusiyaları məzmunca ümumi cəhətlərə və oxşarlıqlara malik ola bilər.

Konstitusiyə anlayışı latınca “təsis edirəm”, “qərara alıram” deməkdir. Həmin terminə qədim Roma hüququnda rast gəlinir və burada konstitusiyə imperator tərəfindən

verilən göstəriş xarakterli müxtəlif aktları əhatə edirdi. Feodalizm dövründə də “Əsas Qanun” ifadəsi işlədilmişdir və hazırda bu ifadə konstitusiyanın analoqu kimi geniş istifadə edilir.

Bəzi Şərq alimləri hesab edir ki, islam tarixində ümumi hüquq və vəzifələri təsbit edən ilk yazılı konstitusiyə Məhəmməd peyğəmbərin adı ilə bağlı olan Mədinə şəhər dövlətinin konstitusiyasıdır. Mədinə şəhər dövlətinin müsəlman olan və müsəlman olmayan vətəndaşlarına xitab edilən və Mədinə xalqını təşkilatlandırmaq məqsədi güdən bu Konstitusiyə Peyğəmbərin əshabələrindən olan Enesin evində toplanmış məclisdə tərtib olunub. İslam mənbələrində daha çox “səhifə” adı altında qeyd olunan bu sənəd müsəlman aləmində “Mədinə Konstitusiyası” kimi də tanınır. Bir çox islami qaynaqda qismən və ya tamamilə əksini tapan bu sənəd, yeni bir dövlətin quruluş sənədi xüsusiyyətinə malik olan və bu dövləti təşkil edən insanların, icmaların tabe olduğu bir sıra əsas normaları öz dövrünün üslubu ilə müəyyən edən bir topludur. Məhəmməd peyğəmbərin 622-ci ildə Mədinəyə köçməsindən sonra, “kitab” və “səhifə” adlanan yazılı konstitusiyanın hazırlanması hüquqi nöqtəyi-nəzərdən bəşər tarixinin çox önəmli hadisələrindən biridir.

Müasir dövrün elmi ədəbiyyatlarında dünyada konstitusion inkişafın dörd mühüm mərhələsi fərqləndirilir.

Birinci - XVIII əsrin sonundan Birinci dünya müharibəsinə qədər; ikinci - iki dünya

müharibəsi arasındakı dövr; üçüncü - 1945-ci ildən 80-ci illərin sonuna qədər; dördüncü - 90-cı illərin sonu.

Birinci mərhələ burjuva cəmiyyətində, ilk növbədə Avropa və Amerikada mühüm institutların formalaşması dövrünü özündə əks etdirir.

1787-ci ildə ABŞ və 1791-ci ildə Fransa Konstitusiyalarının qəbul edilməsi dünyada konstitusion prosesə həlledici təsir göstərdi (1, səh. 33). Bu sənədlər təqlid üçün nümunə oldu və XIX əsrdə müstəqillik əldə edən Latın Amerikasına, habelə bir çox Avropa ölkələrinin konstitusiyaları üçün model rolunu oynadı. ABŞ və Fransa Konstitusiyaları yeni konstitusion dövlətçiliyə keçid prosesini rəsmiləşdirməklə özlərini həmin dövrdə formalaşan konstitusiyaya modeli kimi təqdim etməyə imkan verən ümumi cəhətlərə malik idilər. Onların ideya-nəzəri əsasını dövlətin vətəndaş cəmiyyəti və şəxsiyyətin işlərinə müdaxiləsini məhdudlaşdıran liberal-demokratik konstitusiyaya konsepsiyası təşkil edirdi. Bununla əlaqədar olaraq konstitusion-hüquqi tənzimləmənin predmetini dövlət hakimiyyətinin təşkili və şəxsiyyətin hüquqi vəziyyətinin əsasları ilə bağlı olan məsələlər təşkil edirdi.

Dövlət hakimiyyəti orqanları sistemi və onlar arasında münasibətlər iki -amerikan və kontinental variantlarda təzahür edən hakimiyyət bölgüsü prinsipinə əsaslanırdı. Hüquq və azadlıqlar haqqında müddəalar insanın təbii hüquqları ideyasını əks etdirirdi və əsasən siyasi və mülki hüquqları rəsmiləşdirirdi ki, bu da cəmiyyətin sosial-iqtisadi və siyasi inkişaf səviyyəsi ilə izah olunurdu.

Konstitusion inkişafın növbəti, ikinci mərhələsi onunla xarakterizə olunur ki, Rusiyada baş verən Oktyabr inqilabından sonra dünyada vahid inkişaf prosesi iki istiqamətdə getmişdir - burjuva və sosialist istiqamətlərdə. Bu, Birinci dünya

müharibəsindən sonra yeni dövlətlərin yaranması, müstəmləkə sistemində böhranın başlanması və siyasi rejimlərin ümumi demokratikləşməsi ilə izah olunur. Konstitusion inkişafın yeni sosialist modeli yarandı. Həmçinin köhnə burjuva-demokratik konsepsiyaların müasirləşdirilməsi prosesi baş verdi.

Birinci mərhələdə əksər ölkələrdə formalaşan konstitusiyaya modeli ikinci mərhələdə əhəmiyyətli dərəcədə dəyişmişdi. Bununla yanaşı, dövlət hakimiyyətinin təşkilinə, şəxsiyyətin hüquqi statusuna dair müddəalar universal xarakterli ümumbəşəri dəyərlər kimi qəbul edildi. Dövlətin iqtisadi və sosial münasibətlərə müdaxilə etməsi hesabına konstitusion-hüquqi tənzimləmənin predmeti genişlənir; siyasi sistemin yeni elementlərinin (həmkarlar ittifaqlarının, siyasi partiyaların) konstitusion statusu müəyyən edildi. Konstitusiyaya insan və vətəndaşların hüquq və azadlıqlarının yeni qrupu (sosial-iqtisadi hüquqlar) daxil edildi. Həmçinin xarici siyasətin prinsipləri konstitusion səviyyədə təsbit olundu.

Bunun ən bariz nümunəsi kimi Almaniyanın 1919-cu il Veymar Konstitusiyası çıxış edir (2, səh. 328-333).

Həmin dövrdə SSRİ-nin tərkibinə daxil olan və onun ideologiyasına tabe olan Azərbaycan SSR-in konstitusion inkişafı təsvir edilən modellərlə tam ziddiyyət təşkil edirdi. Azərbaycan SSR-in 1921, 1937-ci il Konstitusiyalarında təsbit olunan müddəalar həmin dövrdə Avro-atlantik məkanda konstitusion inkişaf təcrübəsi əsasında işlənib hazırlanan konstitusion prinsiplərdən əhəmiyyətli dərəcədə fərqlənirdi. Məsələn, hakimiyyətin mənbəyi kimi xalq suverenliyi ideyası əvəzinə sovet konstitusiyalarında hakimiyyətin fəhlə sinfi başda olmaqla yalnız zəhmətkeşlərə məxsus olması prinsipi təsbit edilirdi; siyasi, iqtisadi və ideoloji plüralizm

əvəzinə - birpartiyalılıq, vahid dövlət ideologiyası, sosialist mülkiyyətinin üstünlüyü prinsipləri. Şəxsiyyətin azadlığı və muxtariyyəti inkar olunurdu, onun cəmiyyət və dövlətdən asılılığı qeyd edilirdi, dövlət öz maraqları naminə şəxsiyyətə hüquq və azadlıqlar vermirdi. Bununla yanaşı qeyd etmək lazımdır ki, həmin dövrün sovet konstitusiyalarının məzmununda gizli formada da olsa konstitusion inkişafın dünyda müşahidə edilən ümumi tendensiyaları öz əksini tapmışdı. Bu, öz əksini dövlətin rolunun, habelə vətəndaşların iqtisadi və sosial hüquq və azadlıqlarının konstitusion səviyyədə təsbit edilməsində tapmışdı və sonradan bir çox ölkələrin konstitusion qanunvericiliyinin inkişafına təkan verdi.

Dünyada konstitusion inkişafın üçüncü mərhələsi İkinci dünya müharibəsi başa çatdıqdan sonra başlanır və yalnız Avropa ölkələrini deyil, həm də Asiya, Afrika və Latın Amerikasını dövlətlərini əhatə edir.

Bu mərhələdə konstitusion proses konstitusiyaların son dərəcə müxtəlif olması ilə xarakterizə olunur. Onların hamısını üç əsas modelə aid etmək olar: qərb, sosialist və müstəmləkə asılılığından azad olan ölkələrin konstitusiyaları. Göstərilən modellərin hər birinin öz xüsusiyyətləri və inkişaf yolları olmuşdur.

Bu inkişaf mərhələsində qərb konstitusiya modeli üçün aşağıdakı xüsusiyyətlər xarakterik olmuşdur.

Almaniyada faşist rejimini fəal şəkildə dəstəkləyən və İkinci dünya müharibəsində onun tərəfindən iştirak edən dövlətlərdə faşizmin süqutundan sonra yeni konstitusiyalar qəbul edildi (AFR, İtaliya, İspaniya, Yaponiya və s.). Onlarda konstitusion inkişafın əvvəlki mərhələlərində yaranan tendensiyalar təsbit və inkişaf etdirilirdi. Konstitusiyalar totalitar siyasi rejimlərdən imtinanı elan edir,

antidemokratik təşkilatların fəaliyyətini qadağan edirdi. Konstitusiyalar vətəndaş cəmiyyətinin əsaslarının inkişaf etdirilməsi üçün ilkin şərtləri müəyyən edir, cəmiyyətin həyatının iqtisadi, sosial və mənəvi sahələrinə dövlətin müdaxiləsi imkanlarını əhəmiyyətli dərəcədə genişləndirir və öz növbəsində dövlətdən cəmiyyət qarşısında öhdəliklərini yerinə yetirməsini tələb edirdi. Yeni konstitusiyalar ictimai-siyasi həyatın demokratikləşməsi tendensiyasını rəsmiləşdirirdilər. Onlar yalnız demokratik dövlətçiliyi bərpa etmirdilər, həm də vətəndaşların hüquq və azadlıqlarının siyahısının genişləndirilməsi, onların hüquqi müdafiəsinin gücləndirilməsi və konstitusion qanunçuluğun inkişaf etdirilməsi istiqamətində irəliləyişə doğru addım atmışdılar. Konstitusiyaların xarici siyasət fəaliyyətini tənzim edən fəsiləri xarici siyasətin BMT sənədlərində təsbit edilən sülhsevər prinsiplərini, dünya inteqrasiya proseslərində iştirakı və s. müəyyən edirdi. Eyni zamanda beynəlxalq və dövlətdaxili hüquq normalarının qarşılıqlı nisbətini tənzim edən maddələr də meydana çıxdı.

Bununla yanaşı, bu dövrdə bir sıra qərb dövlətlərinin konstitusiyaları əhəmiyyətli dəyişikliklərə məruz qalmamışdı. Söhbət XIX əsrdə qəbul edilmiş köhnə konstitusiyalardan gedir. Onlara edilən düzəliş və əlavələr konstitusiyaların məzmununu əsaslı şəkildə dəyişməməklə, ictimai-siyasi praktikanın yeni hadisələrini əks etdirməyə imkan verirdi. İnsan və vətəndaşların demokratik hüquq və azadlıqlarının siyahısı qismən genişləndirildi, yeni sosial-iqtisadi və mədəni hüquqlarla tamamlandı. Köhnə konstitusiyalar mahiyyətə vətəndaş cəmiyyətinin fəaliyyətinin iqtisadi və sosial sferaları ilə bağlı məsələlərə dövlətin müdaxiləsinin hədlərini tənzim edən məhdudiyyətləri dəyişilməz şəkildə saxlamış

və dövlətin onun həyatında artan rolunu əks etdirmirdilər.

Bu mərhələdə müstəmləkə asılılığından azad olan ölkələrin konstitusion inkişafının da öz xüsusiyyətləri var idi. Şərti şəkildə qeyd etmək olar ki, həmin ölkələrin konstitusion inkişafı iki mərhələdən keçmişdir: birincisi - 40-cı illərin sonu - 60-cı illərin ortalarında, ikincisi - 60-cı illərin ortalarından 80-ci illərin sonunadək.

İlk dövrlərdə həmin ölkələrdə iki qərb konstitusiyaya modeli - Britaniya və Fransa modelləri qəbul edildi. Bu modellər gənc dövlətlərə keçmiş metropoliyalar tərəfindən məcburi şəkildə qəbul etdirilmişdi və konstitusiyanın strukturu və məzmunu ilə bağlı baxışlarını və yanaşmalarını əks etdirirdi. Konstitusiyaya əksər hallarda mahiyyətcə, milli azadlıq hərəkatı ilə yeni dövlətlərdə öz iqtisadi maraqlarını qoruyub saxlamağa cəhd edən keçmiş müstəmləkə hakimiyyəti arasında kompromis rolunda çıxış edirdi.

60-70-ci illərdə bu tip konstitusiyaların əksəriyyətinə yenidən baxıldı və ya ləğv edildi. Onların məzmunundan kompromis xarakterli normalar çıxarıldı, keçmiş metropoliyalar tərəfindən məcburi şəkildə qəbul etdirilmiş dövlət quruluşu formaları və separatizmi gücləndirən, habelə qəbilə və feodal yuxarı təbəqələrin imtiyazlarını müəyyən edən ənənəvi institutlar ləğv edildi.

Sosialist tipli konstitusiyaya modelləri İkinci dünya müharibəsindən sonra SSRİ-nin 1936-cı il Konstitusiyasının böyük təsirinə məruz qalmışdılar. Bununla yanaşı, onlar kommunist və fəhlə partiyaları tərəfindən irəli sürülən sosializmin qurulması üzrə nəzəri konsepsiyalardan irəli gələn özünəməxsus xüsusiyyətlərə də malik idilər. Həmin konstitusiyalara uyğun olaraq hesab olunurdu ki, sosialist ölkələri ictimai və konstitusion inkişaflarında iki əsas mərhələdən

keçməlidirlər: sosializmin əsaslarının qurulması və inkişaf etmiş sosializmin qurulması. Buna görə də sosialist dövlətlərinin (həmin vaxt xalq demokratiyası ölkələri) 40-cı illərin sonunda qəbul edilən konstitusiyaları xalq hakimiyyətinin, sosialist demokratiyasının müəyyən edilməsini, sosial-iqtisadi islahatların aparılmasını təsbit edirdilər. Belə konstitusiyalara Yuqoslaviya və Albaniyanın (1946), Bolqarıstanın (1947), Çexoslovakiya və Rumıniyanın (1948), Macarıstanın və ADR-in (1949) konstitusiyalarını aid etmək olar.

50-ci illərin sonu - 60-cı illərin əvvəllərində bir çox sosialist ölkələrində cəmiyyətin sosialist strukturunun və iqtisadi sisteminin yenidən qurulması başa çatdı. Bir sıra ölkələr sosializmin əsaslarının və inkişaf etmiş sosialist cəmiyyətinin qurulmasını elan etdilər. Bu, onların konstitusion inkişafında yeni addım və yeni və ya modern konstitusiyaların meydana çıxması demək idi (Bolqarıstanın 1971-ci il, ADR-in 1967-ci il, Macarıstanın 1972-ci il, Polşanın 1976-cı il Konstitusiyaları). Onlarda kommunist (fəhlə) partiyalarının aparıcı rolu barədə müddəalar təsbit edilir, cəmiyyətin siyasi sisteminin elementlərinin rolu dəqiq şəkildə müəyyən olunur, cəmiyyətin inkişafının məqsədi kimi sosializm və kommunizmin qurulması bəyan edilirdi. Habelə istehsal vasitələri üzərində ictimai mülkiyyət formasının hakim olması ilə sosialist sosial-iqtisadi sisteminin əsas xüsusiyyətləri, xalq təsərrüfatının planlı aparılması, əldə edilən nemətlərin bölüşdürülməsinin sosialist prinsipləri təsbit edilirdi. Konstitusiyalar siyasi, iqtisadi, sosial və ideoloji sferalara dövlət təsirinin əsas prinsiplərini, habelə xarici siyasət prinsiplərini müəyyən edirdilər.

Sosialist ölkələrinin konstitusion inkişafında ümumi tendensiyalar SSRİ-nin 1977-ci il Konstitusiyasında daha aydın şəkildə

təzahür edirdi. 1978-ci il aprel ayının 21-də Azərbaycan SSR-in sonuncu konstitusiyası Ali Sovetin növbədənəkar 7-ci sessiyasında qəbul edildi. Azərbaycan SSRİ-in 1978-ci il Konstitusiyası ötən qanunlara nisbətən öz müsbət və həmin dövr üçün cəsərətli, mütərəqqi müddəaları ilə seçilirdi. Ümummillı liderimiz Heydər Əliyevin hakimiyyəti illərinə təsadüf edən bu Konstitusiyada ilk dəfə olaraq Azərbaycan dili dövlət dili kimi təsbit olundu. Konstitusiyanın ikinci bölməsi vətəndaşların hüquq və azadlıqlarının genişləndirilməsi, onların yeni məzmunla və əlavə maddi, hüquqi və siyasi təminatlarla zənginləşdirilməsi ilə səciyyələndirdi. 1978-ci il Konstitusiyasına Sovet Azərbaycanının əvvəllər qüvvədə olan konstitusiyalarında nəzərdə tutulmayan yeni hüquqlar, azadlıqlar və vəzifələr daxil edilmişdi. Ən əsası isə bu hüquqların təmin olunması üçün yaxşı zəmin yaradılmışdı. Lakin bu konstitusiyayı hələ sovet məfkurəsindən, marksizm-leninizm ideologiyasından azad, müstəqil Azərbaycan dövlətinin konstitusiyası adlandırmaq qeyri-mümkün idi.

Dünyada konstitusion inkişafın növbəti, dördüncü mərhələsi 80-ci illərin sonu, 90-cı illərin əvvəllərində başlanır və bu, sosializmin süqutu və ona daxil olan ölkələrin kommunist cəmiyyətindən imtina etməsi ilə əlaqəli idi.

Konstitusion islahatların həyata keçirilməsinin səbəbi cəmiyyətdə və dövlətdə demokratik xarakterli yenidənqurma proseslərinin aparılmasına cəhd göstərilməsi ilə bağlı idi. Bu proses geniş miqyas aldı və yalnız milli deyil, həm də onun bütün mərhələlərində işlənilib hazırlanan ümumdünya konstitusion inkişaf təcrübəsi nəzərə alınmaqla əsas qanunların qəbul edilməsinə gətirib çıxardı.

XX əsrin sonunda Azərbaycan xalqı da öz dövlət müstəqilliyini bərpa etdi və 18 oktyabr 1991-ci ildə Azərbaycan Respublikasının Dövlət Müstəqilliyi haqqında 32 maddədən ibarət olan Konstitusiyaya Aktı qəbul olundu. Azərbaycanın 1978-ci il konstitusiyasının dövlət müstəqilliyi haqqında Konstitusiyaya Aktına zidd olmayan normaları yeni Əsas Qanun qəbul edilənədək öz hüquqi qüvvəsini saxladı. Həmin dövrlərdə siyasi hakimiyyətdə olan şəxslərin öz xalqına qarşı xəyanəti, sonradan dövlət idarəçiliyi sahəsində heç bir səriştəsi olmayan insanların siyasi hakimiyyətdə təmsil olunması ölkəmizi ağır, qeyri-sabit vəziyyətə saldı, vətəndaş müharibəsi ilə üzləşdirdi və nəinki, konstitusiyanın qəbul edilməsi mümkün oldu, hətta müstəqilliyimizin itirilməsi təhlükəsi yarandı. Belə bir ağır vəziyyətdə xalqın təkidli tələbi ilə yenidən hakimiyyətə qayıdan Heydər Əliyevin böyük və yorulmaz siyasəti nəticəsində ölkədə vətəndaş müharibəsinin qarşısı alındı, dövlət müstəqilliyi qorundu, erməni təcavüzünün qarşısı alınaraq atəşkəs əldə edildi. 1993-94-cü illərdə ölkə daxilində baş verən terror aktlarının, dövlət çevrilişlərinə cəhdlərin qarşısı alındı və müstəqil Azərbaycan Konstitusiyasının qəbulu üçün zəmin yaradıldı.

2 may 1995-ci ildə Azərbaycan Respublikasının Milli Məclisi yeni Konstitusiyaya layihəsini hazırlayan komissiyanın tərkibini təsdiq etdi. Dövlət komissiyası ümummillı lider Heydər Əliyevin sədrliyi ilə yeni konstitusiyanın layihəsini hazırladı və bu layihə ümumxalq müzakirəsinə çıxarılması üçün 1995-ci il oktyabrın 15-də mətbuatda dərc edildi (4, səh. 37). Azərbaycan ictimaiyyəti yeni konstitusiyaya layihəsinin müzakirəsində böyük fəallıq göstərərək konstitusiyaya layihəsinə 2450 təklif verdi. 1995-ci il noyabrın 12-də keçirilən

referendumda müstəqil Azərbaycan dövlətinin ilk milli Konstitusiyası qəbul olundu. Bu Konstitusiyanın memarı ümummilli liderimiz Heydər Əliyevin təbirincə desək: "... Baxmayaraq ki, Azərbaycan xalqının 80 illik Konstitusiya tarixi vardır, bu gün biz müstəqil Azərbaycanın ilk Konstitusiyasını qəbul etdik..." Ümumxalq səsverməsi bütün seçki dairələri üzrə səs verənlərin yüksək fəallığı şəraitində keçmişdir. Səsvermədə iştirak etmiş 3.566.277 seçicidən 3.267.538 nəfəri, yəni, 91,9 faizi təklifə "Hə" cavabı verərək müstəqil Azərbaycan Respublikasının ilk Konstitusiya layihəsinin qəbul olunmasına tərəfdar çıxmışdır. Beləliklə, Azərbaycan xalqının çoxəsrlik dövlətçilik tarixində müstəqil dövlətimizin ilk Konstitusiyası qəbul olundu və 27 noyabr 1995-ci ildə qüvvəyə mindi.

Tariximizə Heydər Əliyev Konstitusiyası kimi daxil olan, ölkəmizin siyasi-iqtisadi və sosial-mədəni həyatında baş verən dəyişikliklərin qanuni nəticəsi olaraq qəbul edilən Konstitusiyada respublikamızın müstəqilliyinin qorunub möhkəmləndirilməsinə, dövlətçiliyinə, inkişafına, insan və vətəndaş hüquqlarının təmin edilməsinə xüsusi diqqət ayrılmışdır. Konstitusiyamızın ən böyük əhəmiyyəti ondan ibarətdir ki, o dövlətçiliyimizin inkişafını istiqamətləndirməklə yanaşı, həm də xalqımızın uzun illər boyu həsrətində olduğu, ən nəhayət, ağır itkilər bahasına olsa da, əldə etdiyi və bu gün qətiyyətlə qorumağa və inkişaf etdirməyə çalışdığı müstəqilliyi qanunvericilik yolu ilə təsbit etdi. Dövlətimizin Əsas Qanunu Azərbaycanın beynəlxalq aləmdə bərabər-hüquqlu subyekt olduğunu sübuta yetirdi və çoxəsrlik dövlətçilik ənənələrimizə əsaslanaraq, yeni demokratik, hüquqi və dünyəvi dövlətin qurulmasına geniş təminat verdi.

Konstitusiya ölkə və cəmiyyət həyatı üçün nə qədər əhəmiyyətli bir sənəd olsa da,

qanunauyğun haldır ki, cəmiyyətin, insan təfəkkürünün inkişafı, yeni ictimai-siyasi münasibətlərin yaranması bu sənəddə də islahatların aparılmasını zəruri edir. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasında da bu cür islahatların aparılması ictimai, siyasi, iqtisadi və s. sahələrdə inkişaf dinamikası ilə əlaqəlidir. Azərbaycanın sosial-iqtisadi inkişafı, siyasi modernləşmənin vüsəti, demokratik inkişaf sahəsində əldə edilən uğurlar hüquqi müstəvidə də əhəmiyyətli dəyişikliklərin edilməsi zərurətini yaradaraq Konstitusiyada bir sıra müddələrin daha da təkmilləşdirilməsini tarixi bir zərurətə çevirmişdir. Bu kontekstdə, ölkəmizdə insan və vətəndaş hüquqlarının və azadlıqlarının daha səmərəli qorunması, Azərbaycan vətəndaşlarının layiqli həyat səviyyəsinin təmin edilməsi, dövlət idarəçiliyinin və dövlət hakimiyyəti mexanizminin təkmilləşdirilməsi, yerli demokratiyanın inkişafı ilə bağlı müddələrin Konstitusiyada əks etdirilməsi zərurətini əsas tutaraq, 24 avqust 2002-ci il, 18 mart 2009-cu il və 26 sentyabr 2016-cı il tarixlərində Azərbaycan Respublikası vətəndaşları ümumxalq səsverməsi – referendum yolu ilə dövlətimizin əsas qanununa mühüm əlavə və dəyişikliklər etdi.

Bu gün müstəqil Azərbaycanın ilk milli Konstitusiyasının qəbul olunmasından 21 il ötür və biz böyük fərəh hissi ilə deyə bilərik ki, xalqımızın dövlət quruculuğu sahəsində əldə etdiyi pozitiv nailiyyətləri və ümumbəşəri dəyərləri özündə ehtiva edən Konstitusiyamız real həyatda özünün doğrultmuş və Azərbaycanda konsolidasiyalı demokratiyanın yaranması üçün sabit zəmin yaratmışdır.

ƏDƏBİYYAT:

1. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası. B. 2016
2. Xəyyam İsmayılov “Azərbaycanın dövlət və hüquq tarixi”. B. 2006.
3. “Qanunçuluq” Jurnalı. № 1-2. B. 1996.
4. “Qanun” Jurnalı.2-3, 1994-cü il
5. Xarici ölkələrin konstitusiyası (dövlət) hüququ. Ümumi hissə I cild. Dərslik 383 s. B. 2001
6. Шамиль Аляутдинов 1-2 уровни. 2010. 496 с.
7. Советское государственное право под ред. Проф. С.с. Кравчука. Учеб.-2-е изд, испр и доп.-М.: Юрид. Лит., 1995 - 464с.
8. Конституции зарубежных государств: учеб. пос.ь, 7-е изд.. перераб. И доп. – М.: волтерсКлувер, 2010 – 656 с.
9. Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. Вып.2 – М.: Манускрипт, Юрайт. 1998 – 672 с.
10. Шахин Алиев «Комментарии к Конституции Азербайджанской Республики». Баку, 2006 г.

Нармин Алиева

Этапы развития конституционного процесса в мире

Резюме

В статье последовательно изложены основные этапы конституционного развития в мире, а также особенности каждого из данных этапов. Данная статья является попыткой обобщить исторический опыт развития конституционного строительства в Азербайджанской Республике, отразить реформы, проводимые в данной сфере. На основе проведенного исследования автор подчеркивает значение Конституции в жизни каждого государства.

Narmin Aliyeva

The stages of development of the constitutional process in the world

Summary

The article has consistently set out the main stages of constitutional development in the world, as well as the characteristics of each of these stages. This article is an attempt to summarize the historical experience of constitutional development in Azerbaijan, reflect the ongoing reforms in this area. Based on the study, the author emphasizes the importance of the Constitution in the life of each state.

CEYHUN SÜLEYMANOV

Azərbaycan Respublikası DİN-in Polis Akademiyası «Dövlət və hüquq nəzəriyyəsi» kafedrasının rəisi, əməkdar müəllim, dosent, Rusiya hüquq elmləri Akademiyasının üzvü, polis polkovniki

SİYASİ-HÜQUQİ KATEQORIYA KİMİ HAKİMİYYƏTİN ANLAYIŞI VƏ ƏLAMƏTLƏRİ

Açar sözlər: hakimiyyət, idarəetmə, dövlət, hökumət, xalq, iradə.

Ключевые слова: власть, управление, государство, правительство, народ, воля.

Key words: power, rule, state, government, people, will

Xalq hakimiyyəti sistemində əsas struktur elementlərdən biri də hakimiyyət kateqoriyasıdır. Hüquqi və digər ictimai-siyasi ədəbiyyatlarda hakimiyyət termini əksər hallarda müxtəlif söz birləşmələrində işlənir: siyasi hakimiyyət, iqtisadi hakimiyyət, informasiya hakimiyyəti, dövlət hakimiyyəti və s.

Hüquq ədəbiyyatlarında əsasən hakimiyyətin üç formasından bəhs olunur:

1) İctimai hakimiyyət – cəmiyyətlə üst-üstə düşən, bütün cəmiyyətə məxsus olan, cəmiyyətin özü tərəfindən heç bir xüsusi aparat yaratmadan həyata keçirilən hakimiyyətdir. Belə hakimiyyət dövlət yaranmazdan əvvəl cəmiyyətin inkişafının ibtidai pilləsi üçün səciyyəvi olmuşdur;

2) Xüsusi kütləvi hakimiyyət – siyasi hakimiyyətdir, cəmiyyətdən ayrılmış, həyata keçirilməsi üçün xüsusi olaraq yaradılmış peşəkar hakimiyyət aparatını tələb edən hakimiyyətdir;

3) Ümumxalq hakimiyyəti. Belə hakimiyyət adətən referendum zamanı xalqın suveren iradəsi ilə konstitusiyalaşır və siyasi-hüquqi xarakter əldə edir. Burada

hakimiyyətin həyata keçirilməsinin təşkilati - hüquqi formalarını və orqanlarını xalq özü müəyyən edir.

Yuxarıda göstərilən hakimiyyət formalarının mahiyyətinin və məzmununun düzgün dərk olunması hakimiyyət kateqoriyasının daha geniş təhlilini tələb edir. İctimai-siyasi və hüquq ədəbiyyatlarında hakimiyyət kateqoriyasının anlayışına dair fikir müxtəlifliyinə rast gəlmək olar.

Müasir ingilis-amerikan politoloji məktəbin nümayəndəsi H.Morgentau yazır ki, “hakimiyyət dedikdə, insanın başqa insanların şüuru və hərəkətləri üzərində nəzarət etməsi başa düşülür”. Həmin məktəbin digər nümayəndəsi P.Blaunun fikrincə, hakimiyyət bir fərdin, yaxud qrupun başqaları üzərində öz iradəsini həyata keçirməsidir. M.Veber isə yazır ki, “hakimiyyət başqa əqidələrlə mübarizədə, belə bir imkanın nəyə əsaslanmasından asılı olmayaraq, şəxsin iradəsini yeritmək üçün hər hansı bir imkan deməkdir” (8, səh. 86,87).

Böyük Sovet Ensiklopediyasında hakimiyyət – öz iradəsinə tabe etmək, başqalarının hərəkətlərini idarə etmək, yaxud onlara sərəncam vermək imkanları kimi izah olunur (9, səh.640).

Hüquq ədəbiyyatlarında hakimiyyət kateqoriyasının izahı əksər hallarda iradə və məcburetmə terminləri ilə əlaqələndirilir. Məsələn, dövlət və hüquq nəzəriyyəsi dərslərində qeyd olunur ki, sosial hakimiyyət

bu və yaxud digər sosial birliyin (qəbilə, qrup, sinif, xalq) məcburetmədə daxil olmaqla müxtəlif metodlardan istifadə etməklə digər insanların iradəsini öz iradəsinə tabe etmək qabiliyyətidir (6, səh.29).

Professor B.A.Straşunun redaktorluğu ilə hazırlanan “Xarici ölkələrin Konstitusiya hüququ” dərslində qeyd olunur ki, hakimiyyət bir (hakim) insan və ya onların qruplarının öz iradələrinin digər, tabe vəziyyətdə olan insan və ya qrupları tərəfindən həyata keçirilməsinə nail olmaq qabiliyyətidir (7, səh.206).

Rusiya Federasiyasının Konstitusiya hüququ dərslində isə göstərilir ki, hakimiyyət insan cəmiyyətinin yaranması ilə yaranır və bütün bəşər cəmiyyətlərində mövcuddur. Belə ki, hər bir bəşər cəmiyyəti məcbuətmə də daxil olmaqla müxtəlif vasitələrlə idarəetmə ilə təmin olunur (2, səh.85).

Hüquq və digər ictimai-siyasi ədəbiyyatlardamüəyyən olunan hakimiyyət anlayışının təhlili əsasında bu təzahürün aşağıdakı əsas əlamətlərini fərqləndirmək olar:

1. Hakimiyyət sosial hadisədir. Hakimiyyət insan cəmiyyətinin yaranması ilə meydana gəlir və bütün bəşər cəmiyyətlərində mövcuddur. Hakimiyyət cəmiyyətin tarixi inkişafının bütün mərhələlərində onun əsas tərkib elementi kimi çıxış etmişdir. Bu onunla izah olunur ki, cəmiyyət mürəkkəb sosial orqanizm kimi idarəetmə ilə təmin olunur. Cəmiyyətin idarəetməyə olan tələbatı burada hakimiyyətin mövcudluğunu şərtləndirir.

Hakimiyyət cəmiyyətin birliyini, sosial idarəetməni, ictimai qaydanı, bir sözlə cəmiyyətin mövcudluğunu təmin edir. Hakimiyyətin təsiri ilə ictimai münasibətlər məqsədyönlü, nizamlı, mütəşəkkil xarakter alır.

Hesab edirik ki, bəzi nəzəri ədəbiyyatlarda qeyd olunan “sosial hakimiyyətfadəsi

düzgün sayıla bilməz. Belə ki, hakimiyyət yalnız fərdlər və onların yaratdığı kollektivlər arasında münasibətləri ehtiva edir. İnsanın cism və təbiət hadisələrinə olan münasibətləri hakimiyyət xarakterli ola bilməz.

2. Hakimiyyətin həyata keçirilməsi bütün hallarda intellektual – iradəvi prosesdir. Hakimiyyət insanlar arasında iradəvi münasibətlərdir və insanların şüur və iradəsindən kənarında mövcud ola bilməz. İradə hakimiyyətin əsas elementidir və onu nəzərə almadan hakimiyyət münasibətlərinin mahiyyətini anlamaq qeyri mümkündür. Bu münasibətlərdə hakim və ona tabe olan iradələr fərqləndirilir. Hakimiyyət münasibətlərində hakim iradənin subyektivi aşağıdakı cəhətlərə malik olmalıdır:

- Hakimiyyət subyektivi olmaq və öz üzərinə məsuliyyət götürmək istəyi;
- Müəyyən biliyə, peşəkarlığa, nüfuza malik olmaq və hakimiyyət resurslarından istifadə etmək bacarığı.

Hakim iradəyə tabe olan şəxs, onun əmr və göstərişlərini qəbul edib icra etməzdən öncə, onları şüurundan keçirərək hakim iradənin istəyini dərk etməlidir. Bu səbəbdən şüur və iradəsi deformasiya olunmuş şəxslər hakimiyyət münasibətlərinin subyektivi ola bilməzlər.

3. Hakimiyyət yalnız ictimai münasibətlər çərçivəsində mövcud ola bilər və bu münasibətlərin iki tərəfi fərqləndirilir. Bu münasibətlərdə bir tərəfdən hakim iradəyə malik olan subyekt, ikinci tərəfdə isə həmin iradəyə tabe subyekt çıxış edir. Ümumsosial nöqtəyi nəzərdən onların hər ikisi şüur və iradəyə malik olan subyektlərdir, yəni hakimiyyət münasibətlərinin iştirakçılardır. Lakin, konkret münasibətlərdə tabe vəziyyətdə olan subyekt həmin münasibətin obyektivi qismində çıxış edir.

İngilis politoloqu C.Tompson yazır ki, hakimiyyətdən o zaman danışmaq olar ki,

orada ağılıq və tabelik ünsürləri dəqiq təzahür etsin, cəmiyyətin qəbul etdiyi normalar və qanunlarla hər iki tərəfin davranışı şərtləndirilmiş olsun. Həmin normalar və qanunlar müəyyən edirlər ki, əmri verən şəxsin əmrin aid olduğu şəxsdən tabe olmağı tələb etmək hüququ vardır (8).

Yuxarıda qeyd olunan hakimiyyət anlayışının üstün cəhəti ondadır ki, C.Tompson hakimiyyəti hüquq və digər sosial normalarla əlaqəli şəkildə izah edir və hakimiyyət münasibətlərində hakim və tabe tərəfləri fərqləndirir. C.Tompsonun verdiyi anlayışdan belə bir nəticə çıxarmaq olar ki, hakimiyyət – hakim subyekt tərəfindən tabe subyekt (obyekt) üçün əhəmiyyətli və məcburi olan qərarlar, əmrlər vermək, bu qərarların icrasını tələb etmək və obyektin fəaliyyətinə nəzarət etmək qabiliyyəti kimi başa düşülür. Bu kontekstdə hakimiyyətin obyektini fərdlər və onların yaratdığı birliklər, siniflər, cəmiyyət, dövlət və s. ola bilər.

4. Hakimiyyətin digər əlaməti onun gücə əsaslanmasıdır. Hakimiyyətin gücü müxtəlif təbiətli ola bilər: fiziki güc, silahın gücü, intellektin gücü, nüfuzun gücü və s.

Bəzi nəzəri mənbələrdə hakimiyyət və məcburetmə anlayışlarının eyniləşdirilməsinə rast gəlmək olar. Məsələn, M.İ.Baytin yazır ki, hakimiyyət həyata keçirilmə formasından asılı olmayaraq bütün hallarda məcburetmədir (11, səh.112).

Politologiya dərslərində isə qeyd olunur ki, hakimiyyət termini sosial kontekstdə “kiminsə” (şəxsi, yaxud sosial qrupun) başqalarını müəyyən şəkildə öz istədiyini etməyə məcbur etməsi mənasında işlədilir (8, səh.87).

Nikkolo Makiavelli “Hökmdar” əsərində dövlət hakimiyyətini güc ilə eyniləşdirir, onu insanların üzərində hökmranlıq edən vahid güc kimi xarakterizə edir. Daha sonra o, qeyd edir ki, bu gücün əsasında qorxu dayanır (12,

səh.159)

Hesab edirik ki, hakimiyyət kateqoriyası tabeçilik və məcburetmə proseslərini ehtiva etməsinə baxmayaraq məcburetmə ilə eyniləşdirilə bilməz. Ümumi məqsədlərə nail olmaq üçün hakimiyyət insanların davranışına yalnız məcburetmə ilə deyil, digər metodlarla da təsir göstərə bilər.

Məcburetmə hakimiyyətin həyata keçirilməsinin yalnız bir metodudur. Onun digər metodu inandırma deyil. İnandırma və məcburetmə ilə yanaşı hakimiyyət iqtisadi, siyasi, sosial və ideoloji metodlardan da istifadə edə bilər.

Fəlsəfə ensiklopedik lüğətində düzgün qeyd olunur ki, hakimiyyət – cəmiyyətin təşkilinin əsas funksiyalarından biri, bir-birinə zidd fərdi və ya qrup mənafelərini əlaqələndirməklə insanların hərəkətini idarə etmək üçün inandırma və ya məcburiyyət vasitəsilə onları vahid iradəyə tabe etməkdə real imkana malik nüfuzlu qüvvədir (5, səh.468).

Məcburetmə intellektin, nüfuzun gücündən həm də onunla fərqlənir ki, burada hakimiyyətə tabe olan subyekt anlayır ki o, bunu öz iradəsinə zidd həyata keçirir. Məcburetməni həmçinin, fiziki güc (zorakılıq) anlayışından fərqləndirmək lazımdır. Belə ki, məcburetmə fiziki güc (zorakılıq) anlayışından daha genişdir çünki məcazi xarakter daşıya bilər.

Bəzi ədəbiyyatlarda hakimiyyət idarəetmə anlayışı ilə bərabərləşdirilir. Məsələn, Rusiya Federasiyasının konstitusiya hüququ dərslərində qeyd olunur ki, hakimiyyət kimisə və nəyisə idarəetmək, sərəncam vermək kimi başa düşülür (2, səh.85)

Hüquq ensiklopediyasında hakimiyyət başqalarının hərəkətlərini idarə etmək imkanı kimi göstərilir.

AMEA-nin Nəsimi adına Dilçilik İnstitutunda hazırlanan Azərbaycan dilinin

izahlı lüğətində hakimiyyət, idarə etmək hüququ, dövlət idarə orqanları, hökumət kimi xarakterizə olunur (1, səh.320).

Hesab edirik ki, hakimiyyət və idarəetmə hadisələrinin sıx bağlılığına baxmayaraq onları eyniləşdirmək düzgün deyildir. Hər şeydən əvvəl qeyd olunmalıdır ki, hakimiyyət sosial hadisədir və onu “nəyisə” idarəetmək kimi başa düşmək olmaz. İdarəetmə isə müxtəlif təbiətli (bioloji, sosial, texniki) mütəşəkkil sistemlərin elementi, funksiyası, onların müəyyən strukturunun saxlanılmasını, fəaliyyət rejiminin mühafizəsini, proqram və məqsədin reallaşmasını təmin edir.

Əksər mənbələrdə idarəetmə müəyyən sistem və proseslərə, onların vəziyyətini dəyişmək və yeni keyfiyyət vermək məqsədilə təsir göstərilməsi kimi xarakterizə olunur. Bu mənada hakimiyyətdən fərqli olaraq idarəetmə həm sosial, həm də texniki sistemlərə aiddir.

Azərbaycan dilinin izahlı lüğətində qeyd olunur ki, idarə etmək hər hansı vasitələrdən, mexanizmlərdən, cihazlardan və s. istifadə edərək, bir şeyin işini, hərəkətini nizama salmaq, müəyyən tərəfə yönəltmək, istiqamətləndirmək kimi də başa düşülə bilər (məsələn, hava, su gəmisini idarə etmək) (1, səh.501)

Yuxarıda qeyd olunanlardan belə bir nəticəyə gəlmək olar ki, hakimiyyət anlayışı yalnız sosial idarəetməni ehtiva edir. Lakin, bu da öz növbəsində hakimiyyət və sosial idarəetmə anlayışlarını bərabərləşdirməyə əsas vermir.

İctimai münasibətləri tənzimləmək, cəmiyyəti inkişaf etdirmək məqsədilə ona təsir vasitəsi kimi sosial idarəetmə hər bir cəmiyyətin mühüm daxili xassəsidir.

Sosial İdarəetmə müəyyən məqsədə çatmaq üçün planlaşdırma, təşkil etmə, rəhbərlik və nəzarət prosesidir. Bu kontekstə sosial idarəetmənin 4 funksiyası fərqləndirilir:

1. Planlaşdırma - məqsədlərin seçilməsi və

onlara çatmaq üçün müvafiq planların işlənilib hazırlanmasıdır;

2. Təşkil etmə-ayrı-ayrı işçilər və onların birlikləri arasında vəzifələrin bölüşdürülməsi və qarşılıqlı əməkdaşlığın müəyyən edilməsidir;

3. Rəhbərlik – konkret vəzifələrin yerinə yetirilməsi üçün tabelikdə olan insanların, kollektivlərin fəaliyyətinə təsir göstərmək prosesidir.

Bəzi ədəbiyyatlarda idarəetmə və rəhbərlik anlayışları da bərabər tutulur. Bu düzgün yanaşma deyildir. İdarəetmə həm sosial, həm də texniki xarakterli ola bilər. Rəhbərlik isə yalnız insanları və onların birliklərini ehtiva edir.

Ümumilikdə rəhbərlik anlayışı üç aspektdə izah oluna bilər:

- Tabelikdə olan şəxslər nə etməlidirlər barədə göstərişlərin verilməsi;
- Kollektivlərin üzvləri arasında əməkdaşlığın təmin edilməsi;
- Müəyyən məqsədlərə çatmaq üçün insanların həvəsləndirilməsi.

Yuxarıda qeyd olunanlara əsasən göstərmək olar ki, rəhbərlik edən şəxs həm də idarəetməni həyata keçirir. Lakin hər cür idarəetmə hələ rəhbərlik demək deyildir.

4. Nəzarət – planlaşdırılan işlərin əldə olunan nəticələrə uyğun olmasının yoxlanılmasıdır.

Beləliklə, “hakimiyyət” və “idarəetmə” anlayışlarının üzvü bağlılığına baxmayaraq həmin anlayışları eyniləşdirmək olmaz. Hakimiyyət idarəetmə anlayışına nisbətə ilkindir. Belə ki, hakimiyyət subyektı həm də idarəetməni həyata keçirir. Lakin müəyyən hallarda idarəetmə subyektı hakimiyyətə malik olmaya bilər (məsələn, dərstdə öz sinfini idarə edən müəllim).

Bütün deyirlərə rəğmən belə bir nəticəyə gəlmək olar ki, “xalq hakimiyyəti” həm də “xalq idarəçiliyi” kimi xarakterizə oluna bilər.

İstifadə olunan ədəbiyyatlar:

1. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Dörd cildə. II cild. Bakı, “Şərqi-Qərb”, 2006. Səh. 320,501.
2. Е.И.Козлова. О.Е.Кутафин. Конституционное право Российской Федерации: Учебник, М.: Юристъ, 1995. Стр.85.
3. Государственное управление: основы теории и организации. Учебник. Т.1/Под ред. В.А. Козбаненко. Изд.2-е, с изм. И доп. – М.: «Статут», 2002.
4. И.Е.Фарбер, В.А.Ржевский. Вопросы теории советского конституционного права. Выпуск первый. Саратов.1967.
5. Fəlsəfə. Ensiklopedik lüğəti. “Azərbaycan Ensiklopediyası”. Nəşriyyat-poliqrafiya birliyi. Bakı, 1997. Səh.468.
6. Теория государства и права: Учебник для вузов/Под ред. Проф. Корельского и проф. В.Д.Перевалова. – М.: Издательство НОРМА, 2002. Стр.29.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. В 4-х томах. Тома 1-2. Отв. Ред. Б.А.Страшун. – М.:Издательство БЕК, 1995, Стр.206.
8. Н.İ.Şirəliyev, Ə.С.Əhmədov “Politologiya”. Dərslik. “Təbib”, 1997.Səh.86,87.
9. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. В 30-тит., Т.В.М.: Советская Энциклопедия, 1970. Стр.640.
10. Hüquq ensiklopediyası. В.Qanun-2007. səh.446.
11. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Dörd cildə. II cild. Bakı, “Şərqi-Qərb”, 2006. Səh.320, 501.
12. Nikkolo Makiavelli. Hökmdar, Bakı “Qızıl Şərq” 2008. Səh.159.

Джейхун Сулейманов

Власть как политико-правовая категория: понятие и признаки**Резюме**

В данной статье анализируются различные подходы, взгляды учёных относительно понятия власти.

Автор данной статьи не соглашается с мнениями некоторых авторов, которые отождествляют понятия: власть и управление, власть и принуждение. Сила власти не ограничивается принуждением. Другим понятием осуществления власти является убеждение. В данной статье также рассматриваются основные признаки и структура власти.

Jeyhun Suleymanov

Power as political and legal category: the concept and characters**Summary**

This article examines the different approaches, the views of scientists on the concept of power.

Author of this article does not agree with the views of some authors who identify concepts: power and control, power and coercion. The power of government is not limited to coercion. Another concept is the belief of the government. This article also discusses the main features and the structure of power.

ШАХИН ШУКЮРОВ

Преподаватель кафедры «Административной деятельности ОВД» Академии Полиции МВД Азербайджанской Республики, полковник-лейтенант полиции, доктор философии по праву.

«РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, КАК ПРИОРИТЕТНОЙ СРЕДИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ».

Açar sözlər: Konstitusiya, konstitusiyon-hüquqi əsaslar, icra hakimiyyəti orqanları, inzibati fəaliyyət, daxili işlər orqanları.

Ключевые слова: Конституция, конституционно-правовые основы, органы исполнительной власти, административная деятельность, органы внутренних дел.

Keys words: constitution, constitutional and legal bases, Executive Authority organs, administrative action, internal affairs agencies.

Конституционно-правовыми основами административной деятельности органов внутренних дел Азербайджанской Республики являются основополагающие документы и акты, которые непосредственно определяют, дополняют и направляют эту деятельность в правомерное русло. Конституционно-правовые основы административной деятельности органов внутренних дел Азербайджанской Республики законодательно закрепляют области этой деятельности, усовершенствуют его неотъемлемые институты, а также структуры, которые непосредственно входят в систему органов внутренних дел. Основы фор-

мируют фундаментальные постулаты для дальнейшей деятельности органов, развивают направления взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, тем самым определяя его непосредственную роль и особое место в государственном управлении. Конституционно-правовые основы создают благоприятные условия в особенности для нормотворческой деятельности органов внутренних дел, которые в результате учреждают и развивают все более усовершенствованные и конкретные нормы для столь компетентной формы деятельности.

Конституционно-правовые основы обладают особыми стабильными гарантиями. Конституционные основы учреждают систему органов государства, их полномочия, определяют характер взаимоотношений органов государственной власти. Конституционные основы закрепляют и выражают высшие правовые нормы, которым не могут противоречить нормативно-правовые акты.

Особую, можно сказать главенствующую, роль среди основ административной деятельности органов внутренних дел

Азербайджанской Республики занимает Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. Конституция обладает юридической функцией как основного закона государства, которая обладает высшей юридической силой.

Возникает необходимость уделить внимание в статье понятию «административной деятельности органов внутренних дел», а также термину «внутренние дела». Административная деятельность органов внутренних дел - это целенаправленная, организующая исполнительная и распорядительная деятельность, состоящая в непосредственном, повседневном, практическом осуществлении задач и функций государства в сфере внутренних дел. [1,38с.]

Термином «внутренние дела» обозначается одна из сфер деятельности государства. Наименование рассматриваемой сферы носит традиционный характер и отражает ее исторически сложившееся содержание. Сфера внутренних дел государства является многоструктурной. Она включает в себя ряд сложных групп общественных отношений, которые связаны с защитой прав, свобод и интересов личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств;.....[1,11с.]

Конституция Азербайджанской Республики непосредственно определяет широкую и неизменно незаменимую роль флага в деятельности органов государственной власти, определяет цели, задачи, принципы и полномочия этих органов, а также основы и требования к этим органам и их должностным лицам в области защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

В своей деятельности все органы внутренних дел во всех сферах своей дея-

тельности руководствуются Конституцией Азербайджанской Республики, законами, указами и распоряжениями Президента, постановлениями и распоряжениями Кабинета Министров, нормативно- правовыми актами центральных органов исполнительной власти, в основном МВД, а также придерживаются актов местных органов центральных органов исполнительной власти и самоуправления.

В связи с тем, что научная статья посвящена Конституции Азербайджанской Республики, хотелось бы основному закону уделить особое внимание,

В отличие от старой, новая Конституция Азербайджана достаточно четко закрепила такие принципы, как суверенитет государства и народа; республиканскую форму правления; приоритет прав и свобод человека, их защиту как главную обязанность государства, политический плюрализм; демократический, социальный, правовой и светский характер азербайджанского государства; разделение в нем законодательной, исполнительной и судебной властей; верховенство права с включением в число его источников не только Конституции и других законов республики, но и общепризнанных принципов международного права и международных договоров, сторонником которых является Азербайджанская Республика.[2, 9с.]

Конституция является стержнем существующей государственной системы, на которой держатся все звенья и сферы деятельности. Со дня принятия Конституции Независимой Азербайджанской Республики интерес к Основному Закону, его постатейное изучение, детальное исследование послужило рычагом проведения правовых реформ в государстве. Свидетельством этому служит ряд принятых

нормативно-правовых актов, которые соответствуют требованиям современности и иногда опережают его.

Целью государственных органов, в особенности органов внутренних дел, а также граждан республики является претворение в жизнь норм Конституции. Конституция – это комплекс норм, содержанием которых являются: принципы народного суверенитета и законности; фундаментальные права и свободы человека; основы государственного устройства. Конституция – Основной Закон, под которым подразумевается систематизированный нормативный акт, обладающий высшей юридической силой, и является правовой базой для других законов, всесторонне регулирующих государственно-правовые отношения. Ст.2 Закона о Полиции Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 года, которая рассматривает законодательство о полиции, включает Конституцию, как составную часть законодательства[11].

Конституция Азербайджанской Республики принята 12 ноября 1995 года путем общенародного референдума, определила модель государственного строительства и стала новым переломным этапом в истории развития общества, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Основной отличительной чертой Конституции для нас является то, что это документ, обладающий высшей правовой силой, впервые отразил в себе независимость народа и тем самым начал путь демократии [10]. Изменения и дополнения, сделанные в Конституции в результате проведенных референдумов 24августа 2002 года и 18 марта 2009 года, послужили новыми последующими этапами в дальнейшем развитии деятельности органов государственной власти.

Конституция Азербайджанской Респуб-

лики является знаменательно новой вехой в развитии и правовом регулировании органов исполнительной власти. Новизной и основной концепцией Основного Закона явился принцип разделения государственной власти, что привело к созданию и развитию законодательной, исполнительной и судебной властей. Эти органы власти на основании Конституции независимы и взаимодействуют между собой в рамках своих полномочий.

Место органов внутренних дел, среди органов исполнительной власти в системе демократических преобразований, которые проводятся в последнее время в нашей стране, ключевое. Поскольку с точки зрения разделения властей вся тяжесть ответственности за конкретные преобразования в обществе в условиях, в которых находится страна, возложена на органы исполнительной власти, в основном на центральные и местные. Конституция и законы, а также акты органов государственной власти являются юридической базой для издания постановлений, решений органами исполнительной власти. Конституция и законы также являются юридической базой, так как в них выражается суверенная воля народа.

В Преамбуле Конституции Азербайджанской Республики отмечены традиции государственности Республики, которые отражаются и должны отражаться в деятельности государственных органов на современном этапе на основе принципов, утвержденных в Конституционном Акте «О Государственной Незавсимости». Традиции превратились в основные задачи органов государственной власти, благодаря которым народ Азербайджана поставил перед собой конкретные цели. Перечисленные цели, которые осуществляются благодаря нормативно-правовым

актам, в данный момент стали целями органов государственной власти Азербайджанской Республики, а также органов исполнительной власти,

Преамбула составная часть текста Конституции. При реализации Конституции следует исходить из текста Конституции. Почти все институты конституционного права являются механизмом, средствами по реализации задач, указанных в преамбуле Конституции. Преамбула служит ориентиром, который способствует применению норм Конституции. Она затрагивает еще и определенные цели государственной власти, а также органов исполнительной власти Азербайджанской Республики, которые непосредственно стоят и перед органами внутренних дел. Преамбула содержит продолжение традиций государственности, а также лишней раз закрепляет конституционные принципы, деятельность нынешнего государства. Допустим как положение, «желая обеспечить благополучие всех и каждого, утвердить справедливость, свободу и безопасность». Тем самым также определяется цель государства и его органов, которая уже закрепляется во вступительной части Конституции.

Задачей органов государственной власти является утверждение справедливости, свободы, безопасности, обеспечение благополучия всех и каждого. Это, защита независимости, суверенитета и территориальной целостности, гарантии демократического строя в рамках Конституции, утверждения гражданского общества, построения правового, светского государства на основе верховенства законов, обеспечения достойного уровня жизни, сохранения общечеловеческих ценностей.

Охрана жизни, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и

другие гуманитарные цели административной деятельности органов внутренних дел могут быть достигнуты только на основе социальной справедливости, принципа гуманизма и других принципов, при наличии у граждан права на защиту, при наличии презумпции невиновности и иных нравственно-руководящих идей.[1,46с.]

Среди конституционных принципов наблюдается принцип привлечения и участия граждан в государственное управление для утверждения гражданского общества, смягчение отношений между государством и гражданином, защищенность граждан со стороны государства и его органов от ущемления прав и свобод. Органы государственной власти служат флагом согласованности для претворения интересов всех и каждого. Этот принцип уместно отражается в административной деятельности органов внутренних дел, закрепляясь как в ст. 10 Закона о Полиции Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 года, так и в ряде других подзаконных актов.

На основе п.1 ст.1 Конституции Азербайджанской Республики единственным источником государственной власти является народ Азербайджана, все конституционные полномочия государственной власти исходят от народа. Органы исполнительной власти обладают способностью регулировать общественные отношения и в интересах суверенного народа. Все полномочия для осуществления исполнительной власти приобретаются в результате свободно выраженной воли народа.

Конституция Азербайджанской Республики предусматривает статьи, на основе которых органы исполнительной власти Азербайджанской Республики, точнее органы внутренних дел осуществ-

ляют административную деятельность, также Конституция содержит положения, которые требуют соблюдение обязательств, необходимых при той же деятельности этих органов исполнительной власти.

Ст.12 Конституции определяет высшую цель государства, которая заключается в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики. Реализация этой цели государства возлагается на государственные органы. Органы внутренних дел Азербайджанской Республики также в своей деятельности ставят целью обеспечение прав и свобод человека и гражданина путем обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Цель, поставленная перед государством, её основным законом, является обязательством перед органами государственной власти, а значит и органами исполнительной власти, то есть также органами внутренних дел. Осуществляя административную деятельность, органы внутренних дел, также ставят перед собою эту главную цель.

Очень своеобразно и уместно указал ученый-правовед Астапенко П.Н. о сотрудничестве между государством и гражданином, которое на современном этапе можно принять за назначение и основную цель органов полиции развитых государств... « Для государства граждане и общество – клиенты, которым необходимо оказывать качественные услуги, которые должны быть конкурентными и востребованными. Государство для граждан и общества – это партнер, нуждающийся в постоянной поддержке и заботе. Происходит существенное сокращение барьеров между государством и гражданином. Граждане выступают не только в

качестве источника власти, но все более и более выполняют функции государственных органов»[12].

В Научно-Практическом Комментарий к Конституции Азербайджанской Республики Ш. Алиева к II п. ст. 7 Конституции прослеживается цель органов государственной власти...«Право представляет собой цель государственной деятельности и полномочий его органов, государство – это инструмент обеспечения права. Это задача присуща государству при реализации любой функции – законодательной, исполнительной, судебной...» [3,с.24].

Аристотель констатирует, что человек действует целесообразно, что у каждой деятельности своя цель, что разные цели взаимосвязаны и иерархически организованы[6]. Далее он приходит к выводу о необходимости допустить существование высшей (последней, конечной) цели.

Пункт III ст.25 Конституции Азербайджанской Республики полностью запрещает и ликвидирует дискриминацию, обязывает государство и его органы гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина. На основе Конституции это положение отражается в п.1 ст.5 Закона о Полиции Азербайджанской Республики, что обязывает органы внутренних дел (полиции) осуществляя административную деятельность - защищать права и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, политическим партиям, профессиональным союзам а также других обстоятельств.

Пункт II ст.26 Конституции также определяет обязательство перед государством в

гарантии защиты прав и свобод каждого. Органы исполнительной власти в своей деятельности придерживаются ряда конституционных принципов, таких как принцип ответственности, принцип гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина. Если обратиться к ст.18 Конституции Российской Федерации можно заметить, что: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного управления и обеспечиваются правосудием». [5,с.6]

Пункт III ст.27 Конституции Азербайджанской Республики определяет право каждого на жизнь, но в IV пункте этой статьи в порядке исключения с целью использования мер административного пресечения, как одного из институтов, который относится к методам административной деятельности органов внутренних дел, предусмотрено право сотрудников полиции применять огнестрельное оружие. На основе вышеуказанной статьи Конституции, статьи 17, 26, 27-ая Закона о Полиции Азербайджанской Республики определяет права и обязанности по ношению, применению, использованию и другие сферы связанные с огнестрельным оружием.

Пункт I ст.28 Конституции устанавливает право каждого на свободу, тем самым II-ой пункт этой же статьи свидетельствует о том, что это право может быть ограничено только в предусмотренном законом порядке путем задержания, ареста или лишения свободы. Пункт III ст.5 Закона о Полиции Азербайджанской Республики также указывает, что всякое ограничение граждан в их правах и свободах со стороны

органов внутренних дел допустимо лишь на основании и в порядке, прямо предусмотренных законом. Пункт IV ст.5 Закона показывает, что во всех случаях ограничения прав и свобод гражданина сотрудник полиции обязан разъяснить гражданину основание и повод такого ограничения, а также зарождающиеся в связи с этим его права и обязанности. В Законе о Полиции (Ст.21, 22, 23.) предусматриваются положения ограничений права на свободу со стороны полиции, сроки ограничений права на свободу, а также обязанности сотрудников полиции связанные с ограничениями свободы.

Пункт I ст.33. Конституции Азербайджанской Республики закрепляет право на неприкосновенность жилья, пункт II этой же статьи предусматривает исключительные случаи, установленные законом, что создает правовые основы, также на основе статей 24, 25 Закона о Полиции Азербайджанской Республики для сотрудников полиции право входа в жилище против воли проживающих в ней лиц.

Пункт I ст.46 Конституции Азербайджанской Республики утверждает право каждого на защиту чести и достоинства. Пункт III ст.46 Конституции показывает, что никто не может быть подвергнут пыткам и истязаниям, никто не может быть подвергнут обращению или наказанию, унижающему человеческое достоинство. Тем самым указывая в п. II ст.5 Закона о Полиции Азербайджанской Республики на недопустимость применения пыток, насилия, другого жесткого и унижающего человеческое достоинство обращения, создает обязательство перед органами внутренних дел.

Пункт I ст.55 Конституции создает условия для граждан в праве участия в управлении государством. Активное уча-

стие органов исполнительной власти и граждан по привлечению общественности в особенности по охране общественного порядка и общественной безопасности создает высокие результаты этой деятельности. Граждане и представители общественности должны привлекаться на всех этапах организации этой деятельности.

Ст.57 создает право граждан обращаться в государственные органы, тем самым эти обращения могут быть направлены и в органы внутренних дел с предложениями.

На основе п. II ст.57 Конституции граждане Азербайджанской Республики обладают правом критиковать деятельность или работу государственных органов и их должностных лиц. В результате критики сделанные замечания, обоснованные предложения, в основном, истекают из потребностей граждан. Они являются, в основном, актуальными, которые возникают в результате существующих проблем, или исходят из ряда других причин, таких как некомпетентность, должностных лиц, коррупция.

На основе п. II ст.60 Конституции Азербайджанской Республики: Каждый вправе обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) государственных органов ... и должностных лиц. Судебная гарантия прав и свобод, указанная [4, с.19] в ст. 60 Конституции Азербайджанской Республики, означает не только право гражданина подать жалобу в соответствующий суд, но и обязанность этого суда рассмотреть жалобу и принять по ней законное, обоснованное и справедливое решение. Институт судебного обжалования означает контроль суда за законностью действий и актов органов исполнительной власти, тем более органов внутренних дел.

На основании п. I ст. 71 Конституции органы исполнительной власти, а также

органы внутренних дел Азербайджанской Республики обязаны своей деятельностью соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и тем самым создавать им гарантии. Деятельность органов исполнительной власти на всех уровнях гарантируют соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Тем самым Конституция создает обязательство перед каждым органом исполнительной власти в области по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Например, если уделить внимание конституциям СНГ, можно пронаблюдать и ряд других правовых аспектов, исходящих из содержания основного закона.

Согласно ст. 3 Конституции Украины: «Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей, социальной ценностью». Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. «Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства» [7, с.136]. Такой подход формирует новые институты ответственности государства за свою деятельность перед человеком и гражданином.

Хотелось бы еще раз указать что, наиболее значимым и приоритетным из источников права в Азербайджанской Республике является конституция. Конституция находится на высшей ступени иерархии источников права и тем самым обладает в государстве наивысшей юридической силой. Это ядро правовой системы, содержание которой служит базой нормативно-правовых актов органов государственной власти, а значит и органов исполнительной власти.

На основании ст. 115 Конституции в состав Кабинета Министров Азербайджанской Республики входят премьер-министр, его заместители, министры и другие руководители центральных органов исполнительной власти. В отличие от полномочий главы исполнительной власти Президента (ст. 109); Кабинета министров (ст. 119); органов исполнительной власти на местах (ст. 124) в Конституции о конкретных полномочиях центральных органов исполнительной власти не указано. Отражение общих полномочий центральных органов исполнительной власти в Конституции Азербайджанской Республики, создало бы благоприятные условия для фундаментальных основ и предотвратила бы возникшие в будущем противоречия и дублирования в их деятельности, а также в деятельности органов внутренних дел.

Пункт 6 ст. 148 Конституции Азербайджанской Республики закрепляет, что нормативные акты центральных органов исполнительной власти входят в систему законодательства Азербайджанской Республики, свидетельствуя о праве издания актов со стороны этих органов, которое истекает из содержания Конституции. В Основном Законе раскрывается перечень актов, издаваемых со стороны органов исполнительной власти: Главы Исполнительной власти – Президента (ст. 113); Вышестоящего органа Исполнительной власти – Кабинета Министров (ст. 120); местных органов исполнительной власти (ст. 148, V); но здесь отсутствует перечень актов, которые могут издавать центральные органы исполнительной власти, которые облегчили бы также систематизацию актов органов внутренних дел.

Ст. 147 Конституции определяет юридическую силу основного закона

Азербайджанской Республики. Пункт I ст. 147 гласит о том, что Конституция имеет высшую юридическую силу в Азербайджанской Республике. Значит, никакой другой нормативно-правовой акт не обладает юридической силой выше, чем Конституция, Каждый нормативно-правовой акт обладает юридической силой, но не выше и не более, чем Конституция. Нормативно-правовой акт органа исполнительной власти по своему содержанию и значению не может быть поставлен выше Конституции. Органы исполнительной власти, в особенности органы внутренних дел в своей нормотворческой деятельности должны соблюдать и придерживаться того основного фактора, что в системе законодательства Азербайджанской Республики Конституция имеет высшую юридическую силу. Конституция обладает верховенством над другими нормативно-правовыми актами.

Некоторые конституции СНГ дают развернутую характеристику принципа верховенства закона. Например, ст. 7 Конституции Республики Беларусь раскрывает новые грани верховенства закона: государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащим положениям Конституции, не имеют юридической силы. Нормативные акты государственных органов публикуются или доводятся до всеобщего сведения предусмотренным законом способом.

На основании ст. 7 Конституции Молдовы указано, что ни один закон или иной нормативный правовой акт, противоречащий нормам Конституции, не имеет

юридической силы [8,с.10]. Это создает основание запрета применения нормативно-правового акта, который противоречит нормам Конституции, так как он не обладают никакой юридической силой. Верховенство Конституции проявляется в ее высшей юридической силе. Так же указано и в других Конституциях СНГ: ст. 4 Конституции Казахстана, ст. 12 Конституции Кыргызстана, ст. 10 Конституции Таджикистана, ст. 8 Конституции Украины.

В.Е.Чиркин дает понятие термина «Основного закона» - конституция является исходной базой для правотворческой и правоприменительной деятельности. Высшая юридическая сила Конституции предполагает, что все остальные законы, иные акты, правоприменительная практика должны соответствовать ей, иначе они недействительны [9]. В.Е.Чиркин очень справедливо отмечает о соответствии правоприменительной практики нормам Конституции.

Реализация конституции, ее норм осуществляется благодаря изданию нормативно-правовых актов, а также актов органов исполнительной власти, деятельности государственных органов, ее должностных лиц, граждан государства. Эта деятельность регулируется правом и должна соответствовать Конституции. Верховенство Конституции, ее высшая юридическая сила предполагает ее защиту, и контроль за ее соблюдением.

Органы внутренних дел Азербайджанской Республики на всех уровнях ссылаются и основываются на Конституцию Азербайджанской Республики. Лишь Конституция первично закрепляет эту административную деятельность органов внутренних дел, указывает на пределы полномочий органов

исполнительной власти в этой сфере деятельности, а также определяет взаимодействие органов исполнительной власти с другими органами государственной власти и органами самоуправления, но не дает четких границ. Конституция устанавливает цель, задачи, конституционные принципы и обязательства органов государственной власти, ее ветви исполнительной власти, в том числе и органов внутренних дел.

Конституционные законы и нормы, исходящие из этих актов, непосредственно влияют и оказывают содействие нормотворчеству, которые должны соблюдаться со стороны органов внутренних дел при административной деятельности. Они создают обязательства принятия актов, не нарушающих права и свободы человека и гражданина, и одновременно расширяют права человека и гражданина в сфере обжалования при принятии противоправных актов.

Завершая научную статью на тему «Роль и значение Конституции Азербайджанской Республики, как приоритетной из конституционно-правовых основ административной деятельности органов внутренних дел» хотелось бы выдвинуть ряд предложений.

Отражение общих полномочий центральных органов исполнительной власти в Конституции Азербайджанской Республики, создало бы благоприятные условия для фундаментальных основ и предотвратила бы возникшие в будущем противоречия и дублирование в их деятельности, а также в деятельности органов внутренних дел.

Анализируя и систематизируя содержание Закона о Полиции и ряда других нормативно-правовых актов Азербайджанской Республики в административной деятельности и прилегающей

к ней областях, с уклоном выявления более актуальных конституционных норм современности, предпочтительно включение отдельной главы конституционно-правовых основ административной деятель-

ности органов внутренних дел в Закон о Полиции Азербайджанской Республики.

Список использованной литературы:

- [1]. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая. Учебник. Издание третье, с изменениями и дополнениями / Под ред. доктора юр. наук, проф. А.П. Коренева. – М.: Московская академия МВД России, Центр юридической литературы «Щит», 20001.-309 с.
- [2].Ахмедов М.Б. Конституция Азербайджанской Республики – как основа уголовно-правовой охраны граждан от преступных посягательств. Учебное пособие. Баку,2004.-68 с.
- [3].Алиев Ш. М. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики Б.2000.736с.
- [4].Конституция Азербайджанской Республики. - На русском языке. Баку,«QANUN»,2009.60 с.
- [5]. Конституция Российской Федерации (с гимном России). - Москва: К65 Проспект. 2013.-32 с.
- [6].“Этика”. Учебник. / Под редакцией А.А. Гусейнова и Е.Л. Дубко- М. Гардарики, 2004г.-496с.
- [7]. Михалева Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ: Учеб. пособие. - М.:Юристь,1999.-352с.
- [8].Сравнительный анализ Конституций Государств участников СНГ (ответственный редактор. д.ю.н, профессор В.Г.Вишняков) Москва-2006.209с.
- [9]. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник.-3-е изд., перераб. и доп. - М.:Юристь.2003.-622с.
- [10]. İsmayilov İ. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyası və hüququnun əsasları. Azərb. dilində, Bakı, Qanun, 2002, 180 с
- [11]. [www. mia.gov.az](http://www.mia.gov.az). Закон о Полиции Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 года.
- [12].www.google.ru.oldvak.ed.gov.ru/common/img/.../AstapenkoPN.doc. Астапенко П.Н. «Конституционно-правовые основы деятельности полиции(милиции) Стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)» Специальность 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Москва – 2009.

Şahin Şükürov

“Daxili İşlər Orqanlarının inzibati fəaliyyətinin konstitusiya-hüquqi əsaslarından prioritetli olan Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının rolu və əhəmiyyəti”

Xülasə

Elmi məqalədə Azərbaycan Respublikası Daxili İşlər Orqanlarının inzibati fəaliyyətinin konstitusiya-hüquqi əsaslarının rolu və əhəmiyyəti açıqlanmışdır.

Azərbaycan Respublikası konstitusiya-hüquqi əsaslar sırasında Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının əvəzolunmaz yeri, vacibliyi və məqsədi göstərilmişdir. Elmi məqalədə Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının məzmununa əsasən icra hakimiyyətinə söykənərək daxili işlər orqanlarının inzibati fəaliyyətinin bir sıra hüquqi aspektləri araşdırılmışdır. Xüsusilə də daxili işlər orqanlarının fəaliyyətinin normayaradıcılıq forması müəyyən dərəcədə təhlil edilmişdir.

Shahin Shukurov

Role and the value of the Azerbaijan Republic Constitution as a priority of the constitutional-legal bases of administrative activities of internal affairs bodies

Summary

In the science article reveals role and the value of the constitutional-legal bases of administrative activities of internal affairs bodies of the Azerbaijan Republic. Among the constitutional legal framework shows an irreplaceable place the purpose and importance of the Constitution. In the science article on the basis of the content of the Constitution following the activities of the executive bodies in the article analyses some of the legal aspects of administrative activities of internal affairs bodies. In particular the form of norm-setting administrative activities were analyzed.

ELBAY NƏBIYEV

Bakı Dövlət Universiteti, Hüquq fakültəsi, Dövlət və hüquq nəzəriyyəsi və tarixi kafedrasının dosenti, h.ü.f.d.

KONSTITUSION NORMALAR ƏMƏLIYYAT-AXTARIŞ HÜQUQU MÜNASİBƏTLƏRİNİN HÜQUQİ ƏSASI KİMİ

Açar sözlər: əməliyyat-axtarış fəaliyyəti, əməliyyat-axtarış hüququ, insan hüquqları, insan azadlıqları, əməliyyat-axtarış hüquq münasibətləri, əməliyyat-axtarış qanunvericiliyi, subyektiv hüquq və vəzifələr.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное право, права человека, свободы человека, оперативно-розыскные правоотношения, оперативно-розыскное законодательство, субъективные права и обязанности.

Key words: operational-search activity, operational-search law, human rights, human liberties, operational-search legal relationships, operational-search legislation, subjective rights and duties.

Məqalədə əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin, bu fəaliyyət növü çərçivəsində həyata keçirilən əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinin cinayətkarlığa qarşı mübarizədə rolundan, həmin fəaliyyət üçün hüquqi baza qismində çıxış edən konstitusion normalardan, əməliyyat-axtarış qanunvericiliyindən, bu növ hüquq münasibətlərinin bəzi spesifik cəhətlərindən bəhs olunur. Burada əməliyyat-axtarış sferasına aid olan AR Konstitusiyasında öz təsbitini tapmış insan hüquq və azadlıqları, onların məhdudlaşdırılması, bununla əlaqədar qanunvericilikdə nəzərdə tutulmuş hallar, bu yönümdə əməliyyat-axtarış fəaliyyəti araşdırılır, Konstitusiyanın

müvafiq normalarının əməliyyat-axtarış hüquq münasibətləri üçün hüquqi zəmin qismində çıxış etməsi vurğulanır.

Sosial hadisə kimi hüququn spesifikliyi ictimai münasibətlərin qaydaya salınmasında, yəni normativliyində, hüquqi münasibətlərin məcburiliyində, onların məcburi qaydada həyata keçirilməsinin təmin edilməsində ifadə olunur. Normalar sistemi olan hüquq özündə qanunlarla (normalarla) yanaşı, həm də tənzimlədiyi ictimai münasibətlər sistemini (münasibət iştirakçılarının hüquq və vəzifələrini) əhatə edir.

Hüquqi tənzimlənmə ilə əhatə olunan sahələrdən biri əməliyyat-axtarış fəaliyyətidir (bundan sonra ƏAF). ƏAF cəmiyyət üçün sosial cəhətdən şərtləndirilən və faydalı olan hüquq mühafizə fəaliyyətinin mühüm bir növüdür. Bu fəaliyyət növü olmadan cinayətkarlığa qarşı mübarizəni təsəvvür etmək çətindir. Əməliyyat-axtarış qanunvericiliyi bu fəaliyyətin hüquqi əsasını təşkil edir. Həmin qanunvericilik vasitəsi ilə ƏAF-ın təşkili və həyata keçirilməsi zamanı yaranan hüquq münasibətləri nizamlanır.

Hüquq normaları, yəni əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinin iştirakçılarının konkret davranış qaydaları əməliyyat-axtarış hüququnun əsas elementi kimi çıxış edir. Əməliyyat-axtarış hüququnun tənzimləmə mexanizminin predmeti qismində ƏAF sferasında yaranan ictimai münasibətlər çıxış edir. Hüquq normaları əsasında yaranan bütün

bu münasibətlər hüquq münasibəti xarakteri daşıyır.

Bütün sahələrdə olduğu kimi, ƏAF sahəsində də Konstitusiyaya hüquqi baza qismində çıxış edir. Əsas Qanunda ümumi şəkildə ƏAF sferasına aid konstitusion xarakterli subyektiv hüquq və vəzifələrə rast gəlmək olar. ƏAF-ə aid konstitusion müddəaların həyata keçməsi mexanizmi əməliyyat-axtarış qanunvericiliyində öz təsbitini tapmış, eləcə də bu sferanı əhatə edən digər qanunvericilik aktlarında konkretləşdirilmiş və inkişaf etdirilmişdir. Əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinin formalaşması üçün hüquqi zəmin yaradan müvafiq qanunvericiliyin müddəalarının təhlili bu növ hüquq münasibətlərinin spesifik cəhətlərini üzə çıxarmağa imkan verir.

Həmin münasibətlərin təməlini AR-ın Konstitusiyasında təsbit olunmuş insan və vətəndaş hüquq və azadlıqları təşkil edir. Ə.Əliyevin qeyd etdiyi kimi, “hər bir dövlətin insan hüquqlarına hörmət və əməl etmək öhdəliyi bilavasitə müasir beynəlxalq hüququn əsas prinsiplərindən biri olan insan hüquqlarına hörmət etmək prinsipindən irəli gəlir” [7,66]. Bu da onu göstərir ki, müasir dövrdə demokratik və hüquqi dövlətlərdə insan hüquq və azadlıqları diqqət mərkəzində olan əsas strateji məsələlərdən biridir. AR Konstitusiyasının 12-ci maddəsindən də göründüyü kimi insan hüquqlarının və azadlıqlarının təmin edilməsi dövlətin ali məqsədidir.

Konstitusiyada əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinin əsas iştirakçılarının hüquq və azadlıqlarının əsas təminatları göstərilir. Onun bir sıra müddəaları ƏAF-a aid olmaqla tərəflərin qarşılıqlı hüquq və vəzifələrini müəyyən edir. Belə ki, Konsitusiyanın 26-cı maddəsində hər kəsin qanunla qadağan olunmayan üsul və vasitələrlə öz hüquqlarını və azadlıqlarını müdafiə etmək hüququ

nəzərdə tutulmuşdur ki, bu da “qanunla qadağan olunmayan hər şeyə icazə verilir” prinsipinin konkret ifadəsidir. Sonuncu isə Konsitusiyanın 71-ci maddəsinin IX hissəsində təsbit olunmuşdur.

Məlum olduğu kimi, insan və vətəndaş hüquqlarının və azadlıqlarının müdafiəsinin iki forması mövcuddur: məhkəmə müdafiəsi və inzibati-hüquqi müdafiəsi. İnsan və vətəndaş hüquqlarına və azadlıqlarına dövlət təminatının verilməsi, həmin hüquqlara və azadlıqlara əməl edilməsi və onların müdafiəsi sahəsində dövlətin bilavasitə öz vətəndaşları qarşısında olan vəzifələri ilə bağlıdır [4,82]. Bu da insan və vətəndaşların hüquq və azadlıqlarının təmin olunmasının dövlətin əsas vəzifələrindən biri olduğunu göstərir.

Hüquq və azadlıqların əsas təminatlarından biri ƏAF-ı həyata keçirən orqanların vəzifələridir. Konstitusiyada nəzərdə tutulmuş müddəalar bir tərəfdən insan və vətəndaşların hüquq və azadlıqlarından bəhs edir, digər tərəfdən hüquq mühafizə və xüsusi xidmət orqanlarının bu yönümdə fəaliyyətini müəyyən edir və obyektiv zərurətdən doğan müəyyən məhdudiyətlər müəyyən edir. Bu da təbiidir, çünki mütləq heç bir şey yoxdur. Hər şeyin həddi olduğu kimi insan hüquq və azadlıqlarının da öz sərhədləri var.

Qeyd edilən konstitusion müddəaların məzmunundan müvafiq dövlət qurumlarının vəzifələrini görmək olar. Bu vəzifələrə qanunvericilik çərçivəsində əməl olunmasına ciddi nəzarət olunur. İnsan və vətəndaşın hüquq və azadlıqlarının qorunması, birincisi, onun fikrincə və ona qarşı qeyri-qanuni əməliyyat-axtarış tədbirlərinin keçirilməsi şikayəti ilə; ikincisi, əməliyyat-axtarış fəaliyyətinə edilən idarə, prokuror və məhkəmə nəzarəti ilə təmin olunur [6,99].

Konstitusiyada təsbit olunmuş insan hüquq

və azadlıqlarına müəyyən məhdudiyyətlərin qoyulması cinayətkarlıqla mübarizə zərurətindən irəli gəlir. Belə məhdudiyyətləri Ümumdünya insan hüquqları Bəyannaməsinin 29-cu maddəsinin ikinci hissəsindən sezmək olar. Burada qeyd olunur ki, “Hər bir insan öz hüquq və azadlıqlarını həyata keçirərkən yalnız o məhdudiyyətlərə məruz qala bilər ki, onlar müstəsna olaraq başqalarının hüquq və azadlıqlarının lazımı qaydada tanınması və onlara hörmət edilməsinin təmin edilməsi və demokratik cəmiyyətdə əxlaq qaydalarının, ictimai asayişin və ümumi rifahın ədalətli tələblərinin ödənilməsi naminə qanunla müəyyən edilmişdir” [11]. Göstərilən, eləcə də aşağıda sadalanan müddələrdə bir tərəfdən insan hüquq və azadlıqlarının təsbiti, digər tərəfdən isə müəyyən hallarda (istisnalar göstərilməklə) onların məhdudlaşdırılması öz əksini tapmışdır.

Bu qəbildən olan müddəalar sırasında yaşamaq hüququnu (27-ci maddə), azadlıq hüququnu (28-ci maddə), təhlükəsiz yaşamaq hüququnu (31-ci maddə), şəxsi toxunulmazlıq hüququnu (32-ci maddə), mənzil toxunulmazlığı hüququnu (33-cü maddə) qeyd etmək lazımdır. Belə ki, Konstitusiyanın 27-ci maddəsində hər kəsin yaşamaq hüququ göstərilir və eyni zamanda bildirilir ki, müəyyən hallar istisna olmaqla (qanunda nəzərdə tutulmuş zəruri müdafiə, son zərurət, cinayətkarın yaxalanması və tutulması, həbsdə olanın həbs yerindən qaçmasının qarşısının alınması, dövlətə qarşı qiyamın yatırılması və ya dövlət çevrilişinin qarşısının alınması, ölkəyə silahlı basqın edilməsi halları) insana qarşı silah işlədilməsinə yol verilmir. Göründüyü kimi, göstərilən istisnalar cinayətkarlıqla mübarizə zərurətindən doğur və təhlükəsizliyin təmin olunmasına yönəlmişdir. Sadalanan istisna hallar ƏAF sferasına, onun vəzifələrinin

müəyyən edilməsinə birbaşa aiddir. Məs. həbsdə olanın həbs yerindən qaçmasının qarşısının alınması kimi istisna hal ƏAF-ın vəzifələrindən biri olan məhkəmə, istintaq və təhqiqat orqanlarından gizlənen, cəza çəkməkdən boyun qaçıran şəxslərin axtarılması vəzifəsində öz konkret ifadəsini tapır.

Bu da onu göstərir ki, Konstitusiyanın müddəaları əməliyyat-axtarış qanunvericiliyi üçün hüquqi baza rolunu oynayır. Burada hüquq və azadlıqların məhkəmə təminatı nəzərdə tutulur və göstərilir ki, “Hər kəs dövlət orqanlarının... vəzifəli şəxslərin qərar və hərəkətlərindən (yaxud hərəkətsizliyindən) məhkəməyə şikayət edə bilər” (60-cı mad.). Konstitusiyanın bu müddəası “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” Qanunda öz konkret ifadəsini tapır. Belə ki, həmin Qanunun 4-cü maddəsinin IV hissəsində şəxsin hüquqlarının təminatından bəhs olunur. Burada göstərilir ki, “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti subyektinin hərəkəti nəticəsində hüquq və azadlıqları pozulmuş hər bir şəxs həmin əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin subyektinin tabe olduğu yuxarı orqanın rəhbərinə, prokurora və ya məhkəməyə şikayət etmək hüququna malikdir”. Göründüyü kimi, bu müddəa, birincisi, ƏAF-ın subyektlərini mövcud qanunvericilik çərçivəsində öz xidməti vəzifələrinin yerinə yetirilməsinə yönəldir, ikincisi, əməliyyat-axtarış hüquq münasibətləri çərçivəsində tərəflərin subyektiv hüquq və vəzifələrini müəyyən edir. Konstitusiyanın göstərilən müddəası, bir tərəfdən, insanların ümdə hüququnu – yaşamaq hüququnu təsbit edir, digər tərəfdən isə göstərilən orqanların bu yönümdə vəzifələrini müəyyən edir.

Konstitusiyanın 28-ci maddəsində bir tərəfdən azadlıq hüququ göstərilir, digər tərəfdən onun qanunla nəzərdə tutulmuş qaydada (tutulma, həbsəalma və ya

azadlıqdan məhrum etmə yolu ilə məhdudlaşdırıla bilməsindən bəhs olunur. Məlum olduğu kimi, azadlıq və məsuliyyət fəlsəfi kateqoriyalardır və qanunvericilikdə öz konkret ifadəsini tapır. Bu konstitusion müddəə “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” Qanunda inkişaf etdirilmişdir. Belə ki, göstərilən Qanunun 4-cü mad. II hissəsinə əsasən “əməliyyat-axtarış tədbirlərinin tətbiqi ilə bağlı insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının müvəqqəti məhdudlaşdırılmasına yalnız bu Qanunla müəyyən edilmiş qaydada cinayətlərin qarşısının alınması, onların açılması, məhkəmə, istintaq və ya təhqiqat orqanlarından gizlənən, cəza çəkməkdən boyun qaçıran şəxslərin, itkin düşənlərin axtarışı zamanı yol verilə bilər”.

İnsan hüquq və azadlıqlarına müəyyən məhdudlaşdırma qoyulması əsasən cinayətlərin törədilməsi ilə bağlıdır. Bu da onların müəyyən edilməsi, axtarılıb tapılması üçün ƏAF-ı şərtləndirir. Sonuncu isə əməliyyat-axtarış hüquq münasibətləri çərçivəsində həyata keçirilir. Bununla da həmin şəxslərin cəmiyyətdən təcrid olunması təmin olunur. Göründüyü kimi, cinayətkarın saxlanılması (tutulması) institutu cəmiyyət üçün faydalı funksiyaları yerinə yetirir və CM-nin 37-ci maddəsinə tap uyğundur. Bu institut ədalət mühakiməsinin vəzifələrinin yerinə yetirilməsinə xidmət edir, cinayətin açılmasına şərait yaradır. Cinayətkar saxlanılarkən onun hüquq mühafizə orqanlarına gətirilməsindən boyun qaçırmamağa cəhd etməsinin qarşısını almaq üçün zəruri və yetərli zərərin ona məcburən vurulması zamanı da bu faydalılıq azalmır.

İnsan hüquqlarından danışarkən şəxsiyyətin təhlükəsizliyi məsələsini xüsusi olaraq vurğulamaq lazımdır. Çünki təhlükəsizlik təmin olunmadan heç bir insan hüquqlarından söhbət belə gedə bilməz. İnsan hüquqlarına hörmət şəxsiyyətin təhlükəsizliyi

əsasında formalaşmışdır [7,75]. Konstitusiyanın 31-ci maddəsi, bir tərəfdən hər kəsin təhlükəsiz yaşamaq hüququnu, digər tərəfdən qanunla nəzərdə tutulmuş hallar istisna olmaqla, şəxsin həyatına, fiziki və mənəvi sağlamlığına, mülkiyyətinə, mənzilinə qəsd edilməsinin, ona qarşı zor işlədilməsinin qadağan olunmasını göstərir. Təhlükəsiz yaşamaq hüququ şəxsin azadlığının və toxunulmazlığının hər cür qanunazidd qəsdlərdən qorunmasının və hüquqazidd əməlləri törətməkdə təqsirli bilinən şəxslərin cəzalandırılmasının dövlət tərəfindən təmin edilməsini nəzərdə tutur [4,101]. Həmin məsələyə Z. Əsgərovun belə yanaşması da maraqlıdır ki, təhlükəsiz yaşamaq da mahiyyətə toxunulmazlıqdır. Təhlükəsiz yaşamanın məzmununu qanunla lazım olan hallarda şəxsin toxunulmazlığının daha ciddi şəkildə və aktiv dövlət müdaxiləsi ilə təmin edilməsini bildirir [8,155].

“Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” Qanunun ƏAF-ın subyektlərinin vəzifələrinin sadalandığı 6-cı maddəsində (1-ci bənddə) göstərilir ki, bu orqanlar “insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının, fiziki və hüquqi şəxslərin qanunla müdafiə olunan mənafələrinin, ictimai və dövlət təhlükəsizliyinin qorunması üçün öz səlahiyyətləri daxilində bütün qanuni tədbirləri” görməlidir.

Konstitusiyanın 32-ci maddəsi hər kəsin şəxsi toxunulmazlıq hüququnu nəzərdə tutur. Hüquq ədəbiyyatında aksiom səciyyəsi kəsb etmiş belə bir fikir vurğulanır ki, hər bir vətəndaş şəxsiyyət olaraq dövlətə və hüquqa münasibətdə mənsub olduğu dövlətlə hüquqi əlaqədədir [13,222]. Onun malik olduğu hüquqlar isə toxunulmazdır. Toxunulmazlıq, ümumiyyətlə, subyektin və ona aid olan xüsusiyyətlərin elə vəziyyətini ifadə edir ki, bu zaman onun fəaliyyəti üçün kənar müdaxilə istisna olunur və fərd normal fəaliyyət göstərə bilər [8,155]. Həmin

maddənin II bəndinə görə “Hər kəsin şəxsi və ailə həyatının sirtini saxlamaq hüququ vardır. Qanunla nəzərdə tutulan hallardan başqa şəxsi və ailə həyatına müdaxilə etmək qadağandır. Hər kəsin şəxsi və ailə həyatına qanunsuz müdaxilədən müdafiə hüququ vardır.” Z.Əsgərovun qeyd etdiyi kimi, “... nəzərə almaq lazımdır ki, sirt sadəcə olaraq şəxsi həyatla bağlı deyil, daha geniş anlayışdır və zəruri hallarda fəaliyyət və ya başqa hüquqi məsələ ilə bağlı cəmiyyətə informasiya ötürülməsinin qarşısını alan xüsusi hüquqi institutdur” [8,159].

Göründüyü kimi, söhbət yalnız qanunsuz müdaxilədən gedir. Qeyd olunan müddəalar bir tərəfdən dövlətin, onun hüquq mühafizə və xüsusi xidmət orqanlarının, digər tərəfdən insanların müvafiq hüquq və vəzifələrini özündə ehtiva edir. Şəxsi toxunulmazlıqla bağlı subyektiv hüquq qarşı tərəfin aşağıdakı subyektiv vəzifəsinə uyğundur. Belə ki, Konstitusiyanın 32-ci maddəsinin III hissəsində göstərilir ki, öz razılığı olmadan kimsənin şəxsi həyatı haqqında məlumatın toplanılmasına, saxlanılmasına, istifadəsinə və yayılmasına yol verilmir. Qanunla müəyyən edilmiş hallar istisna olmaqla, heç kəs onun xəbəri olmadan və ya etirazına baxmadan izlənilə bilməz, video və foto çəkilişinə, səs yazısına və digər bu cür hərəkətlərə məruz qoyula bilməz.

“İnformasiya əldə etmək haqqında” AR Qanununun 8.2-ci maddəsində həmin konstitusional müddəa bir qədər də konkretləşdirilir. Burada göstərilir ki, “əməliyyat-axtarış tədbirləri keçirilən hallar istisna olmaqla, şəxsin onun xəbəri olmadan və ya etirazına baxmayaraq kütləvi informasiya vasitələrinin nümayəndələri və başqa şəxslər tərəfindən izlənilməsi, video və foto çəkilişinə, səs yazısına, və digər bu cür hərəkətlərə məruz qalması qanunvericiliklə müəyyən edilmiş məsuliyyətə səbəb olur.”

Şəxsin toxunulmazlıq hüququnun mühafizəsi üçün təminatlar nəzərdə tutulduğu həmin müddədə ümumi qaydada tərəflər arasında hüquqi əlaqənin əsası qoyulur.

Dövlət sirtinin, eləcə də vətəndaşların şəxsi və ailə həyatına aid sirlərin qorunması digər bir normativ hüquqi aktda – “Vətəndaşların müraciətləri haqqında” AR Qanununda da yer almışdır. Qanunun 12.5-ci maddəsinə görə “müraciətlərə baxılması zamanı müraciətə baxan subyektlərin və onların vəzifəli şəxslərinin müraciətdəki məsələlərin həlli ilə əlaqədar əldə olunmuş məlumatları, o cümlədən dövlət sirtini təşkil edən və qanunla qorunan digər məlumatları yayması (yazılı müraciətin aidiyyəti üzrə baxılması üçün digər müraciətə baxan subyektlərə və onların vəzifəli şəxslərinə göndərilməsi istisna olmaqla), eləcə də müraciətin həlli ilə bağlı olmayan fərdi məlumatların, o cümlədən xüsusi kateqoriyalı fərdi məlumatların toplanılması, saxlanılması, istifadəsi və yayılması qadağandır”

Konstitusiyanın 32-ci maddəsinin IV hissəsi hər kəsin yazışma, telefon danışıqları, poçt, teleqraf və digər rabitə vasitələri ilə ötürülən məlumatın sirtini saxlamaq hüququna dövlətin təminat verməsindən bəhs edir. Lakin dərhal istisna hal göstərilir: “Bu hüquq qanunla nəzərdə tutulmuş qaydada cinayətin qarşısını almaqdan və ya cinayət işinin istintaqı zamanı həqiqəti özə çıxarmaqdan ötrü məhdudlaşdırıla bilər.” Bu cür istisna halların ƏAF-a birbaşa aidiyyəti vardır, çünki şəxsi məlumatların toplanılması, saxlanılması, insanların güdülməsi və b. bu kimi hərəkətlər məhz ƏAF-ın subyektlərinin səlahiyyətində olan məsələlərdir və əməliyyat-axtarış tədbirləri (bundan sonra ƏAT) ilə əhatə olunur

Həmin maddənin V hissəsində də oxşar yanaşma müşahidə olunur. Burada qeyd olunur ki, “qanunla müəyyən edilmiş hallar

istisna olmaqla, hər kəs onun haqqında toplanmış məlumatlarla tanış ola bilər. Hər kəsin onun barəsində toplanmış və həqiqətə uyğun olmayan, tam olmayan, habelə qanunun tələbləri pozulmaqla əldə edilmiş məlumatların düzəldilməsini və ya çıxarılmasını (ləğv edilməsini) tələb etmək hüququ vardır.” Şəxsin bu hüququ qarşı tərəfin müvafiq vəzifəsini şərtləndirir.

Konstitusiyanın mənzil toxunulmazlığı hüququnun təsbit olunduğu 33-cü maddəsində istisna hal göstərilir: “qanunla müəyyən edilmiş hallar və ya məhkəmə qərarı istisna olmaqla mənzildə yaşayanların iradəsi ziddinə heç kəs mənzilə daxil ola bilməz.” Bu cür istisna hallar cinayətkarlıqla mübarizə zərurətindən irəli gəlir və təbii olaraq müvafiq qanunvericiliklə nəzərdə tutulur.

Bununla əlaqədar Azərbaycan Respublikasının “Terrorçuluğa qarşı mübarizə haqqında” Qanununun 9-cu maddəsinin 4-cü bəndinə nəzər salmaq. Burada göstərilir ki, terror əleyhinə aparılan əməliyyat zonasında bu əməliyyatı aparan şəxslərin terror aksiyalarının qarşısının alınması, bu aksiyaların həyata keçirilməsində şübhə edilən şəxslərin tutulması zamanı, əgər bu hərəkətlərin gecikdirilməsi insanların həyatını və sağlamlığını real təhlükəyə məruz qoyursa, Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi ilə müəyyən edilmiş qaydada vətəndaşların mənzilinə və digər yaşayış yerlərinə, onların torpaq sahələrinə, habelə mülkiyyət formasından asılı olmayaraq təşkilatların, ictimai birliklərin ərazilərinə, binalarına, nəqliyyat vasitələrinə girmək hüquqları vardır.

Oxşar müddəaya “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” Qanunda da rast gəlinir. Belə ki, qanunun 10-cu maddəsinin 1-ci hissəsinin 8-ci bəndinə görə ƏAF-ın subyektləri həmin Qanunla müəyyən edilmiş qaydada əməliyyat-axtarış tədbirləri

çərçivəsində “binalara, o cümlədən yaşayış binalarına, habelə digər qapalı tikililərə, qurğulara, torpaq sahələrinə daxil olma və baxış keçirmə” hüququna malikdirlər.

Konstitusiyanın müəyyən etdiyi və hüquq mühafizə və xüsusi xidmət orqanlarına aiddiyəti olan normalardan biri də 63-cü maddənin IV hissəsində nəzərdə tutulmuş “Ədalət mühakiməsi həyata keçirilərkən qanunu pozmaqla əldə edilmiş sübutlardan istifadə oluna bilməz” müddəasıdır. Həmin konstitusiya müddəa “ƏAF haqqında” Qanunun 16-cı maddəsində bir qədər də konkretləşdirilmişdir. Qanunun 1-ci hissəsində bildirilir ki, “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti nəticəsində əldə edilmiş materiallar bu qanuna müvafiq əldə edildikdə və Azərbaycan Respublikasının Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin tələblərinə uyğun təqdim edildikdə və yoxlanıldıqda, cinayət təqibi üzrə sübut kimi qəbul edilə bilər.” Qanunun 4-cü maddəsinin 2-ci hissəsində isə göstərilir ki, “Əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin həyata keçirilməsi zamanı Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasında nəzərdə tutulmuş insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarını, hüquqi şəxslərin qanuni mənafelərini pozmaq qadağandır”.

Konstitusiyanın 66-cı maddəsində təsbitlənmiş və haqqında danışılan münasibətlərin xarakterinin özündə ehtiva edən müddədə göstərildiyi kimi, “heç kəs özünə, arvadına (ərinə), övladlarına, valideynlərinə, qardaşına, bacısına qarşı ifadə verməyə məcbur edilə bilməz.” Bu isə qarşı tərəfin dindirdiyi şəxsi bu yönümdə ifadə verməyə məcbur edə bilməməsi anlamını ifadə edir.

Konstitusiyanın 67-ci maddəsi tutulan, həbsə alınan və cinayət törədilməsində təqsirləndirilən şəxslərin hüquqlarından bəhs edərək göstərir ki, “Səlahiyyətli dövlət orqanlarının tutduğu, həbsə aldığı, cinayət

törədilməsində təqsirləndirdiyi hər bir şəxsə dərhal hüquqları bildirilir və tutulmasının, həbsə alınmasının və cinayət məsuliyyətinə cəlb edilməsinin səbəbləri izah edilir.” Bu müddəa da qarşı tərəfin müvafiq vəzifələrini doğrur.

Yuxarıda göstərilən konstitusion normalardan dövlət orqanlarının (ƏAF-ın subyektlərinin) və insanların qarşılıqlı hüquq və vəzifələrini görmək olar. Hüquq münasibətləri ƏAF-ın subyektlərinin və vətəndaşların konstitusion hüquqlarından yararır, vəzifə daşıyan subyektlərlə dövlət arasında (konstitusion vəzifələrdən irəli gələn hüquq münasibətləri) münasibətlərdən irəli gəlir.

Göründüyü kimi, Konstitusiyanın yuxarıda

sadalanan əməliyyat-axtarış hüquq münasibətləri üçün hüquqi zəmin yaradan müddəalarında, bir tərəfdən vətəndaşların hüquq və azadlıqları təsbit olunur və onlara dövlət təminat verir, digər tərəfdən isə qanunla müəyyən olunmuş hallarda müəyyən məhdudiyətlər qoyulur. Əsas Qanun müstəvisində tərəflər arasında birbaşa və ya dolayı yolla əməliyyat-axtarış hüquq münasibətlərinə aid mühüm məsələlərə toxunulur, bu hüquq münasibətləri iştirakçılarının subyektiv hüquq və vəzifələri müəyyən edilir,eyni zamanda bu yönümdə müəyyən məhdudiyətlər və qadağalar nəzərdə tutulur.

ƏDƏBİYYAT SİYAHISI

1. AR Konstitusiyası. Bakı, 2009.
2. AR Cinayət Məcəlləsi. Bakı: Hüquq ədəbiyyatı nəşriyyatı, 2000.
3. AR Cinayət Prosesual Məcəlləsi. Bakı: Qanun nəşriyyatı, 2011.
4. Cəfərov İ.M. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının şərhli. Bakı: Hüquq ədəbiyyatı nəşriyyatı, 2004, 552 s.
5. “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti” haqqında AR Qanunu // www.e.qanun.az
6. Əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin əsasları. Mühazirələr toplusu. Dərs vəsaiti. Bakı: Mütərcim, 2008, 372 s.
7. Əliyev Ə.İ. İnsan hüquqları. Dərslik. Bakı: Hüquq ədəbiyyatı nəşriyyatı, 2014, 507 s.
8. Əsgərov Z.A. Konstitusiya hüququ. Dərslik. Bakı, 2011, yenidən işlənmiş və əlavələr edilmiş ikinci nəşri, 760 s.
9. “İnformasiya əldə etmək haqqında” AR Qanunu // www.e.qanun.az
10. “Terrorçuluğa qarşı mübarizə haqqında” AR Qanunu // www.e.qanun.az
11. Ümumdünya insan hüquqları bəyannaməsi
https://az.wikipedia.org/wiki/%C3%9Cmumd%C3%BCnya_insan_h%C3%BCquqlar%C4%B1_b%C9%99yannam%C9%99si
12. “Vətəndaşların müraciətləri haqqında” AR Qanunu // www.e.qanun.az
13. Проблемы теории государства и права. Учебник. Под. ред С.С. Алексеева. М.: Юр.лит., 1979, 392 с.

Эльбай Набиев

**Доцент кафедры «Теории и истории государства и права», юридического факультета
Бакинского Государственного Университета**

**Конституционные нормы как правовая основа оперативно-розыскных
правоотношений**

Резюме

Статья посвящена роли оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью, в рамках которой осуществляются оперативно-розыскные правоотношения, конституционным нормам, выступающим в качестве юридической базы для этой сферы деятельности, оперативно-розыскному законодательству и некоторым специфическим чертам этого рода правоотношений. В контексте данной статьи раскрываются права и свободы человека, закрепленные в Конституции АР, их ограничения, предусмотренные в Конституции и соответствующим законодательством, вытекающим из необходимости борьбы с преступностью. Отмечается, что соответствующие конституционные положения являются правовой предпосылкой возникновения оперативно-розыскных правоотношений.

Elbay Nabiyev

**Baku State university, Law faculty,
Associate professor of the Chair of the Theory of State and Law, Ph.D. in Law**

Constitutional norms as a juridical basis of operational-search legal relationships

Summary

This article is devoted to the role of executive-inquiry activities in struggle against criminality and in this limits are realized the executive-inquiry legal relations according to the constitutional norms, appearing as the juridical base for this sphere of activity, executive-inquiry legislation and other specific characters of legal relations. In the context of this article man's rights and freedom are revealed and consolidated by the constitution of the Azerbaijan Republic. Their limits providing by constitution and corresponding legislation following the necessity of struggle with criminality. Underlined that corresponding constitutional regulations are the juridical pre-condition of arising executive-inquiry legal relations.

HƏCƏR QURBANOVA

Məhkəmə Ekspertizası Mərkəzinin dissertantı

KONSTITUSIYA VƏ CİNAYƏT ƏDALƏT MÜHAKİMƏ İCRAATLARININ KONSTITUSION PRİNSIPLƏRİ

Açar sözlər: Konstitusiya Məhkəməsi, cinayət mühakimə icraatı, konstitusiya prinsiplər, Konstitusiya və cinayət mühakimə icraatının məqsəd və vəzifələri, prinsipləri

Ключевые слова: Конституционный Суд, уголовное судопроизводство, конституционные принципы, цели и задачи конституционного и уголовного судопроизводства.

Key words: Constitutional Court, criminal proceedings, constitutional principles, purpose and duties of Constitution and criminal proceedings.

Məlum olduğu kimi, «prinsip» (lat.principium – əsas, ilk başlanğıc) – davranışın ilkin başlanğıcı, rəhbər ideyası, əsas qaydası deməkdir. F.M.Abbasova yazır: «Prinsip» termini mənaca latın sözü olub (principium – əsas, rəhbər müddə), hər hansı nəzəriyyənin və ya elmin əsas və başlanğıc müddəaları anlamını verir» (1, s.82).

Fəlsəfi-məntiqi mənada prinsip - sistemin, hər hansı bir müddəanın ümumiləşdirilməsindən və mövcud prinsipin abstraktlaşdırılmış olduğu sahənin bütün hadisələrinə şamil edilməsindən ibarət olan mərkəzi anlayışdır, əsasdır (2, s.343).

Beləliklə, prinsiplər – ədalət mühakimə icraatının mahiyyət və məzmununu müəyyən edən və hüquq normalarında əksini tapan, hüquq norması formasında təsbit edilən rəhbəredici ideyalar, əsas müddəalar,

ilkin şərtlərdir.

Ədalət mühakiməsi icraatında prinsiplərin əhəmiyyəti çoxplanlıdır. Belə ki, prosesual qanunvericiliyin əsası qismində çıxış edən ən ümumi xarakterli hüquq normaları sistemindən ibarət olan prinsiplər konstitusiya, cinayət, mülki və ya inzibati prosesin mahiyyətini, xarakterik cəhətlərini ifadə edir(3, s.33-34).

Ədalət mühakiməsinə əksər prinsiplərinin təsiri bütün ədalət mühakimə icraatı növlərinə yayılır, bununla belə onlardan hər birinin özünün təkrarlanmayan prinsiplər sistemi vardır. Bu, eyni prinsiplərin məzmununun səciyyəvi xüsusiyyətləri, bu və ya digər məhkəmə icraatı növünü xarakterizə edən bir sıra spesifik başlanğıcların, ilkin şərtlərin olması ilə təmin edilir.

23 dekabr 2003-cü ildə Azərbaycan Respublikası Prezidenti İlham Əliyev tərəfindən təsdiq edilmiş, 8 yanvar 2004-cü il tarixdən qüvvəyə minmiş «Konstitusiya Məhkəməsi haqqında» Azərbaycan Respublikası Qanununun 1-ci maddəsinə uyğun olaraq Azərbaycan Respublikasının Konstitusiya Məhkəməsi Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası ilə onun səlahiyyətlərinə aid edilmiş məsələlərə dair ali konstitusiya ədalət mühakiməsi orqanıdır. Konstitusiya Məhkəməsinin əsas məqsədləri Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının aliliyini təmin etmək, hər kəsin əsas hüquq və azadlıqlarını müdafiə etməkdir.

«Konstitusiya Məhkəməsi haqqında»

Qanunun 4-cü maddəsinə görə Konstitusiya Məhkəməsinin fəaliyyəti Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının aliliyi, müstəqillik, kollegiallıq və açıqlıq prinsipləri əsasında qurulur. Qeyd edək ki, bu Qanunun 4-cü fəslində (25-30-cu maddələr) Konstitusiya Məhkəməsində həyata keçirilən icraatın əsas prinsipləri ilə bağlı müddəalar təsbit edilmişdir. Göstərilmişdir ki, Konstitusiya Məhkəməsində həyata keçirilən icraat zamanı hakimlər işlərə müstəqil, qərəzsiz və ədalətlə baxırlar (maddə 25). Konstitusiya ədalət mühakiməsi hər kəsin qanun və Konstitusiya Məhkəməsi qarşısında bərabərliyi əsasında həyata keçirilir (maddə 26). Konstitusiya Məhkəməsində işlərin icraatı açıq aparılır. İşə qapalı iclasda baxılmasına yalnız o halda icazə verilir ki, Konstitusiya Məhkəməsi açıq icraatın dövlət peşə və kommertiya sirtinin açılmasına səbəb olacağını güman edir, vətəndaşların şəxsi və ya ailə həyatının məxfiliyini qorumaq zərurətini müəyyən edir (maddə 27.1). Konstitusiya Məhkəmə icraatı tərəflərin hüquq bərabərliyi və çəkişməsi prinsipləri əsasında həyata keçirilir (maddə 28.1). Konstitusiya Məhkəməsi konstitusiya məhkəmə icraatında tərəflərin sübutları və dəlilləri ilə bağlı deyildir və baxılan məsələlərin tam araşdırılmasına nail olmalıdır (maddə 28.2). Konstitusiya Məhkəməsində həyata keçirilən icraat Azərbaycan Respublikasının dövlət dilində aparılır (maddə 29.1). Konstitusiya Məhkəməsində baxılan işin iştirakçısı olan və icraatın aparıldığı dili bilməyən şəxslərə işin bütün materiallarının onların bildiyi dilə tərcüməsi və Konstitusiya Məhkəməsinin iclaslarında ana dilində çıxış etməsi təmin olunur (maddə 29.2). Konstitusiya Məhkəməsində işlərə kollegial qaydada baxılır (maddə 30).

Qanunda təsbit edilmiş prinsiplərlə yanaşı, N.V.Vitruk, S.E.Nesmeyanova, İ.S.Nazarova və digərləri konstitusiya mühakimə icraatı prinsiplərinə qanunçuluq, konstitusiyanın aliliyi və birbaşa qüvvəsi; məhkəmə baxışının

tamlığı, hərtərəfliliyi və obyektivliyi; insan hüquq və azadlıqlarının üstünlüyü; sübutların tədqiqində bilavasitəlik; ədalət mühakiməsinin əlçatanlığı; dispoziitivlik, prosesual qənaət; ədalət mühakiməsinin yalnız məhkəmə tərəfindən həyata keçirilməsi və digərlərini aid edirlər(5, s.330; 6, s.104-120, 7, s.32).

Konstitusiya məhkəmə icraatının prinsiplərinin tərkibini müəyyən etmək üçün birincisi, onları hüquqi şüurun prinsip və ideyalarından; ikincisi, adi hüquq normalarından; üçüncüsü, hüququn və məhkəmə prosesinin ümumi xüsusiyyətləri və əlamətlərindən (təxirəsalınmazlıq, mərhələlik və s.) fərqləndirmək lazımdır. Hüquqi şüurun ideyalarından fərqli olaraq prinsiplər normativ olaraq təsbit edilmişdir və deməli məcburilik xassəsinin daşıyıcısıdır. Prinsiplər adi hüquq normalarından əhəmiyyətlik dərəcəsi, abstrakt məzmunu, təsir sahəsinin universallığı, qanunvericinin mövqeyi ilə deyil, xeyli dərəcədə obyektiv amillərlə şərtlənməsi ilə fərqlənirlər.

E.H.Nəsirov və A.V.Əyyubov bunun bağlı qeyd edirlər ki, «norma davranış qaydasıdır, prinsip isə rəhbər ideyadır. Daha dəqiq desək, hüquq norması rəsmi müəyyən olunan, ictimai münasibətləri tənzim edən, dövlət məcburetməsi ilə təmin olunan ümumməcburi xarakterli davranış qaydasıdır. Hüququn prinsipi dedikdə isə hüququn formalaşması, inkişafı və tətbiqi prosesindəki əsas ideyalar, ilkin müddəalar və rəhbər başlanğıclar başa düşülür. İkincisi, norma prinsipdən fərqli olaraq konkret işin həll olunması yolunu müəyyən edir və normalar arasında ziddiyyət olarsa, onlardan biri etibarsız sayılır. Daha doğrusu normalar arasında ziddiyyət yarandığı təqdirdə, normaların iyerarxiyasına əsasən biri üstün götürülür, digəri isə qüvvədən düşür. Qeyd olunan məsələ Roma hüququndan hazırki dövrümüzə kimi gəlib çatan hüququn ümumi prinsipləri əsasında tənzim olunur və həmin prinsiplər bütün hüquq sahələrinə sirayət edir»(8, s.39).

Məhkəmə baxışı üçün xas olan ümumi başlanğıclardan prinsiplər onunla fərqlənirlər ki, onlar cəmiyyətin əsas dəyərlərini, hüquqi şüurun başlıca ideyalarını ifadə edirlər. Bundan başqa, prinsiplər konkretləşdirici normalar olmadıqda da ictimai münasibətləri bilavasitə tənzimləmək iqtidarındadırlar (4).

S.E.Nesmeyanova, konstitusiya məhkəmə icraatının prinsiplərinin üç səviyyəsini fərqləndirir: 1)dövləti xarakterizə edən fundamental prinsiplər; 2)məhkəmə hakimiyyətinin təşkili və fəaliyyətinin prinsipləri; 3)konstitusiya məhkəmə icraatının spesifikasiyasını xarakterizə edən prinsiplər (6, s.102).

Eyni zamanda konstitusiya məhkəmə icraatının bütün prinsipləri sahələrarası əhəmiyyət daşıyır. Ona görə də yalnız iki səviyyəli prinsipləri ayırmaq məntiqli baxımdan daha düzgün hesab edilməlidir.

Birinci səviyyəni ümumhüquqi prinsiplər təşkil edir. Onların sırasında Konstitusiya Məhkəməsində icraatın əsas Qanuna – Konstitusiyaya uyğun olaraq həyata keçirilməsində ifadə olunan konstitusiya qanunçuluq prinsipi; tək-cə tərəflərin hüquq bərabərliyində deyil, həm də daha geniş məzmunlu malik hər kəsin qanun və məhkəmə qarşısında bərabərliyi prinsipi qeyd oluna bilər. Konstitusiya Məhkəmə icraatında hansı keyfiyyətdə çıxış etməsindən (tərəflər, şahid, ekspert və s.), proses iştirakçılığının cinsindən, irqindən, milliyyətindən, mənşəyindən və s. asılı olmayaraq onlar arasında heç bir fərq qoymamalıdır.

Məlum olduğu kimi, insan hüquq və azadlıqlarının müdafiəsi ədalət mühakimə icraatının istənilən növünün, o cümlədən konstitusiya məhkəmə icraatının əsas məqsədlərindən biridir. Lakin konstitusiya məhkəmə icraatı gedişində insan hüquq və azadlıqlarının məhdudlaşdırılmasına yol verilmədiyinə görə burada humanizm prinsipinin əhəmiyyəti cinayət prosesində olduğu kimi o qədər də yüksək deyildir. Halbuki, cinayət mühakimə icraatı sahəsində humanizm prinsipi böyük əhəmiyyət kəsb edir. Belə ki,

məlum olduğu kimi, cinayət prosesində insan hüquq və azadlıqlarını əhəmiyyətli dərəcədə məhdudlaşdıran bir sıra prosessual məcburiyyət tədbirləri tətbiq oluna bilər.

Konstitusiya məhkəmə icraatında demokratizm və humanizm prinsipi dolaylı təzahür edərək tərəflərin hüquqlarının bərabərliyində, prosesin çəkişmə xarakteri daşmasında, məhkəmə baxışının açıqlığı, hərtərəfliliyi və qərəzsizliyi, ədalətliyi prinsiplərdə ifadə olunur.

İkinci səviyyə, məhkəmə prosesini xarakterizə edən sahələrarası prinsiplərlə təmin olunur. N.Raykova qeyd edir ki, «Konstitusiya Məhkəməsi haqqında» Qanunda təsbit olunmuş prinsiplərlə yanaşı, onlara aid edilə bilənlər: konstitusiya məhkəmə icraatı predmeti olan hüquqi problemin tam, hərtərəfli və obyektiv araşdırılması parılması prinsipi; konstitusiya şikayət institutunda realizə olunan konstitusiya ədalət mühakiməsinin əlçatanlığı prinsipi və s.(4).

Ümumi qaydaya əsasən, Konstitusiya Məhkəməsi faktiki halları müəyyən etmədiyindən, konstitusiya məhkəmə icraatı üçün məhkəmə baxışının bilavasitəliyi prinsipi xarakterik deyildir. Bu xüsusiyyət çəkişmə və məhkəmə baxışının tamlığı və hərtərəfliyi prinsiplərinin təsirini zəiflədir.

Konstitusiya ədalət mühakimə icraatı çərçivəsində həll edilən mübahisələrin hüquqi, siyasi və sosial əhəmiyyəti işlərə müstəsna olaraq kollegial baxılmasını, hakimlərin müstəqilliyinin təmininin xüsusi əhəmiyyətini, Konstitusiya Məhkəməsində işlərin icraatının açıq aparılmasını şərtləndirir.

Konstitusiya ədalət mühakimə icraatının prinsipləri sırasında hüquqi müəyyənlik prinsipi də göstərilə bilər. Z.Əsgərov bununla bağlı qeyd edir ki, «hüquq elmində və təcrübəsində birmənalı qəbul olunmuşdur ki, hüquqi müəyyənlik prinsipi hüquqi dövlətin əsas elementlərindən biridir. İnsan hüquqları üzrə Avropa Məhkəməsi bir sıra qərarlarında hüquqi müəyyənlik prinsipini məhz bu cür səciyyələndirmişdir. Eynilə,

Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyaya Məhkəməsi dəfələrlə bəyan etmişdir ki, hüquqi müəyyənlik prinsipi hüququn aliliyinin əsas xüsusiyyətlərindən biri kimi çıxış edir. Diqqətəlayiq haldır ki, hüquqi müəyyənlik prinsipi Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyində birbaşa olmasa da öz əksini tapmışdır və məhkəmə orqanları çoxsaylı qərarlarında bu mühüm prinsipə istinad etmişlər». Hüquqi müəyyənlik prinsipinin digərləri ilə, xüsusən qanunçuluq prinsipi ilə sıx bağlılığını qeyd edərək müəllif xüsusi olaraq vurğulayır ki «hüquqi müəyyənliyə dair tələblər hüququn aliliyi, normativ-hüquqi aktların hüquqa və haqq-ədalətə (bərabər mənafelərə bərabər münasibətə) əsaslanmasına dair konstitusiyaya prinsiplərindən irəli gəlir (bax: Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasının 149-cu maddəsinin 1-ci hissəsi). Hüquq normasının məzmununun qeyri-müəyyənliyi hüquq tətbiqetmədə məhdudiyətsiz mülahizə üçün imkan yaratmaqla hər bir normativ-hüquqi aktın əsasında dayanmalı olan qanunun aliliyi, qanun və məhkəmə qarşısında bərabərlik və ədalət prinsiplərinin pozulmasına gətirib çıxarır» (9, s.16).

E.H.Nəsirov və A.V.Əyyubov yazırlar: «Konstitusiyaya Məhkəməsinin Plenumu bir sıra qərarlarında qanunverici tərəfindən hər hansı bir ictimai münasibətlərin tənzimlənməsinə dair normativ-hüquqi aktlar qəbul edilərkən hüquqi dövlətin ali prinsiplərindən olan mütənəsiblik, hüquqi müəyyənlik, tarazlıq prinsiplərinə riayət edilməsinin vacibliyini vurğulamışdır». Müəlliflər bu zaman hüquqi müəyyənlik prinsipini xüsusi olaraq qeyd edir, Konstitusiyaya Məhkəməsinin Plenumunun, Avropa Məhkəməsinin bir sıra qərarlarında bu prinsipə xüsusi əhəmiyyət verildiyini göstərərək yazırlar: «Konstitusiyaya Məhkəməsi Plenumunun hüquqi müəyyənlik prinsipinin mahiyyəti və əhəmiyyəti barədə formalaşdırdığı hüquqi mövqeyinə görə, hüquqi müəyyənlik prinsipi hüququn aliliyinin əsas xüsusiyyətlərindən biri kimi çıxış edir. Hər bir qanunun və ya onun hər

hansı bir müddəasının hüquqi müəyyənlik prinsipinə cavab verməsi olduqca vacibdir. Bunun təmin edilməsi üçün hüquq normaları birmənalı və aydın olmalıdır. Bu isə öz növbəsində hər kəsə onun hüquq və azadlıqlarını müdafiə edəcəyinə, hüquq tətbiq edən hərəkətlərinin isə qabaqcadan bilməsinə imkan verməlidir. Avropa Məhkəməsi tərəfindən də qəbul olunan hüquqi müəyyənlik prinsipi «hüquqi təhlükəsizlik konsepsiyasının» baş prinsiplərindən biri hesab olunur. Hüquqi müəyyənlik ümumi ideya kimi bir çox hüquq sistemlərinə daxil edilmişdir»(8, s.43-44).

Qeyd edək ki, Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyaya Məhkəməsi ədalət mühakimə icraatı zamanı hüquqi müəyyənlik prinsipinin vacibliyini dəfələrlə vurğulamışdır. Məsələn, «Azərbaycan Respublikası Cinayət Məcəlləsinin 59.1.9 və 60-cı maddələrinin bəzi müddələrinin şərh edilməsinə dair» 2012-ci il 2 aprel tarixli Qərarında Konstitusiyaya Məhkəməsinin Plenumu hesab etmişdir ki, «hər bir qanunun və ya onun hər hansı bir müddəasının hüquqi müəyyənlik prinsipinə cavab verməsi olduqca vacibdir. Bunun təmin edilməsi üçün hüquq normaları birmənalı və aydın olmalıdır. Bu isə öz növbəsində hər kəsə onun hüquq və azadlıqlarını müdafiə edəcəyinə, hüquq tətbiq edən hərəkətlərinin isə qabaqcadan bilməsinə imkan verməlidir».

«Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 107.4-cü maddəsinin Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 60-cı maddəsinin 1-ci hissəsinə uyğunluğunun yoxlanılmasına dair» Azərbaycan Respublikası Konstitusiyaya Məhkəməsi Plenumunun 31 may 2012-ci il tarixli Qərarında xüsusi olaraq qeyd olunur: «Konstitusiyaya Məhkəməsi Plenumunun hüquqi müəyyənlik prinsipinin mahiyyəti və əhəmiyyəti barədə formalaşdırdığı hüquqi mövqeyinə görə, hüquqi müəyyənlik prinsipi hüququn aliliyinin əsas xüsusiyyətlərindən biri kimi çıxış edir. Hər bir qanunun və ya onun hər hansı bir müddəasının hüquqi müəyyən prinsipinə cavab verməsi olduqca

vacibdir. Bunun təmin edilməsi üçün hüquq normaları birmənalı və aydın olmalıdır. Bu isə öz növbəsində hər kəsə onun hüquq və azadlıqlarının müdafiə olunacağına, hüquq tətbiq edən hərəkətlərinin isə proqnozlaşdırıla bilən olacağına əminlik verməlidir». Konstitusiya Məhkəməsinin Plenumu öz Qərarında hüquqi müəyyənlik prinsipi ilə bağlı daha sonra göstərmişdir ki, «Avropa Məhkəməsinin Amann İsveçrəyə qarşı iş üzrə qəbul etdiyi 16 fevral 200-ci il tarixli qərarında qeyd edilmişdir ki, müvafiq münasibətləri tənzimləyən milli qanunvericilik «anlaşıqlı», «aydın» və «proqnozlaşdırıla bilən» olmalıdır. Eyni qayda Məhkəmənin Edvards Maltaya qarşı iş üzrə 24 oktyabr 2006-ci il tarixli qərarının 60-cı bəndində və Vrbica Xorvatiyaya qarşı iş üzrə 1 aprel 2010-cu il tarixli qərarında da öz əksini tapmışdır».

Bu mövqelərdən konstitusion məhkəmə icraatının prinsipləri sistemə aşağıdakı prinsipləri daxil etmək olar: hakimlərin müstəqilliyi; konstitusion ədalət mühakiməsinin yalnız Konstitusiya Məhkəməsi tərəfindən həyata keçirilməsi; konstitusion qanunçuluq; hamının qanun və Konstitusiya Məhkəməsi qarşısında bərabərliyi; konstitusiya ədalət mühakiməsinin əlçatanlığı; Konstitusiya məhkəmə icraatının açıq aparılması; Konstitusiya Məhkəməsində şifahi və yazılı icraat; kollegiallıq; konstitusion məhkəmə icraatının dövlət dilində aparılması; çəkişmə və tərəflərin hüquq bərabərliyi; hüquqi məsələlərə tam, hərtərəfli və obyektiv baxılması; hüquqi müəyyənlik.

Konstitusiya məhkəmə icraatının prinsiplərinin sistemləşdirilməsi onların təsnifatını nəzərdə tutur. Belə bir təsnifat isə müxtəlif əsaslara görə aparıla bilər. Təsnifatın bir neçə variantını nəzərdən keçirək.

Təsir sahəsinə görə hüquqi prinsiplərin ən geniş yayılmış təsnifatı bu prinsiplərin ümumhüquqi, sahələrarası və sahəvi prinsiplərə bölünməsidir. Belə bir təsnifatın üstün cəhətləri A.L.Zaxarov tərəfindən əsaslandırılmışdır. Müəllif qeyd edir ki, bu təsnifat

hüquqi prinsiplərin ictimai münasibətlərə tənzimləyici təsirinin həcmi və onların ayrı-ayrı sahələrdə təzahür spesifikasiyasını göstərməyə imkan verir. Belə bir bölgünün tətbiqi əhəmiyyəti onun kodifikasiya işlərinin aparılması zamanı istifadəsindədir. Çünki bu bölgü qanunvericiliyin, bütövlükdə hüququn, habelə onun ayrı-ayrı sahələrinin təkmilləşdirilməsi üzrə ən əhəmiyyətli vəzifələri müəyyən etməyə imkan verir(10, s.91).

Doğrudan da, belə təsnifat tədqiqatın sistemli yanaşma əsasında aparılmasına daha çox dərəcədə uyğundur. Konstitusion-hüquqi, mülki-prosessual və cinayət-prosessual xarakterli araşdırmalarda məhkəmə hakimiyyətinin həyata keçirilməsinin prinsiplərinin təsnifatının hüquqi tənzimləmə obyektinə görə təşkilati və funksional prinsiplər üzrə bölgüsündən istifadə edilir. Əgər birinci prinsip istər məhkəmələrin quruluşunu, istərsə də məhkəmə prosesini müəyyən edirsə, ikinci prinsip yalnız məhkəmənin və digər proses iştirakçılarının prosesual fəaliyyətini xarakterizə edir. N.V.Vitruk, V.A.Kryackov və L.V.Lazarev konstitusion məhkəmə icraatının təşkilati prinsiplərinə məhkəmənin və hakimlərin müstəqilliyi, işlərə baxılmasının kollegiyallığını; funksional prinsiplərə isə çəkişmə və tərəflərin bərabərliyi prinsiplərini aid edirlər(5, s.319; 11, s.150). Bu təsnifatın şərti xarakter daşması qeyd edilməlidir. Belə ki, ədalət mühakiməsinin hər bir prinsipində bu və ya digər dərəcədə təşkilati və funksional elementlər vardır. V.N.Balandin və A.A.Pavluşina qeyd edirlər ki, eyni bir prinsip təşkilati və funksional aspektlərin daşıyıcısı ola bilər. Hər şey tədqiqatın predmetindən asılıdır(12, s.85).

Konstitusiya ədalət mühakimə icraatı prinsiplərinin normativ təsbit olunma mənbəyinə görə Konstitusiyada və «Konstitusiya Məhkəməsi haqqında» qanunda təsbit olunmuş prinsiplər üzrə təsnifləşdirilir.

Azərbaycan Respublikası Konstitusiya-sının 127-ci maddəsində ədalət mühakiməsinin həyata keçirilməsinin əsas prinsipləri

və şərtləri ilə bağlı müddəalar öz əksini tapmışdır. Belə ki, Konstitusiyanın bu maddəsində ədalət mühakimə icraatının, o cümlədən Konstitusiya Məhkəməsində icraatın aşağıdakı prinsiplər əsasında həyata keçirildiyi göstərilmişdir:

- Hakimlər işlərə qərəzsiz, ədalətlə, tərəflərin hüquq bərabərliyinə, faktlara əsasən və qanuna müvafiq baxırlar.

- Hər hansı bir şəxs tərəfindən və hər hansı bir səbəbdən bilavasitə, yaxud dolayı yolla məhkəmə icraatına məhdudiyət qoyulması, qanunla zidd təsir, hədə və müdaxilə edilməsi yolverilməzdir.

- Ədalət mühakiməsi vətəndaşların qanun və məhkəmə qarşısında bərabərliyi əsasında həyata keçirilir.

- Bütün məhkəmələrdə işlərin icraatı açıq aparılır. İşə qapalı iclasda baxılmasına yalnız o halda icazə verilir ki, məhkəmə açıq icraatın dövlət, peşə və kommertiya sirrinin açılmasına səbəb olacağını güman edir, ya da vətəndaşların şəxsi və ya ailə həyatını məxfiliyini qorumaq zərurətini mövcudluğunu müəyyən edir.

- Məhkəmə icraatı çəkişmə prinsipi əsasında həyata keçirilir.

- Məhkəmə icraatının istənilən mərhələsində hər kəsin müdafiə hüququ təmin olunur.

- Ədalət məhkəməsi təqsirsizlik prezumpsiyasına əsaslanır.

- Azərbaycan Respublikasında məhkəmə icraatı Azərbaycan Respublikasının dövlət dilində və ya müvafiq yerin əhalisinin çoxluq təşkil edən hissəsini dilində aparılır. İşin iştirakçısı olub məhkəmə icraatının aparıldığı dili bilməyən şəxslərin işin materialları ilə tam tanış olmaq, məhkəmədə tərcüməçi vasitəsi ilə iştirak etmək və məhkəmədə ana dilində çıxış etmək hüququ təmin edilir.

Məhkəmənin nüfuzunun yüksəldilməsi insan hüquq və azadlıqlarının müdafiəsi üzrə məhkəmənin qarşısında duran vəzifələrin icrasına xidmət edən ədalət mühakiməsinin demokratik prinsiplərinin təsbiti və həyata keçirilməsi ilə ayrılmaz surətdə bağ-

lıdır. Ədalət mühakiməsinin əsas prinsipləri Konstitusiyanın 127-ci maddəsində müəyyən edilmiş və sonradan digər qanunvericilik aktlarında, o cümlədən CPM-də daha geniş əks olunmuşdur.

Bu prinsiplər sırasında qanunçuluq prinsipi mühüm və xüsusi yerə malikdir. O, həm Konstitusiyada, həm də maddi və prosessual qanunvericilikdə təsbit olunaraq yalnız qanunlara dəqiq və dönmədən riayət olunmasını və onların icrasını nəzərdə tutmur. Qanunçuluq həmçinin demokratiyanın əsas təzahürü, hüquqi dövlətin mühüm prinsipi, məhkəmə icraatında isə ədalət mühakiməsinin təməlini təşkil edən başlıca əlamətlərdən biridir.

«Azərbaycan Respublikası Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 397.1 və 397.2-ci maddələrinin şərh edilməsinə dair» Azərbaycan Respublikası Konstitusiya Məhkəməsi Plenumunun 12 may 2009-cu il tarixli Qərarında göstərilir ki, qanunçuluq prinsipinin əsas mahiyyəti ondan ibarətdir ki, o, nəinki hakimlərin yalnız Konstitusiyaya və qanunlara tabe olmasını bərqərar edir, həm də məhkəmə tərəfindən aşkarlanmış qanun pozuntularının aradan qaldırılması vəzifəsinə və iş üzrə hər kəsin məhkəmə müdafiəsinin təminatına, vətəndaşların hüquq və azadlıqlarının təmin olunmasına xidmət etməklə, ədalətli məhkəmə araşdırmasının digər prinsiplərinin həyata keçirilməsi şərti ilə bütövlükdə məhkəmə icraatının məqsədini müəyyənləşdirir.

Konstitusiya digər normativ-hüquqi aktlardan daha üstün hüquqi qüvvəyə malik olduğundan, konstitusion təsbit olunmuş prinsiplər sahəvi qanunvericilikdə əks olunmuş prinsiplərdən daha mühüm, əhəmiyyətli kimi qəbul edilir. Bu da qeyd olunan təsnifatın tənqidçilərinin yaranmasına gətirmişdir(13, s.35-36). Belə ki, N.A.Qromov və V.V.Nikolayçenkonun mövqeyinə görə, «cinayət prosesinin prinsiplərini konstitusion və qeyri-konstitusion prinsiplərə bölmək və birincilərə Konstitusiyada yer almış

müddəaları, ikincilərə isə Əsas Qanuna daxil edilməyən müddəaları aid etmək düzgün deyildir. Belə formal yanaşma səhv nəticələrə gətirib çıxara bilər. Çünki prinsiplərin təsbitinin hüquqi formasından asılı olmayaraq onlar həmişə ümumi və rəhbərçisi əhəmiyyət kəsb edən müddəalar keyfiyyətində çıxış edirlər(14, s.33-40).

Məlum olduğu kimi cinayət prosesi - cinayət təqibi üzrə ədalət mühakiməsinin məqsəd və vəzifələrinin yerinə yetirilməsinə yönəlmiş demokratik prinsiplər əsasında, qanunla müəyyən edilmiş prosessual formada həyata keçirilən, səlahiyyətli subyektlər tərəfindən cinayət təqibinin başlanılması, ibtidai araşdırılması, məhkəmədə baxılması və həll edilməsi üzrə fəaliyyətdir(15, s.6; 9, s.12; 16, s.6).

Azərbaycan Respublikası CPM-in 1-ci maddəsində cinayət-prosessual qanunvericiliyin təyinatı ilə bağlı müddəalar əks olunmuşdur. Belə ki, CPM-in 1.1-ci maddəsinə görə, Azərbaycan Respublikasının cinayət-prosessual qanunvericiliyi cinayətin əlamətlərini əks etdirən əməllərin cinayət olub-olmamağını, cinayəti törətməkdə təqsirləndirilən şəxsin təqsirli olub-olmamağını, habelə cinayət qanunu ilə nəzərdə tutulmuş əməlləri törətməkdə şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsin cinayət təqibinin və müdafiəsinin hüquqi prosedurlarını müəyyən edir.

Azərbaycan Respublikasının CPM-in 1.2-ci maddəsində isə göstərilir ki, Azərbaycan Respublikasının cinayət-prosessual qanunvericiliyi ona yönəlmişdir ki: 1)qanunla cinayət hesab olunan əməli törətmiş hər bir şəxsi ifşa etmək və cinayət məsuliyyətinə cəlb etmək mümkün olsun; 2)cinayət törətməkdə təqsiri olmayan heç kəsi cinayət prosesini həyata keçirən orqanların vəzifəli şəxslərinin və ya hakimlərin özbaşına hərəkətləri ilə qanunsuz şübhə altına almaq, ittiham və ya məhkum etmək mümkün olmasın; 3)heç kəs qanunsuz və ya zərurət olmadan prosessual məcburiyyət tədbirlərinə, insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının

digər məhdudiyyətlərinə məruz qalmasın.

M.A.Ağazadə qeyd edir ki, «Azərbaycan Respublikası cinayət-prosessual qanunvericiliyi demokratik prinsiplər əsasında cinayət əməlləri üzrə qanunla müəyyən edilən prosessual formada ədalət mühakiməsinə həyata keçirilməli olan təhqiqat, istintaq və məhkəmə orqanlarının fəaliyyətini nizama salır»(17, s.33).

Azərbaycan hüquq ədəbiyyatında cinayət mühakimə icraatının prinsiplərinə C.H.Mövsümov, daha sonra isə M.Ə.Cəfərquliyev tərəfindən belə bir anlayış verilmişdir: «Cinayət prosesinin prinsipləri dedikdə, cinayət prosesinin demokratik təbiətini və xarakterini, habelə onun vəzifələrini müəyyən edən, hüquq normalarında möhkəmləndirilmiş əsas rəhbər müddəalar başa düşülür»(15, s.46; 16, s.92).

F.M.Abbasovun fikrincə, «cinayət prosesinin prinsipləri məcmu halda cinayət prosesinin təbiətini, mahiyyətini, məzmununu müəyyən edir və bütün prosessual institutların təşkil edilməsi və fəaliyyət göstərməsinin təməlinə durur. Bu prinsiplər ibtidai araşdırma, prokurorluq və məhkəmə orqanlarının fəaliyyətinin həm siyasi, həm də prosessual istiqamətlərini müəyyən etməklə, özündə siyasi və hüquqi baxışlarla yanaşı, fəlsəfi baxışları da ifadə edirlər»(1, s.82).

Cinayət mühakimə icraatının prinsiplərinə xas olan aşağıdakı əlamətləri xüsusi olaraq qeyd etmək olar: 1)prinsiplər cinayət-prosessual hüququn yaranmasının və fəaliyyət istiqamətlərinin əsaslarını müəyyən edir; 2)prinsiplər qüvvədə olan cinayət-prosessual qanunvericilikdə hüquqi göstərişlərin sistemi formasında təsbit edilmiş olmalıdır; 3)prinsiplər cinayət-prosessual hüquq münasibətlərinin məzmununu tam əhatə edir; 4)prinsiplər cinayət mühakimə icraatı sahəsində dövlətin daxili siyasəti və insan hüquqlarına dair Azərbaycan Respublikasının tərəfdar çıxdığı beynəlxalq müqavilələrin müddəaları ilə sıx əlaqəlidir; 5)prinsiplər digər cinayət-prosessual normalara

münasibətdə tənzedici və mühafizəedici rol oynayır(1, s.83-84).

Cinayət mühakimə icraatının əsas prinsipləri və şərtlərinin təyinatı CPM-in 9-cu maddəsində göstərilmişdir. Belə ki, CPM-in 9.1-ci maddəsinə uyğun olaraq cinayət mühakimə icraatının əsas prinsipləri və şərtləri: 1)cinayət təqibinin həyata keçirilməsinin əsasını təşkil edən qaydaları müəyyən edir; 2)insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının qanunsuz məhdudlaşdırılması hallarından onun müdafiəsini təmin edir; 3)hər bir cinayət təqibinin qanuniliyini və əsaslılığını müəyyən edir. CPM-in 9.2-ci maddəsinə görə, Cinayət-Prosessual Məcəllə ilə müəyyən edilmiş hallarda cinayət prosesi prinsiplərinin və ya şərtlərinin pozulması cinayət təqibi üzrə başa çatmış icraatın etibarsız sayılmasına, onun gedişində qəbul edilmiş qərarların ləğvinə, yaxud toplanmış materialların sübutedici qüvvəsinin olmaması qənaətinə gəlməyə səbəb ola bilər.

F.M.Abbasova, cinayət mühakimə icraatının prinsiplərinin əhəmiyyətini aşağıdakı amillərlə şərtləndirir: «1)prinsiplər cinayət mühakimə icraatında insan və vətəndaşın hüquq və azadlıqlarının təminatını prioritet məsələyə çevirir; 2)prinsiplər cinayət işləri üzrə icraat zamanı qəbul edilmiş qərarların və həyata keçirilmiş prosessual hərəkətlərin qanuniliyinin, əsaslılığının və ədalətliyinin yoxlanılması üçün universal vasitə qismində çıxış edir; 3)prinsiplər cinayət-prosessual hüququn bütün digər institutlarını dəyərləndirmək üçün etalon normalardır; 4)prinsiplər dövlətin və cəmiyyətin cinayət mühakimə icraatı sahəsindəki hüquq mədəniyyətinin göstəricisidir»(1, s.85).

Azərbaycan Respublikasının cinayət mühakimə icraatının konstitusion əsaslarından, prinsiplərindən danışarkən, ilk növbədə Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasının «Əsas insan və vətəndaş hüquqları və azadlıqları» adlanan 3-cü fəslə qeyd edilməlidir. Bu fəsilə ədalət mühakimə icraatının hər bir növünün, o cümlədən cinayət pro-

sesinin konstitusion prinsiplərinə aid edilə bilən aşağıdakı prinsip-normalar müddəalar öz əksini tapmışdır: bərabərlik hüququ (maddə 25), insan və vətəndaş hüquqlarının və azadlıqlarının müdafiəsi(maddə 26), azadlıq hüququ (maddə 28), şəxsi toxunulmazlıq hüququ (maddə 32), ana dilindən istifadə hüququ (maddə 45) şərəf və ləyaqətin müdafiəsi hüququ (maddə 46), hüquq və azadlıqların məhkəmə təminatı (maddə 60), hüquqi yardım almaq hüququ (maddə 61), təqsirsizlik prezumpsiyası (maddə 63), qohumların əleyhinə ifadə verməyə məcbur etməyə yol verilməməsi (maddə 66), tutulanların, həbsə alınanların və cinayət törədilməsində təqsirləndirilən şəxslərin hüquqları(maddə 67) və s. Qeyd olunan bu müddəaların hər biri öz əksini Azərbaycan Respublikasının Cinayət-Prosessual Məcəlləsində tapır.

Bu prinsiplərin bəzilərinin üzərində daha ətraflı dayanaq.

İnsan və vətəndaş hüquqlarının və azadlıqlarının müdafiəsi. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 26-cı maddəsinin 1-ci hissəsində hər kəsin qanunla qadağan olunmayan üsul və vasitələrlə öz hüquqlarını və azadlıqlarını müdafiə etmək hüququ təsbit edilmişdir. Əsas qanunun qeyd olunan maddəsinin 2-ci hissəsində isə göstərilir ki, dövlət hər kəsin hüquqlarının və azadlıqlarının müdafiəsinə təminat verir. Qeyd olunan bu müddəalarla yanaşı, Konstitusiyanın 60-cı maddəsində hüquq və azadlıqların məhkəmə təminatı ilə bağlı müddəalar da təsbit olunmuşdur. Belə ki, Konstitusiyanın bu maddəsində hər kəsin hüquq və azadlıqlarının məhkəmədə müdafiəsinə təminat verildiyi (maddə 60, 1-ci hissə), hər kəsin dövlət orqanlarının, siyasi partiyaların, həmkarlar ittifaqlarının və digər ictimai birliklərin, vəzifəli şəxslərin qərar və hərəkətlərindən (yaxud hərəkətsizliyindən) məhkəməyə şikayət edə bildiyi (maddə 60, 2-ci hissə) göstərilmişdir.

Azərbaycan Respublikasının Konsti-

tusiyası ilə insan və vətəndaş hüquqlarının və azadlıqlarının təmin edilməsi dövlətin ali məqsədlərindən biri kimi müəyyən edilmişdir (maddə 12).

H.Musayev, bununla bağlı haqlı olaraq qeyd edir ki, «insan və vətəndaş hüquqlarına əməl olunması və onların təmini təkcə mənəvi cəhətdən təqdirəlayiq deyildir, həm də ibtidai istintaqın və məhkəmə baxışının keçirilməsinin zəruri şərtidir. İnsan hüquqları status nöqtəyi-nəzərindən əxlaqi xarakterli müəyyən ideyalardan ibarətdir və bu mənə-də bəşəri ideallara çatmağa istiqamətlənmiş ictimai rəyi əks etdirir. Lakin onların real mövcudluğu mütləq şəkildə uyğun təminatların qanunvericilik təsbitini tələb edir. Bununla bağlı qeyd edilməlidir ki, insan və vətəndaşın konstitusion və digər hüquq və azadlıqlarını məhdudlaşdıran istintaq hərəkətlərinin lazımi dərəcədə hüquqi tənzimlənməməsi neqativ hüquqtətbiqi praktikasının yaranmasını və inkişafını determinə edən amillərdəndir. Ona görə də cinayət prosesində iştirak edən və ya bu prosesə cəlb olunmuş şəxslərin hüquq və azadlıqlarının müdafiəsinin möhkəmləndirilməsi baxımından istintaq və digər prosesual hərəkətlərin və qərarların əsaslarının və prosedurlarının dəqiq və hərtərəfli tənzimlənməsi vəzifə səlahiyyətlərindən sui-istifadə hallarının qarşısının alınmasının mühüm vasitələrindən biri hesab edilməlidir(3, s.34).

Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının insan hüquq və azadlıqlarının müdafiəsi ilə bağlı müddəaları müəyyən dərəcədə CPM-in 12-ci maddəsinə daxil edilmiş müddələrin məzmununu təşkil edir. Belə ki, CPM-in 12.1-ci maddəsinə əsasən, cinayət prosesini həyata keçirən orqanlar cinayət prosesində iştirak edən bütün şəxslərin Konstitusiya ilə təsbit edilmiş insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarına riayət olunmasını təmin etməlidirlər.

Cinayət-Prosesual Məcəllənin qeyd olunan maddəsində həmçinin ölkənin əsas Qanunu olan Konstitusiya ilə təsbit edilmiş

insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının təmin olunması ilə bağlı bir sıra digər müddəalar da öz əksini tapmışdır:

1) Cinayətin əlamətləri olan əməldən zərər çəkmiş şəxsin bu Məcəllədə nəzərdə tutulmuş qaydada cinayət təqibinin başlanmasını tələb etməyə, onun həyata keçirilməsində zərər çəkmiş şəxs və ya xüsusi ittihamçı qismində iştirak etməyə, habelə vurulmuş mənəvi, fiziki və maddi ziyanı görə kompensasiya almağa hüququ vardır (CPM, maddə 12.2).

2) Cinayət prosesi gedişində hər kəsin özünün Konstitusiya ilə təsbit edilmiş hüquq və azadlıqlarını qanunla qadağan edilməyən bütün üsul və vasitələrlə müdafiə etmək hüququ vardır (maddə 12.3).

3) Prosesual məcburiyyət tədbirlərinin tətbiqi ilə əlaqədar şəxsin Konstitusiya ilə təsbit olunmuş hüquq və azadlıqlarının müvəqqəti məhdudlaşdırılması barədə qərar yalnız zərurət olduqda bu Məcəllə ilə müəyyən edilmiş hallarda və qaydada qəbul edilə bilər(maddə 12.4).

4) Cinayət təqibi gedişində insanların həyatı və səhhətinə və ya ətraf mühitə təhlükə yaradan üsul və vasitələrdən istifadə etmək qadağandır(maddə 12.5).

5) Cinayət prosesini həyata keçirən orqanlar insanların həyat və səhhətinə, ətraf mühitə təhlükə yaradan halları gizlətməyə haqlı deyillər(maddə 12.6).

Azadlıq hüququ. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 28-ci maddəsinə uyğun olaraq hər kəsin azadlıq hüququ vardır (maddə 28, 1-ci hissə). Azadlıq hüququ yalnız qanunla nəzərdə tutulmuş qaydada tutulma, həbsəalma və ya azadlıqdan məhrumetmə yolu ilə məhdudlaşdırıla bilər(maddə 28, 2-ci hissə). Qeyd olunan konstitusion hüquqlar Azərbaycan Respublikası CPM-in 14-cü maddəsində konkretləşdirilmişdir. Bu maddədə xüsusi halda nəzərdə tutulmuşdur ki, «Bu Məcəllə və Azərbaycan Respublikasının digər qanunu ilə müəyyən edilmiş əsaslar olmadan heç kəs tutula və həbs edilə

bilməz (CPM, maddə 14.2); şəxsin həbsdə saxlanılmasına, habelə tibb və ya tərbiyə müəssisəsinə məcburi yerləşdirilməsinə yalnız məhkəmə qərarı əsasında yol verilir (CPM, maddə 14.3). CPM-in 14.4-cü maddəsinə görə isə hər bir tutulmuş və ya həbsə alınmış şəxsə dərhal tutulmanın, yaxud həbsə almanın səbəbləri, habelə şübhənin və ya ittihamın mahiyyəti, ifadə verməmək və müdafiəçi tərəfindən hüquqi yardım almaq hüquqları bildirilməlidir.

CPM-in 14.5-ci maddəsi ilə müəyyən olunmuşdur ki, təhqiqatçı, prokuror və ya hakim qanunsuz tutulmuş, yaxud həbsdə saxlanılan şəxsi dərhal azad etməlidir.

Qeyd edək ki, Azərbaycan Respublikası Konstitusiyası Məhkəməsinin Plenumu «Azərbaycan Respublikası Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 448.5-ci maddəsinin Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasına uyğunluğunun yoxlanılmasına dair» 16 sentyabr 2014-cü il tarixli Qərarında cinayət prosesində azadlıq hüququnun təmin edilməsi ilə bağlı bir sıra məsələlərə toxunmuş və onların rəsmi şərhini vermişdir. Belə ki, bu Qərdə xüsusi olaraq qeyd edilmişdir ki, azadlıq hüququ insanın muxtariyyətinə özbaşına müdaxilənin yolverilməzliyini təmin edir və həm fərdin hərtərəfli inkişafı, həm də cəmiyyətin demokratik təşkili üçün şərait yaradır. Azadlıq hüququnun məhdudlaşdırılması yalnız konstitusiyanın 28-ci maddəsinin və onunla birbaşa əlaqəli olan «Azərbaycan Respublikasında insan hüquq və azadlıqlarının həyata keçirilməsinin tənzimlənməsi haqqında» Konstitusiyası Qanununun 4-cü maddəsinin tələblərinə, ümumhüquq prinsiplərinə, habelə zərurilik və mütənasiblik meyarlarına riayət etməklə və bu hüququn mahiyyətini dəyişməməklə tətbiq oluna bilər.

Konstitusiyası Məhkəməsi Plenumunun «Azərbaycan Respublikasının Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 158.3-cü maddəsinin bəzi müddələrinin, 158.4 və 290.3-cü maddələrinin şərh edilməsinə dair» 10

oktyabr 2001-ci il tarixli qərarında da xüsusi olaraq göstərilmişdir ki, qanunverici azadlıq hüququnun məhdudlaşdırılmasının hüquqi qaydasını və əsaslarını müəyyən etməklə, dövlətin ədalət mühakiməsi yolu ilə cəmiyyət üçün əhəmiyyət kəsb edən dəyərlərinin mühafizə edilməsi və hər bir şəxsin azadlıq hüququnun təmin edilməsi arasında yarana biləcək kolliziyaları həll etmiş olur.

Konstitusiyası Məhkəməsinin artıq qeyd etdiyimiz 16 sentyabr 2014-cü il tarixli Qərarında daha sonra göstərilir ki, azadlıq hüququnun xarakterik əlamətlərindən biri də şəxsin saxlanılmasına və həbs olunmasına dair qərarın məhkəmə nəzarəti qaydasında qəbul edilməsidir. Bu əlamət «Azərbaycan Respublikasında insan hüquq və azadlıqlarının həyata keçirilməsinin tənzimlənməsi haqqında» Qanunun 4.3-cü maddəsində konstitusional hüquq kimi ifadə olunmuşdur. Bu hüquq müstəqil mənaya malik olmaqla nə qanunda azadlığın məhdudlaşdırılmasının müəyyən müddətlərinin, nə də şəxs tərəfindən həbslə əlaqədar məhkəmə qaydasında şikayət vermə imkanının təsbit edilməsi ilə əvəz oluna bilər. Belə ki, həmin maddə baxımından məhkəmə nəzarəti olmadan uzun müddət ərzində şəxsin azadlıq hüququnun məhdudlaşdırılması yolverilməzdir.

Şəxsin saxlanılması və ya həbs edilməsinə dair məhkəmə nəzarəti proseduru ədalətliyin tələblərinə cavab verdikdə, tərəflərin çəkişməsi prinsipinə əsaslandıqda, səlahiyyətli məhkəmə tərəfindən isə qətimkan tədbirinin seçilib-seçilməsinə dair qəbul olunmuş qərar tərəflər üçün məcburi olduğu təqdirdə səmərəli hesab edilə bilər.

Bu öz növbəsində məhkəmə tərəfindən qətimkan tədbirinin seçilməsi və ya həbsdə saxlama müddətinin uzadılması üçün faktiki və hüquqi əsasların araşdırılmasını nəzərdə tutur. Həbs qətimkan tədbirinin özbaşına və ya hər hansı formal şərtlərdən çıxış edərək həll edilməməsi üçün şəxs öz mövqeyini məhkəməyə çatdırmaq imkanı təmin edilməlidir. Məhkəmə isə belə qərarın qəbul

olunması üçün həm ittiham tərəfinin, həm də müdafiə tərəfinin təqdim etdiyi əsasların qiymətləndirilməsi nəticəsində öz müstəqil qərarını qəbul etməli, bununla bağlı özünün hüquqi mövqeyini ifadə etməlidir.

Şəxsi toxunulmazlıq hüququ. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 32-ci maddəsinin 1-ci hissəsində hər kəsin şəxsi toxunulmazlıq hüququnun olduğu müəyyən olunmuşdur. Konstitusiyanın 32-ci maddəsinin 2-ci hissəsinə uyğun olaraq, hər kəsin şəxsi və ailə sirrini saxlamaq hüququ vardır. Qanunla nəzərdə tutulan hallardan başqa, şəxsi və ailə həyatına müdaxilə etmək qadağandır. Hər kəsin şəxsi və ailə həyatına qanunsuz müdaxilədən müdafiə hüququ vardır. Qeyd olunan maddənin 3-cü hissəsində isə göstərilir ki, öz razılığı olmadan kimsənin şəxsi həyatı haqqında məlumatın toplanılmasına, saxlanılmasına, istifadəsinə və yayılmasına yol verilmir. Qanunla müəyyən edilmiş hallar istisna olmaqla, heç kəs onun xəbəri olmadan və ya etirazına baxmadan izlənilə bilməz, video və foto çəkilişinə, səs yazısına və digər bu cür hərəkətlərə məruz qoyula bilməz. Əsas Qanunun 32-ci maddəsinin 4-cü hissəsində isə müəyyən olunmuşdur ki, hər kəsin yazışma, telefon danışqları, poçt, teleqraf və digər rabitə vasitələri ilə ötürülən məlumatın sirrini saxlamaq hüququna dövlət təminat verir. Bu hüquq qanunla nəzərdə tutulmuş qaydada cinayətin qarşısını almaqdan və ya cinayət işinin istintaqı zamanı həqiqəti üzə çıxarmaqdan ötrü məhdudlaşdırıla bilər.

Azərbaycan Respublikası CPM-də, Konstitusiyanın 32-ci maddəsində təsbit edilmiş müddəalar iki maddədə – 15-ci (şəxsiyyətin toxunulmazlığı hüququnun təmin edilməsi) və 16-cı (şəxsi həyatın toxunulmazlığı hüququnun təmin edilməsi) maddələrində öz əks tapmışdır.

CPM-nin 15.1-ci maddəsində göstərilir ki, məhkəmənin qərarı olmadan və ya tutulma, yaxud həbsə alma hallarından başqa hər hansı şəxsin axtarışı və şəxsi müayinəsi,

onun toxunulmazlığı hüququnu pozan digər prosesual hərəkətlər bu şəxsin və ya onun qanuni nümayəndəsinin iradəsinin əleyhinə aparıla bilməz.

CPM-in 15.2-ci maddəsində isə cinayət təqibi gedişində aşağıdakılar qadağan edilmişdir:

- işgəncələr vermək, fiziki və psixi zorakılıqdan, o cümlədən tibbi preparatlardan istifadə etmək, aclığa, hipnoza məruz qoymaq, tibbi yardımdan məhrum etmək, digər qəddar, qeyri-insani və ya ləyaqəti alçaldan rəftar və cəzalar tətbiq etmək;

- uzun sürən və ya kəskin fiziki iztirabla, yaxud səhhətin müvəqqəti pozulması ilə müşayiət olunan eksperimentlərdə və ya digər prosesual hərəkətlərdə iştiraka cəlb etmək, habelə buna bənzər hər hansı digər sınaqlar keçirmək;

- zərər çəkmiş, şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsdən, habelə cinayət prosesində iştirak edən digər şəxslərdən zorakılıq, hədə-qorxu, aldatma yolu ilə və ya onların hüquqlarını pozan sair qanunsuz hərəkətlər tətbiq etməklə ifadə almaq.

Azərbaycan Respublikası CPM-in 16-cı maddəsində aşağıdakılar müəyyən olunmuşdur: 1)cinayət təqibi gedişində heç kəsin şəxsi (özünün və ailəsinin) həyatın sirrinin, yazışma, telefon danışqları, poçt-teleqraf və digər rabitə vasitələri ilə ötürülən məlumatların və başqa məlumatların sirrinin saxlanılması hüququ bu Məcəllədə nəzərdə tutulmuş hallardan başqa məhdudlaşdırıla bilməz; 2)poçt, teleqraf və digər göndərişlərin üzərinə həbs qoymaya, onu yoxlama və götürmə, telefon və digər qurğularla aparılan danışqların və başqa rabitə və texniki kanallar vasitəsi ilə ötürülən məlumatların və başqa məlumatların tutulması bu Məcəllə ilə müəyyən edilmiş hallarda, bir qayda olaraq, məhkəmənin qərarı ilə həyata keçirilə bilər.

Hüquqi yardım almaq hüququ. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 61-ci maddəsində aşağıdakı müddəalar nəzərdə tutulmuşdur: hər kəsin yüksək key-

fiyyətli hüquqi yardım almaq hüququ vardır (1-ci hissə); qanunla nəzərdə tutulmuş hallarda hüquqi yardım ödənişsiz, dövlət hesabına göstərilir (2-ci hissə); hər bir şəxsin səlahiyyətli dövlət orqanları tərəfindən tutulduğu, həbsə alındığı, cinayət törədilməsində ittiham olunduğu andan müdafiəçinin köməyindən istifadə etmək hüququ vardır (3-cü hissə).

Cinayət-Prosessual Məcəllədə hüquqi yardım almaq və müdafiə hüququnun təmini məsələlərinə 19-cu maddə həsr olunmuşdur və bu maddə yeddi hissədən ibarətdir. CPM-in 19.1-ci maddəsinə görə, cinayət təqibi gedişində təhqiqatçı, müstəntiq, prokuror və ya məhkəmə zərər çəkmiş, şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxslərin keyfiyyətli hüquqi yardım almaq hüququnu təmin etmək üçün tədbirlər görməlidir.

Cinayət təqibini həyata keçirən orqan, zərər çəkmiş şəxs (xüsusi ittihamçı), mülki iddiaçı və ya onun qanuni nümayəndəsi, şübhəli, yaxud təqsirləndirilən şəxsin qanuni nümayəndəsi, habelə mülki cavabdeh, cinayət prosesi gedişində özlərinin dəvət etdiyi nümayəndənin hüquqi yardımından istifadə etmək hüququnu gözləməlidir (CPM, maddə 19.2). Zərər çəkmiş şəxsin və ya şahidin dindirilməsi zamanı cinayət prosesini həyata keçirən orqanın həmin şəxslərin nümayəndə qismində dəvət etdikləri vəkilin onların yanında olmasını qadağan etməyə hüququ yoxdur (CPM, maddə 19.3).

CPM-in 19.4-cü maddəsində qeyd olunur ki, cinayət prosesini həyata keçirən orqan prosesual qanunvericiliklə müəyyən edilmiş hallarda və qaydada şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsin aşağıdakı hüquqlarını təmin etməlidir: 1) tutulduğu, həbsə alındığı və ya müvafiq olaraq şübhəli şəxs qismində birinci dindirməyədək, yaxud təqsirləndirilən şəxsə ittiham elan edildiyi andan müdafiəçinin yardımından istifadə etmək; 2) hüquqlarını izah etmək; 3) öz müdafiəsini hazırlamaq üçün kifayət qədər vaxt vermək və imkan yaratmaq; 4) şəxsən və ya özünün

seçdiyi müdafiəçi vasitəsi ilə müdafiə olunmaq, yaxud müdafiəçinin haqqını ödəmək üçün kifayət qədər vəsaiti olmadıqda, pulsuz hüquqi yardım almaq; 5) onun əleyhinə ifadə vermiş şahidləri məhkəmə istintaqı zamanı dindirmək.

Azərbaycan Respublikası CPM-in 19-cu maddəsində həmçinin bir sıra digər müddəalar da təsbit olunmuşdur. Məsələn, CPM-in 19.7-ci maddəsinə görə, şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxs ifadə verməyə, cinayət prosesini həyata keçirən orqana hər hansı materiallar təqdim etməyə və onlara hər hansı yardım göstərməyə məcbur edilə bilməz.

Təqsirsizlik prezumpsiyası prinsipi. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasına görə, hər kəsin təqsirsizlik prezumpsiyası hüququ vardır. Cinayətin törədilməsində təqsirləndirilən hər bir şəxs, onun təqsiri qanunla nəzərdə tutulan qaydada sübuta yetirilməyibsə və bu barədə məhkəmənin qanuni qüvvəyə minmiş hökmü yoxdursa, təqsirsiz sayılır (maddə 63, 1-ci hissə). Şəxsin təqsirli olduğuna əsaslı şübhələr varsa, onun təqsirli bilinməsinə yol verilmir (maddə 63, 2-ci hissə). Cinayətin törədilməsində təqsirləndirilən şəxs özünün təqsirsizliyini sübuta yetirməyə borclu deyildir (maddə 63, 3-cü hissə). Ədalət mühakiməsi həyata keçirilərkən qanunu pozmaqla əldə edilmiş sübutlardan istifadə oluna bilməz (maddə 63, 4-ci hissə). Məhkəmənin hökmü olmadan heç kim cinayətdən təqsirli sayıla bilməz (maddə 63, 5-ci hissə).

Qeyd edək ki, göstərilən bu konstitusion müddəalar Azərbaycan Respublikası CPM-in 21-ci maddəsində tam və əhatəli şəkildə öz əksini tapmışdır. Belə ki, CPM-in 21.1-ci maddəsinə daxil edilmiş müddəalar, Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasının 63-cü maddəsinin 1-ci hissəsini tam şəkildə təkrarlayır.

CPM-in 21.2-ci maddəsinə görə, prosesual qanunvericiliyin müddəalarına uyğun surətdə müvafiq hüquqi prosedur daxilində ittihamın sübuta yetirilməsində aradan qal-

dırılması mümkün olmayan şübhələr təqsirləndirilən şəxsin (şübhəli şəxsin) xeyrinə həll edilir. Eyni ilə cinayət və cinayət-prosessual qanunlarının tətbiqində aradan qaldırılmamış şübhələr də onun xeyrinə həll olunmalıdır. CPM-in 21.3-cü maddəsinə uyğun olaraq ittihamı sübuta yetirmək, şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsin müdafiəsi üçün irəli sürülən dəlilləri təkzib etmək vəzifəsi ittiham tərəfinin üzərinə düşür.

Bütün məhkəmələrdə işlərin icraatının açıq aparılması (Konstitusiyanın 127-ci maddəsinin 5-ci hissəsi) prinsipi öz əksini CPM-in 27.1-ci maddəsində tapmışdır: Bu Məcəllədə nəzərdə tutulmuş dövlət, peşə və kommertiya sirlərinin, habelə vətəndaşların şəxsi və ailə sirlərinin qorunması halları istisna olmaqla, Azərbaycan Respublikasında cinayət işləri və cinayət təqibi ilə bağlı digər materiallar üzrə ədalət mühakiməsi bütün məhkəmələrdə açıq aparılır.

«Hakimlər işlərə qərəzsiz, ədalətlə, tərəflərin hüquq bərabərliyinə, faktlara əsasən və qanuna müvafiq baxırlar» (Konstitusiyanın 127-ci maddəsinin 2-ci hissəsi) kimi konstitusion müddəalar müəyyən dərəcədə CPM-in «Cinayət mühakimə icraatının obyektivliyi, qərəzsizliyi və ədalətliliyi» adlanan 28-ci maddəsində təsbit olunmuşdur. Belə ki, CPM-in 28.1-ci maddəsinə görə, məhkəmələr cinayət işlərinə və cinayət təqibi ilə bağlı digər materiallara məhkəmə iclaslarında yalnız bu Məcəlləyə müvafiq surətdə müəyyən edilmiş hüquqi prosedurlara əsasən faktlar əsasında, qərəzsiz və ədalətlə baxmalıdırlar.

CPM-in 28.4-cü maddəsinə görə, cinayət mühakimə icraatını həyata keçirərkən məhkəmələr aşağıdakı vəzifələri yerinə yetirməlidirlər:

- cinayət prosesində tərəflərə cinayət təqibi ilə əlaqədar bütün halların hərtərəfli, tam və obyektiv tədqiq edilməsi üçün zəruri şəraiti təmin etmək;
- şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsi həm ifşa edən, həm də ona bəraət verən halları,

habelə məsuliyyəti yüngülləşdirən və ağırlaşdırən halları nəzərə almaq;

- şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxsin təqsirsizliyi, yaxud az təqsirliliyi barədə, habelə ona bəraət verən və ya məsuliyyətini yüngülləşdirən hallar üzrə sübutların olması barədə özü, yaxud müdafiəçi tərəfindən irəli sürülən ərizə və vəsatətlərə baxmaq;

- cinayət prosesi gedişində qanunun pozulması ilə əlaqədar verilən şikayətləri yoxlamaq;

- cinayət prosesi iştirakçılarının iştirak etmək hüququnu təmin etmək.

«Məhkəmə icraatı çəkişmə prinsipi əsasında həyata keçirilir» kimi konstitusion prinsip (Konstitusiyanın 127-ci maddəsinin 7-ci hissəsi) isə CPM-in 32-ci maddəsində reallaşdırılmışdır.

CPM-in 32.1-ci maddəsinə uyğun olaraq Azərbaycan Respublikasında cinayət mühakimə icraatı ittiham və müdafiə tərəfinin çəkişməsi əsasında həyata keçirilir.

CPM-in 32.2-ci maddəsində göstərilir ki, Cinayət-Prosessual Məcəllə ilə nəzərdə tutulmuş qaydada cinayət prosesində tərəflərin çəkişməsini təmin etmək məqsədi ilə:

- hər bir tərəf məhkəmədə təmsil olunur;
- hər bir tərəf məhkəmədə öz mövqeyini müdafiə etmək üçün bərabər hüquqlara və imkanlara malikdir;

- ittiham tərəfi cinayət hadisəsinin baş verməsini, cinayət qanunu ilə nəzərdə tutulmuş əməlin əlamətlərinin mövcudluğunu, bu əməlin törədilməsində təqsirləndirilən şəxsin aidiyyətini, cinayət törətmiş şəxsin cinayət məsuliyyətinə cəlb olunmasının mümkünlüyünü sübut edir, təqsirləndirilən şəxsin əməlinin hüquqi tövsifinə və məhkəmənin yekun qərarına dair öz təkliflərini verir;

- müdafiə tərəfi cinayət təqibi ilə bağlı irəli sürülmüş ittihamı təkzib edir və ya cinayət prosesini həyata keçirən orqanın diqqətini təqsirləndirilən şəxsin cinayət məsuliyyətindən azad edilməsinə və ya

cinayət məsuliyyətini yüngülləşdirən halların mövcudluğuna cəlb edir və təqsirləndirilən şəxsin əməlinin hüquqi tövsiyəsinə və məhkəmənin yekun qərarına dair öz təkliflərini verir;

- hər bir tərəf heç kimdən asılı olmayaraq müstəqil surətdə öz mövqeyini seçir və onu müdafiə etmək üçün vasitə və üsullarını müəyyən edir;

- məhkəmə cinayət prosesi tərəflərindən hər birinin vəsatəti ilə əlavə olaraq zəruri materialların əldə edilməsinə kömək göstərir;

- məhkəmə tərəfindən hökm yalnız cinayət prosesi tərəflərinin iştirakı bərabər əsaslarla təmin edilməklə tədqiq olunmuş sübutlarla əsaslandırılır;

- dövlət ittihamçısı və xüsusi ittihamçı cinayət təqibini həyata keçirir və cinayət təqibindən imtina edir;

- təqsirləndirilən şəxs sərbəst olaraq təqsirli olduğunu inkar edir və ya özünü təqsirli bilir;

- mülki iddiaçı iddiadan imtina edir və ya mülki cavabdehlə barışıq sazişi bağlayır;

- mülki cavabdeh iddianı qəbul edir və ya mülki iddiaçı ilə barışıq sazişi bağlayır.

«Azərbaycan Respublikası Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 409-cu maddəsinin şərh edilməsinə dair» Azərbaycan Respublikası Konstitusiyası Məhkəməsi Plenumunun 19 iyul 2002-ci il tarixli Qərarında göstərilmişdir: Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyasına və cinayət prosessual qanunvericiliyinə əsasən cinayət mühakimə icraatı ittiham və müdafiə tərəfinin çəkişməsi prinsipi əsasında həyata keçirilir. Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 7.0.21-ci maddəsinə əsasən təhqiqatçı, müstəntiq, prokuror, həmçinin zərərçəkmiş şəxs, xüsusi ittihamçı, mülki iddiaçı ittiham tərəfi, 7.0.28-ci maddəsinə görə isə şübhəli və ya təqsirləndirilən şəxs, onun müdafiəçisi və mülki cavabdeh müdafiə tərəfi hesab olunur.

İttiham tərəfi cinayət hadisəsinin baş verməsini, cinayət qanunu ilə nəzərdə tutulmuş əməlin əlamətlərinin mövcudluğunu, bu əməlin törədilməsinə təqsirləndirilən şəxsin

aidiyyətini, cinayət törətmiş şəxsin cinayət məsuliyyətinə cəlb olunmasının mümkünlüyünü sübut edir. Müdafiə tərəfi isə cinayət təqibi ilə bağlı irəli sürülmüş ittihamı təkzib edir və ya cinayət prosesini həyata keçirən orqanın diqqətini təqsirləndirilən şəxsin cinayət məsuliyyətindən azad edilməsinə və ya cinayət məsuliyyətini yüngülləşdirən halların mövcudluğuna cəlb edir (Cinayət-Prosessual Məcəlləsinin 32-ci maddəsi).

Qanunverici tərəfindən cinayət mühakimə icraatının çəkişmə prinsipinə müvafiq olaraq həyata keçirilməsinin müəyyənləşdirilməsi, tərəflərin müəyyən hədlərdə prosessual müstəqilliyinin təmin olunmasına, onların prosessual mövqe və məqsədlərinin konkretləşdirilməsinə, həmçinin prosessual funksiyaların tarazlaşdırılmasına yönəlmişdir.

İttiham və müdafiə tərəflərinin çəkişməsi cinayət mühakimə icraatının bütün mərhələlərini əhatə edir və məhkəmə tərəfindən qanuni, əsaslı və ədalətli hökm çıxarılmasına şərait yaradır.

Cinayət-Prosessual Məcəlləsində nəzərdə tutulan digər prinsiplər də (hər kəsin qanun və məhkəmə qarşısında hüquq bərabərliyi, Konstitusiyaya və təsbit edilmiş insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarının təmin olunması, təqsirsizlik prezumpsiyası və s.) cinayət mühakimə icraatında tərəflərin və cinayət prosesində iştirak edən digər şəxslərin prosessual hüquq və vəzifələrinin dolğun yerinə yetirilməsinə təminat verir.

Beləliklə, konstitusiyaya və cinayət mühakimə icraatlarının prinsipləri olaraq, məcmu halda konstitusional və cinayət mühakimə icraatlarının təyinatına xidmət edən, onların məqsəd və vəzifələrinə nail olunmasının təminatına istiqamətlənən və nəzərdən keçirilən institutların digər məhkəmə icraatı növləri ilə həm eyniləşdirən, həm də onları fərqləndirən ümumi xarakteristikalarını müəyyən etməyən imkan verməklə qarşılıqlı şərtlənən əsas hüquqi ideyaların, rəhbər müddəaların strukturca nizamlanmış məcmusu, sistemi kimi müəyyən etmək olar.

İstifadə olunmuş ədəbiyyat

1. Abbasova F.M. Cinayət prosesi. Dərslik. Ümumi hissə. Bakı, 2015.
2. Fəlsəfə ensiklopedik lüğəti. Bakı, 1997.
3. Musayev H. İnsan və vətəndaq hüquqlarının və azadlıqlarının qorunması məhkəmə ekspertizasının əsas prinsiplərindən biri kimi Məhkəmə ekspertizası, kriminalistika və kriminologiyanın aktual məsələləri. Elmi əsərlər məcmuəsi. Bakı, 2014, №62, s.33-39.
4. Райкова Н.. Система принципов конституционного судопроизводства //Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып.326.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005.
6. Несмянова С.Э. Конституционный судебный контроль в РФ: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2004.
7. Назарова И.С. Конституционное судопроизводство: на материалах деятельности Конституционного Суда РФ: дисс...к.ю.н. М., 2003.
8. Nəsirov E.H., Əyubov A.V. «Lex specialis derogat legi generali» - xüsusi qanun ümumi qanunu ləğv edir prinsipinin hüquqtətbiqetmə təcrübəsində yaratdığı problemlər Bakı universitetinin xəbərləri. Sosial-siyasi elmlər seriyası. 2013, №3.
9. Əsgərov Z. Hüquqi müəyyənlik prinsipi hüquqi dövlətin əsas elementlərindən biri kimi Məhkəmə ekspertizası, kriminalistika və kriminologiyanın aktual məsələləri. Elmi əsərlər məcmuəsi. Bakı, 2012, №57.
10. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. Самара, 2004.
11. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционное юстиция в РФ. М., 1998.
12. Баландин В.Н., Павлушина А.А. Принципы юридического процесса. Толятти, 2001.
13. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М., 1971.
14. Громов Н.А., Николайченко В.В. принципы уголовного процесса, их понятие и система//Государство и право. 1997. №7, с.33-40.
15. Mövsümov C.H. Sovet cinayət prosesi. Bakı: Maarif, 1989.
16. Cəfərquliyev M.Ə. Azərbaycan Respublikasının cinayət prosesi. Bakı, 2008.

Хаджар Гурбанова

Конституционные принципы уголовного и конституционного судопроизводства

Резюме

В статье рассмотрены основные направления конституционных и уголовных судопроизводств, указаны цели и задачи этих форм судопроизводств, проведен анализ конституционных принципов упомянутых судопроизводств. С этой целью были исследованы некоторые статьи Конституции Азербайджанской Республики, Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», Уголовно-Процессуальный Кодекс, проанализированы мнение и позиция Ф.М. Аббасовой, М.А. Джафаргулиева, Дж.Г. Мовсумова и других авторов.

Hajar Gurbanova

The constitutional principles of the constitution and crime justice proceedings

Summary

The main appointment of Constitution and criminal proceedings was reviewed in the article, purpose and duties of each of these judicial proceedings forms were indicated, analysis of constitutional principles of the said judicial proceedings was conducted. For this purpose, the Constitution of the Republic of Azerbaijan, Law of Azerbaijan Republic about “Constitutional Court”, several articles of Criminal Procedure Code were investigated, opinions and positions of F.M.Abbasova, M.A.Jafarguliyev, J.H.Movsumov and others related to the issues reviewed in the article were analyzed.

СЕРГЕЙ КОНДРАТЮК

Доцент Львовского государственного университета внутренних дел Украины,
кандидат экономических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Açar sözlər: seym, senat, dekret, konstitusiyaya.

Ключевые слова: сейм, сенат, декрет, конституция.

Key words: Seym, Senate, decree, constitution.

Постановка проблемы. Первая мировая война (1914-1918 гг.) стала мощным двигателем для польского народа в борьбе за возрождение и независимость своего государства, которую они потеряли более 120 лет назад после трех разделений Первой Речи Посполитой (1172, 1793, 1795 гг.).

Результатом Первой мировой войны стал крах Российской и Австро-Венгерской империй, появление на их обломках новых самостоятельных государств – Польской республики, Чехословацкой Республики (ЧСР), Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии), Австрии, Венгрии, Финляндии, Литвы, Эстонии, преобразовавших геополитическую карту Европы и радикально изменивших соотношение сил не только в Европе, но и во всем мире.

Польская политическая элита четко сформулировала и воплотила в жизнь фундаментальные научно-методологические основы национально-государственной концепции: право поляков на возрождение собственного государства; политическую самостоятельность и независимость Польши; генетическую связь с давней Первой Речью Посполитой; наследственность границ, национальных традиций и культуры.

Учитывая то, что политико-правовая история Украины и Польши имеет значительные традиции добрососедства и взаимопонимания, героических страниц борьбы за общественные идеалы, взлетов и падений, автор пытается раскрыть отдельные этапы, особенности и нормы, которые использовались Польшей на пути к государственной независимости.

Цель статьи. Автор поставил своей целью сделать углубленный анализ правового поля возрождения и первых шагов построения независимой Польши в начале XX в. и место украинцев Восточной Галиции в этом процессе.

Состояние исследования. Многие проблемы политического и юридического возрождения Польской Республики исследовали украинские и польские ученые – Т.Андрусак, Л.Алексеевец, Я.Грицак, Л.Зашкильняк, А.Зайцев, Н.Крикун, В.Кульчицкий, М.Кобилецкий, В.Макарчук, Б.Тыщик, А.Айненкель, М.Топорек, Т.Налеч, И.Пайевский, М.Папежинска-Турек, М.Фелински и др.

Изложение основных положений. Возобновление 11 ноября 1918 г. независимой Польши, провозглашение ее республикой стало логическим завершением продолжительной национально-освободительной борьбы поляков за создание собственного государства. Используя национальные традиции и свой опыт создания государства, что был неоднозначным, а иногда и противоречивым, поляки, тем не менее, поступательно двигались в направлении формирования национального госу-

дарства и утверждения его правовой основы.

С возрождением независимой Польши возник вопрос о формировании модели политико-государственного устройства с учетом и собственных, и западно-украинских традиций европейского парламентаризма. Одним из главных заданий провозглашенной Второй Речи Посполитой было создание государственного механизма – центрального и местного управления, внедрение своей правовой системы. С этой точки зрения польские политики сразу же акцентировали на развитии независимых государственных структур. Согласно «Декрета об организации Временных центральных государственных органов» от 22 ноября 1918 г., высшая власть в стране принадлежала Ю.Пилсудскому – Временному Начальнику государства. Он стал также Верховным командующим польского войска. Принято также 28 ноября «Декрет об избирательном законе» («избирательной ординации»), что устанавливал равное, прямое, тайное и общее избирательное право, первые парламентские выборы в обновленной Польше в Законодательный сейм. Зафиксированные в этом документе принципы положены в основу выборной системы, которая действовала с небольшими изменениями в Польше по 1935 г. [3, с.257].

Принятие этого закона позволило Польскому государству стать в один ряд с Великой Британией и Францией, которые имели давние демократическо-парламентские традиции.

Установительный сейм 10 февраля 1919 г. избрал своим маршалом (главой) национального демократа В.Трошинского, а 20 февраля Ю.Пилсудский сложил полномочия Временного Начальника государства. Сейм принял так называемую Малую Конституцию – закон о временной организации власти, а также дал поручение Ю.Пилсудскому продолжать исполнение обязанностей Начальника государства. Срок полномочий сейма не был определен,

ему подчинялись все органы власти, в том числе министры и Начальник государства. Ему принадлежало также исключительное право утверждать законы [5, с.95].

В феврале 1919 г. сейм создал конституционную комиссию, которая подготовила проект Конституции по образцу Основного закона Третьей республики (Франции, 1870-1940гг.). В связи с тем, что в сейме никакая политическая сила не имела большинства, Конституция Польской республики, принятая 17 марта 1921 г., стала результатом компромисса. Она задекларировала республиканскую форму правления, представительскую демократию, разделение власти, унитарность государства. Согласно Конституции, законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту – сейму (444 депутата) и сенату (111 чел.). Полномочия законодательного органа распределялись на законодательные, контрольные, избирательные и конституционные. Сенат мог задержать утверждение закона, принятого сеймом, но не имел права «вето».

Имея в виду существенные изменения, что происходили в процессе формирования польской политической системы, расстановки и взаимодействия политических сил общества, с ноября 1918 г. по майский (1926 г.) государственный переворот можно выделить отдельные периоды, в рамках которых темпы, формы, методы, интенсивность и результативность преобразований создания государства были разными, хотя поступательность сохранялась постоянно.

Первый период (11 ноября 1918 г. – 17 марта 1921 г.) – это время формирования польской национальной государственности, нормативно-правового аргументирования общественно-политического устройства обновленной Польши, установление ее территориальных границ. Можно констатировать, что сам процесс формирования политической независимости Польской державы был завершен в 1921 г., после международно-правового урегули-

рования границ и принятия в марте Конституции Польской республики.

Второй период – с 17 марта 1921 г. по 14 мая 1926 г., когда парламентская система функционировала в мирных условиях и произошел поиск путей стабилизации. Определяющие принципы внутренней организации Польского государства были сформированы под влиянием двух главных факторов: традиций и обычаев жизни поляков, прежде всего Древней Речи Посполитой, которая стала своеобразной национально-духовной основой Второй Речи Посполитой в начале XX в., и сложной геополитической ситуации. Это и определяло постоянное чрезвычайное положение в стране.

Третий период – 1926-1937 гг. – политика давления сменилась политикой некоторых уступок, исканий компромисса, хотя бы его имитации. Пилсудчики вытеснили политику «инкорпорации», а вместо нее восстанавливали федералистическую программу, которая в 20-30-х годах была известна как доктрина польского прометезизма – курса государственной ассимиляции (денационализации), особенно языковой, путем принуждения [1, с.89].

Процесс созидания государства в Польше междувоенного периода основывался на двух принципиальных, но противоречивых положениях – демократии и авторитаризме. В начале формирования польской национальной государственности доминировали демократические нормы, но вскоре ситуация изменилась. Под влиянием Ю.Пилсудского, его единомышленников и различных обстоятельств начали усиливаться властные тенденции превращения демократии в авторитаризм. В конечном результате это привело к майскому государственному перевороту 1926 г.

Возрождение польской государственности произошло в процессе активизации демократических сил и революционных движений. Усиление политической деятельности в различной среде населения сделали невозможным установление в

начале XX в. монархии, к чему стремилась часть польских консервативных политических деятелей. В политических программах они обращались к традициям большого европейского государства, которое существовало до разделений Речи Посполитой. Но сравнивая ситуацию в Европе начала XX в. и конца XVIII в., мы можем утверждать, что она кардинально изменилась, а это требовало принципиально новых взглядов и подходов. Архаичский монархизм не вписывался в такое переустройство Европы. Последним ударом по монархической концепции – оказалось народное правительство в Люблине, которое решило строить Польскую державу путем парламентской республики [19, с.23].

Манифест Люблинского Временного народного правительства Польской республики определил политическое устройство государства, провозгласив далеко идущие общественные реформы. Польская держава задекларирована как народная республика во главе с президентом, избранным Законодательным сеймом, который созвали на протяжении двух ближайших месяцев «в соответствии с положением о выборах». Все граждане, несмотря на происхождение, религию и национальность, должны иметь равные права и обязанности относительно государства. Манифест провозглашал свободу совести, печати, слова, объединений, демонстраций, обществ, профсоюзов и забастовок, предвидел реорганизацию территориального самоуправления на демократических принципах и создание милиции [17, с.130-132].

Тогда же было сформировано общенациональное правительство, куда вошли члены ППС-фракции – Л.Василевский, Т.Арцичевский, людовцы из ПСЛ «Вызволене» – С.Тугутт, Т.Ночницкий, несколько беспартийных и т.д. [18, с.442-443]. Его возглавил Е.Морачевский [14, с.2], представитель правового крыла ППС. Хотя западные государства не признали этого

правительства, его деятельность все же сыграла большую роль в становлении польской национальной государственности.

Перед новой польской властью возникло очень сложное задание – вывести страну из хаоса и защитить ее от внешней угрозы. 21 ноября 1918 г. был издан Манифест к народу, где провозглашались народность власти и осуществления первоочередности социальных реформ, какие должен был утвердить будущий Законодательный сейм [20, с.19]. В этом же году 22 ноября правительство Е.Морачевского издало «Декрет о верховной представительной власти Польской республики», провозглашая Польскую республику [10].

Большинство поляков поддержали будущее устройство государства, которое предложило правительство. Польша должна была стать демократической республикой по образцу западных демократий. На основании Декрета Ю.Пилсудский, как уже отмечалось, получил самую большую правительственную должность в стране – Временного Начальника государства с правом увольнять правительство, утверждать или отменять правительственные законопроекты и бюджет, назначать высших должностных лиц и т.д. [10], а также занимал должность Верховного главнокомандующего Вооруженных сил. Эти полномочия он мог использовать только к моменту созыва Законодательного сейма. В провозглашенном Декрете (ст. 3) указывалось, что законодательные проекты, которые принимает Совет министров, должен утвердить Начальник государства. Они вступают в силу с момента публикации в «Дневнике прав», но утрачивают правомочность, если не будут поданы для утверждения на первом заседании Законодательного сейма [10]. Издание «Декрета о высшей власти» можно считать первым шагом при строительстве Польского государства.

Итак, дальнейшее развертывание строительства демократической Польши зависело

от Законодательного сейма, избранного свободным волеизъявлением народа. На этом принципиальном утверждении настаивал и Временный Начальник державы Ю.Пилсудский. С его точки зрения, только парламент, сформированный путем демократических выборов, может стать настоящим центром государственной власти.

Как уже отмечалось, 28 ноября 1918 г. был провозглашен «Декрет об избирательном законе» («избирательной ординации») [11] и одновременно на 26 января 1919 г. назначены выборы в Законодательный сейм [13]. Эта дата, с одной стороны, продиктована стремлением выиграть время (выборы должны были укрепить позиции правительства и государства, все еще не определенной де-юре на международной арене), а с другой – необходимостью обеспечить внутреннюю стабилизацию.

Осуществление широких реформ правительством Е.Морачевского замедлил Декрет от 22 ноября 1918 г., согласно которому Кабинет министров должен был только доработать их проекты для дальнейшего представления в будущий Законодательный сейм, хотя эти проекты имели чрезвычайное общественно-государственное значение.

Два Декрета кабинета Е.Морачевского – о 8-часовом рабочем дне и положении о выборах в сейм – начали действовать без их представления Законодательному сейму. В это время уже вступили в силу права на забастовки и объединения в профсоюзы. Программа Люблинского правительства, а со временем – кабинета Е.Морачевского была реализована частично, хотя исполняла для польского общества особенную роль: указывала путь, по которому должна развиваться Польша, – путь глубоких общественных реформ [25, с.39].

Большинство политических сил Польши признавало республиканско-парламентское устройство, поскольку оно утвердило бы будущий Законодательный сейм. Тем не менее общественно-политическая ситуация в стране оставалась сложной.

Интересы оппозиции на международной арене представлял Польский национальный комитет. В связи с этим Польша имела два высших политических руководящих центра: в стране де-факто власть принадлежала Ю.Пилсудскому и подлежащему ему же кабинету Е.Морачевского; вне страны – Р.Дмовскому, которого признали государства Антанты. В Польше он не имел реальной власти, хотя и пользовался поддержкой значительной части общества.

Тем временем с принятием Декрета от 28 ноября 1918 г. в стране началась подготовка к выборам в Законодательный сейм. Согласно избирательного закона, как уже подчеркивалось, устройство Польши должен был определять однопалатный парламент, избранный на основании общих, равных, прямых (непосредственных), пропорциональных принципах [6, с.25]. Положение о выборах позволяло реально определить политические течения в обществе, потому что привлекало к избирательному процессу систему голосования списками, распространённую в Европе. Была создана несложная процедура их представления: достаточно было 50 подписей жителей того или иного округа, чтобы окружная избирательная комиссия зарегистрировала список и присвоила ему соответствующий номер [16, с.476]. Страна распределялась таким способом: один депутат соотносился в среднем на 50 тыс. жителей [9, с.81].

«Декрет об избирательном законе» («избирательной ординации») имел определенные «пробелы», прежде всего в структуриализации территорий, где должны происходить выборы. Поэтому сразу же был принят еще один «Декрет о выборах в Законодательный сейм». Он, собственно говоря, назначил выборы на 26 января 1919 г. и внес некоторые коррективы к «избирательной ординации».

Итак, 26 января 1919 г. выборы в Законодательный сейм состоялись. Они прошли организованно и при высокой

активности населения. Не существовало ни одного избирательного округа, где бы голосовало менее 60 %, а во многих – 90-95 % избирателей [21, с.263-265]. Такая ретивость населения опровергла популярную среди значительной части политикума мысль о незрелости общества, отсутствии интереса к публичным делам, подтверждала «патриотизм, единство с державой, которая возрождалась» [15, с.123].

Выборы охватили территории Королевства Польского и Западной Галиции. Победили 35 % голосами силы, сосредоточенные вокруг «энденции». Избранно соответственно 220 и 71 депутат. На подрусской территории, с точки зрения международных правовых требований, выборы не проводились. Однако Декрет от 7 февраля 1919 г. предвидел ввести в состав Законодательного сейма 16 поляков, которые в 1918 г. были членами парламента Германии [12]. В сейме также заседали 28 послов Австрийского парламента. Вначале заседаний численный состав депутатов равнялся 335 чел., а в июне 1919 г. – 388. В связи с этим к моменту выборов сейм постоянно пополнялся и в мае 1920 г. имел уже 412 депутатов. Численный состав сейма изменился последний раз в марте 1920 г., когда в него вошли 20 депутатов из Виленского сейма [7, с.18].

Политические силы сразу же распределялись таким способом: правые сосредоточились вокруг Народовой демократии; центр – людовое (крестьянское) движение, еврейские партии; левые – рабочие партии рабочих во главе с самыми влиятельными социалистами. Большинство в Законодательном сейме не сложилось. К 3 апреля 1919 г. здесь создано 10 фракций, хотя его структуриализация не отличалась стабильностью. В начале 1920 г. фракций уже насчитывалось 15, а в ноябре 1922 г. – 17. Анализируя политическую ориентацию депутатов, отметим, что правые клубы сосредоточили 25 % всех депутатов, центр – 64 %, левые – 16 %, национальное меньшинство – 4 % [7, с.26]. В целом

сформированная в Законодательном сейме организационная структура, характерная выступлениями в палате парламентских фракций, что представляли все политические группировки (им принадлежала соответствующая роль в политической жизни польского общества), просуществовала к 1935 г. Как подчеркивал А.Айненкель, острые межфракционные споры не касались только двух вопросов: 1) все депутаты, польские парламентские фракции единодушно отстаивали позицию национальной польской государственности, хотя очень отличались касательно методов, которыми необходимо было укреплять и защищать независимость Польши; 2) политические силы, действовавшие в сейме, принимали «восходящим пунктом существующие капиталистические отношения» [8, с. 158].

Заседание первой сессии сейма началось 10 февраля 1919 г. В рабочей части было рассмотрено и одобрено 210 декретов – их издал Начальник государства, а правительство предложило на утверждение в сейме [23, с.18].

Сразу же после созыва сейма прекратил действенность «Декрет о самой высшей представительской власти республики Польши». Рада старейшин на заседании 19 февраля 1919 г. подготовила проект постановления дополнительным протоколом о том, что «временные стратегические или тактические распоряжения» Начальника государства не подлежат контролю палаты [7, с.40].

На следующий день единогласно было принято «Постановление Законодательного сейма» от 20 февраля 1919 г. в деле доверения дальнейшего исполнения функций Начальника государства [22]. Оно получило название Малой Конституции и вошло с ним в историю. И хотя это понятие нормативно не дефинированное, его долгое время использовали в политической научной терминологии. Принятый документ состоял с двух частей. В первой – сейм подтвердил, что принимает к сведению заявление Ю.Пилсудского и

благодарит его за службу Отчизне. Во второй отмечалось: к времени «законного принятия такого содержания Конституции, который принципиально определит правила организации верховной власти в Польской державе», сейм поручает Ю.Пилсудскому дальнейшее исполнение функции Начальника государства.

Малая Конституция внедряла в Польшу систему правления, где сейм возглавил все другие органы власти. Их роль сводилась к своеобразному исполнительному комитету парламента, лишённого собственных независимых полномочий. И так, диктатуру Начальника государства, по крайней мере теоретически, сменяла диктатура сейма. Малая Конституция стала точкой отсчёта польского пути парламентской демократии.

И все же неотложным вопросом избранного парламента было создание дееспособного эффективного правительства, то есть высшей исполнительной власти. Сама эволюция исполнительной власти на протяжении каденции Законодательного сейма – это серьёзный предмет исследования для ученых. Подчеркнем, что почти за четыре года путь администрирования прошли восемь кабинетов:

1. И.Падеровского (16 января 1919 – 9 декабря 1919);
2. Л.Скульского (13 декабря 1919 – 24 июля 1910);
3. В.Грабского (23 июня 1920 – 24 июля 1920);
4. В.Витоса (24 июля 1920 – 13 сентября 1921);
5. А.Пониковского (19 сентября 1921 – 05 марта 1922);
6. А.Пониковского (10 марта 1922 – 6 июня 1922);
7. А.Сливинского (28 июня 1922 – 7 июля 1922);
8. Ю.Новака (31 июля 1922 – 14 декабря 1922) [8, с.161].

Эти правительства были вынуждены искать разные пути решения проблем, связанных с преодолением послевоенного экономического кризиса, острых социаль-

ных и национальных конфликтов.

Одновременно смена кабинетов министров прежде всего подтверждала противостояние между Начальником державы и сеймом, а затем – взаимосражение между политическими группировками – центристами, правыми, левыми, в первую очередь за должность премьера. Но никаких попыток провести через сейм интересы чужого государства или чуждой идеологии не прослеживалось. Все политические силы действовали исключительно по утверждению национальных интересов поляков, их гуманитарных ценностей.

Для становления политической системы Второй Речи Посполитой большое значение имели создание и принятие ее Основного закона. Подготовкой Конституции Польши, которая должна была определить также модель государственного устройства, началась сразу же после получения независимости. На первоначальном этапе формирования проекта Основного закона выделим периоды: январь-июль – разработка и поиск компромисса в конституционной комиссии; июль 1920 г.- март 1921 г. – парламентская дискуссия и принятие Конституции.

После долгих дебатов и рассмотрения различных проектов Конституцию приняли 17 марта 1921 г. большинством голосов. Она была компромиссной, поскольку и левые, и правые политические группировки не имели шансов осуществления собственных концепций устройства державы. Парламент, несомненно, принял демократический документ. Определяющей чертой закона стало преимущество сейма над органами исполнительной власти.

Текст мартовской Конституции складывается со вступления и 7 разделов (126 статей):

- I. Речь Посполитая (республика) – ст.1–2;
- II. Законодательная власть – ст.3–38;
- III. Исполнительная власть – ст.39–73;
- IV. Судовая система – ст.74–86;
- V. Общие гражданские обязанности и

права – ст. 87–124;

VI. Общие положения – ст. 125;

VII. Временные постановления – ст.126 (опубликовано в «Вестнике законов Польской республики» 1 июля 1921 г.) [24].

Основные принципы Конституции независимой Польши учитывали различные устои, в том числе древние традиции общественного и государственного устройства. Чрезвычайную весомость приобрело также принятие принципа непрерывности государственности. Восходящими считались положения, что возрожденная страна – государство народа, который жил во времена Первой Речи Посполитой. В связи с этим отклонялась концепция о трактовании Польши как нового государства.

Польша с принятием Конституции, как уже отмечалось, стала в ряд современных демократических государств. Так завершился первый период – с ноября 1918 по март 1921 г. – становления политической и правовой системы Второй Речи Посполитой.

Возрождение Польши, которая захватила Восточную Галицию и Западную Волынь, при содействии руководителей Антанты и США, имело воздействие относительно дальнейшего политического и национально-культурного развития украинского этноса на украинских территориях площадью 130 тыс. кв. км. с населением около 10 млн чел. или 30% от населения Польши.

У возрожденной Польши был самый высокий процент в Европе национальных меньшинств. В 1921 г. поляки составляли 69,2 %, украинцы – 14,3%, евреи – 7,8%, белорусы – 3,9 %, немцы – 3,9 % [2, с.17]. Польша официально даже не скрывала своих оккупационных планов относительно Восточной Галиции.

Несмотря на то, что в решении конференции послов стран Антанты Польша должна была обеспечить автономию этого края, политическую, религиозную и личную свободу украинского населения, поля-

ки никогда их не выполняли. Украинцы чувствовали дискриминацию в отрасли языка и образования. В частности запрещалось употреблять слова «украинец» и «украинский». Польская власть активно работала в направлении асимилиации украинцев. Все это способствовало активизации украинского национального движения в Восточной Галиции. Его возглавили четыре основные политические партии: Украинская народная трудовая партия (УНТП, до 1919 г. – Национально-демократическая); Украинская радикальная партия (УРП); Украинская социал-демократическая партия (УСДП); Украинская христианско-общественная партия (УХОП) [4, с.104]. Как партии парламентского типа, они сосредоточили свою работу в Украинской парламентской репрезентации, защищая интересы украинского народа, его социальные, национальные и

политические права, организовывали борьбу за украинскую государственность, воссоединение всех украинских земель в едином независимом государстве.

Выводы. Таким образом, в результате правильно избранной и выработанной национально-государственной концепции на возрождение собственного государства польский народ объединился. Его элита, а самое главное – большая поддержка руководителей стран Антанты и США способствовали польскому народу возродить свое государство – Вторую Речь Посполитую, определить ее восточные и северные границы. Польша должна была создать надлежащие условия для свободного культурно-национального развития национальных меньшин, в том числе и для украинцев Восточной Галиции.

Литература:

1. Бойко О. История Украины в XX веке / О. Бойко. – Нижын: Стиль, 1994. – С.89.
2. Гловацкий И. Украинские адвокаты в политических судебных процессах в Восточной Галиции / И. Гловацкий. – Львов: Триада плюс, 2003. – 348 с.
3. Калинчын В. Становление политической системы Второй Речи Посполитой 919-1926) / В. Калинчын // Международные связи Украины. Научные поиски и находки. – 2005. – Вып.14. – С.257.
4. Нариси з історії суспільних рухів і політичних партій в Україні (XIX-XX ст.) / Я.Й. Малик, Б.Д. Вол, С.Д. Гелей та ін.: За загальною ред. д-ра іст. наук, проф. Малика Я.Й. Навч. посіб. – Львів: Світ, 2001. – 296 с.
5. Прысташ А. Структура центрального государственного аппарата Польши за Конституцией 1921 р. / А. Прысташ // Право Украины. – 1998. – № 9. – С.95.
6. Ajnenkiel A. Sejm jako czynnik integracji narodu i państwa // Ajnenkiel Andrzej, Gwiżdż Andrzej, Pietrzak Michał, Zakrzewski Andrzej. Sejmy Drugiej Rzeczypospolitej / Pod. red. Andrzeja Zakrzewskiego. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1990. – S.9–53.
7. Ajnenkiel A. Historia Sejmu Polskiego. – T.II. Cz.II. II Rzeczypospolita. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1989. – 40 S.
8. Ajnenkiel A. Konstytucje Polski w rozwoju dziejowym 1791–1997. / A. Ajnenkiel – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2001. – S.158, 161.
9. Ajnenkiel Andrzej. Ustrój i prawo Drugiej Rzeczypospolitej / Andrzej Ajnenkiel // Polska odrodzona 1918–1939. – Państwo. Społoczenstwo. Kultura / pod. Red. Jana Tomickiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1982. – S.81.
10. Dekret o najwyższej ustawodawczej Republiki Polskiej // Dziennik Praw Państwa Polskiego. – Dz Pr PP. – 1918. – № 17. – Poz.41.
11. Dekret o ordynacji do Sejmu Ustawodawczego // Dz Pr PP, 1918. – № 18. – poz.46.
12. Dekret o wprowadzeniu do Sejmu Ustawodawczego RP Polaków posiadających mandat

- poselski do parlamentu Rzeszy Niemieckiej w 1918 r. // Dz Pr PP. 1919. № 14, – Poz.193.
13. Dekret o wyborach do Sejmu Ustawodawczego // Dz Pr PP, 1918. – № 18. – poz.47.
14. Do Ob.Jędrzeja Moraczewskiego// AAN, Akta Leona Wasilewskiego. – Sygn.68. – S.2.
15. Giwiźdź A. Formy pracy sejmów Drugiej Rzeczypospolitej // Ajnenkiel Andrzej, Gwiźdź Andrzej, Pietrzak Michał, Zakrzewski Andrzej. Sejmy Drugiej Rzeczypospolitej: pod. red. Andrzeja Zakrzewskiego. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1990. – S.105–165.
16. Listy wyborcze. Sejm Ustawodawczy // Poglówie I senatorowie Rzeczypospolitej Polskiej. 1919-1939. – Warszawa: Wydawnictwo sejmowe, 1998. – S.476.
17. Manifest Tymczasowego Rządu Republiki Pokskiej // Kumaniecki K.Odbudowa państwowości. – S.130–132.
18. Nr 225. 1918 listopad 18, Warszawa / Protokół pierwszego posiedzenia Rady Ministrów RP // Powstanie II Rzeczypospolitej. – S.442–443.
19. Republika Pokska. Tymczasowy Rząd Ludowy // Thugutt S. Rząd ludowy w Lublinie. – Warszawa, 1928. – S.23.
20. Roszkowski W. Historia Polski 1914–2001 / W. Roszkowski. – Warszawa, 2003. – S.19.
21. Rzepecki T. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej 1919 roku/ T. Rzepecki. – Poznań, 1920. – S.263–265.
22. Sprawozdanie stenograficzne z 1 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego. – S.8–26.
23. Sprawozdanie stenograficzne z posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 20 II 1919 r. – łam.54–58.
24. Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku Konstytucja Rzeczypospolitej Poiskiej // Dziennik Ustaw Rreeczypospolitej Poiskiej. – 1921. – №r 44. – Poz.267.
25. Zaremba P. Historia Dwudziestolecia 1918-1939 / P. Zaremba. – Przyg. do druku M.Łatyński. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991. – S.39.

Sergey Kondratyuk

Ukrayna DİN-in Lvov Dövlət Universitetinin dosenti, iqtisadi elmlər namizədi

İkinci Polşa-Litva Birliyinin siyasi və hüquq sistemi

Xülasə

Məqalədə ikinci Polşa-Litva Birliyinin siyasi və hüquqi sistemi təhlil edilmişdir. Məlum olduğu kimi, polyak siyasi elitası milli dövlət konsepsiyasının fundamental elmi-metodoloji əsaslarını dəqiq ifadə etmiş və həyata keçirilmişdir: bura polyakların öz dövlətini bərpa etmək hüququnu, Polşanın siyasi sərbəstliyini və müstəqilliyini, qədim Polşa-Litva Birliyi ilə genetik əlaqəni, sərhədlərin, milli ənənə və mədəniyyətini göstərmək olar.

Ukrayna və Polşanın siyasi-hüquqi tarixində mehriban qonşuluq və anlaşma ənənələrinin, ictimai ideallar mübarizəsindən qəhrəman tarixin olmasını, münasibətlərin tənəzzülü və yüksəlişini nəzərə alaraq, müəllif Polşa tərəfindən dövlət müstəqilliyi yolunda istifadə olunan norma və xüsusiyyətləri, ayrı-ayrı tarixi mərhələləri açıqlamışdır.

İkinci Polşa-Litva Birliyinin siyasi və hüquqi sisteminə dair məsələlər bir çox Ukrayna və Polşa alimləri tərəfindən tədqiq olunmuşdur, onların arasında T. Andrusyek, L. Alekseyevets, Y. Qritsak, L. Zaşkilnyak, A. Zaytsev, N. Krikun, V. Kulçitskiy, M.Kobiletskiy, V. Makarçuk, B. Tışık, A. Aynenkel, M. Tonorek, T. Naleç, İ. Payevski, M. Papejinska-Turek, M. Felinski və b.

XX əsrin əvvəlində müstəqil Polşa dövlətinin bərpası və qurulmasının hüquqi sahəsinin dərin təhlilini məqalə müəllifi bir məqsəd kimi qarşısına qoymuşdur.

Sergei Kondratuk
Associate Professor of Lviv State University of Internal Affairs of Ukraine, PhD in
Economics

Political and legal system of the Polish-Lithuanian Commonwealth

Summary

In this paper political and legal system of the Polish-Lithuanian Commonwealth is analyzed. It is a well-known fact that a Polish political elite clearly defined and carried out into practice some fundamental, scientific and methodological principles of national and governmental concept, such as: the Poles' right to revive their nation, political independence and sovereignty of Poland, genetic link with ancient Polish-Lithuanian Commonwealth, borders', national traditions' and culture's heredity.

Considering that political and legal history of Ukraine and Poland have had a great deal of tradition, neighbourliness and mutual understanding; heroic battles for social ideas; relationship improvements and breakdowns; the author tries to disclose some particular periods, their peculiarities and principles employed by Poland on the way to its national independence.

Political and legal system questions of Polish-Lithuanian Commonwealth II were studied by many Ukrainian and Polish scientists, such as: T.Andrusyak, L.Alyeksyevtsev, Y.Hrytsak, L.Zashkilnyak, A.Zaytcev, N.Krykun, V.Kultchytskyi, M.Kobyletskyi, V.Makartchuk, B.Tyshchuk, A.Aynenkel, M.Toporek, T.Naletch, I.Payevskyi, M.Papezhynska-Turek, M.Felinski etc.

The author has set the goal to analyze thoroughly the legal area and its formation of the independent Polish state at the beginning of XX.

ANARA HACIYEVA

AR Elmlər Akademiyası İnsan Hüquqları İnstitutunun doktorantı

MÜASİR DÖVRDƏ AZƏRBAYCANDA MULTİKULTURALİZM ƏNƏNƏLƏRİNİN AİLƏ MÜNASİBƏTLƏRİNƏ TƏTBİQİNİN İNKİŞAF HARMONİYASI

Açar sözlər: mədəniyyətlərarası dialoq, mədəniyyət, qloballaşma, tolerantlıq,

Ключевые слова: межкультурный диалог, культура, глобализация, толерантность, брак, семейное отношение.

Keywords: intercultural dialogue, culture, globalization, tolerance, marriage, family relations .

Xalqımızın öz milli mənəvi dəyərlərini yüksək səviyyədə qoruya bilməsi və inkişaf etdirməsi müasir Azərbaycanın inkişafına öz təsirini göstərmiş, ölkədə multikulturalist və tolerant cəmiyyətin formalaşmasına zəmin yaratmışdır. Azərbaycan multikulturalist dəyərlərin aliliyini qəbul edən və bu dəyərlərin fəvqündə formalaşmış cəmiyyətin daha yüksək rifah və inkişaf modeli olduğuna inanan çox az dövlətlərdəndir desək yanılmırıq. Multikulturalizmin mahiyyətinə diqqət yetirsək, o, beynəlxalq anlayışda eyni ölkədə yaşayan xalqların mədəniyyət hüquqlarını tanıyan humanist dünyagörüşü və ona uyğun siyasət deməkdir. Məsələyə bu prizmadan yanaşdıqda deyə bilərik ki, Azərbaycanda müxtəlif millətlərin, dinlərin və mədəniyyətlərin nümayəndələrinin sərbəst yaşamaları üçün bütün zəruri şərait yaradılıb. Ölkəmizdə multikulturalizm ənənələrinin güclənməsinə müstəqilliyin bərpasından sonra göstərilən dövlət dəstəyi də dünyada nümunə sayılacaq dərəcədədir. Azərbaycan bu gün hər bir dünya vətəndaşı üçün multikultural məkana çevrilib. Dövlətimiz və xalqımız öz multikultural həyatını,

təhlükəsizliyini yaradır və onun prinsiplərini müəyyənləşdirir. Bu baxımdan multikulturalizm anlayışını həm bəşəri, həm də milli dəyərlərin eyni vaxtda mövcud olması kimi səciyyələndirmək olar.

Bu sahədə beynəlxalq sənədlərdən həmçinin, “İnkişaf hüququ haqqında” BMT Bəyannaməsi (4 dekabr, 1986), “Milli və ya etnik, dini və dil azlıqlarına mənsub şəxslərin hüquqları haqqında” BMT Bəyannaməsi, “Elmi-texniki tərəqqinin sülh və insanlıq naminə istifadəsinə dair” BMT Bəyannaməsi (10 noyabr, 1975), Beynəlxalq mədəni əməkdaşlığın prinsipləri haqqında YUNESKO Bəyannaməsi (4 noyabr, 1966), “Avropa Mədəniyyət” Konvensiyası (19 dekabr, 1954), “Regional dillər və dil azlıqları haqqında” Avropa xartiyası (5 noyabr, 1992), “Milli azlıqların müdafiəsi haqqında” çərçivə konvensiyası (1 fevral 1995), “Mədəni özünüifadə müxtəlifliyinin qorunması və təşviqi haqqında” YUNESKO Konvensiyası (20 oktyabr 2005) və s. göstərmək olar.

Xatırlatmaq yerinə düşərdi ki, hələ 2008-ci ildə Avropa Şurasına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirlərinin Bakıda keçirilən toplantısına İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirləri də dəvət olunmuşdu. Bu, tarixdə ilk dəfə baş verirdi. 2009-cu ildə Bakıda keçirilən İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzv ölkələrin mədəniyyət nazirlərinin toplantısına isə Avropa Şurasından mədəniyyət nazirləri qatılmışdı. “Bakı prosesi” adlanan bu təşəbbüs sonradan Azərbaycanda dünya dini liderlərinin Zirvə görüşünün, mədəniyyət-

lərərası dialoq və Bakı Beynəlxalq Humanitar forumlarının keçirilməsinə təkan verdi. Bu tədbirlər isə multikulturalizm ənənələrinin təbliğində Azərbaycanın əvəzsiz rolunu göstərdi. Prezident İlham Əliyevin sərəncamı ilə Bakı Beynəlxalq Multikulturalizm Mərkəzinin yaradılması isə ölkəmizin tolerantlıq prinsiplərinə dönmədən sadıq qalmasının bariz nümunəsinə çevrildi. Azərbaycan Respublikasının 2009-cu il 26 noyabr tarixli qanunu ilə 2005-ci il oktyabrın 20-də Paris şəhərində qəbul edilmiş "Mədəni özünüifadə müxtəlifliyinin qorunması və təşviqi haqqında" Konvensiya dövlətimizin ona dair bəyanatları ilə təsdiq edilmişdir. Sözügedən Konvensiyanın rəhbər prinsipləri sırasında insan hüquqları və əsas azadlıqlarına hörmət prinsipi mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Belə ki, həmin prinsipə əsasən mədəni müxtəlifliyin qorunması və təşviqi ancaq ifadə, informasiya və kommunikasiya, fərdlərin mədəni özünüifadə formasını seçmək imkanı kimi insan hüquq və azadlıqlarının təmin olunduğu təqdirdə mümkündür. Heç bir kəs İnsan hüquqlarının Ümumi Bəyannaməsində nəzərdə tutulmuş və beynəlxalq hüquq ilə təminat verilmiş insan hüquq və azadlıqlarına qəsd etmək və ya onları məhdudlaşdırmaq məqsədilə bu Konvensiyanın müddəalarından istifadə edə bilməz. Bu Konvensiya ölkəmizin mədəniyyətlərərası dialoq və əməkdaşlıq sahəsində yeni təşəbbüslərinə əlavə təkan verəcək, ölkəmizin Avropa İttifaqının mədəniyyət layihələrində iştirak etməsinə geniş imkanlar yaradacaqdır. Qeyd olunması vacibdir ki, dünyanın bir sıra siyasi mərkəzlərinin təqdim etdiyi mühüm beynəlxalq platformalara paralel olaraq, bu gün "Bakı prosesi" deyilən daha aktual, bərabər diskursu özündə ehtiva edən, mədəniyyətləri və dinləri bir araya daha asanlıqla gətirməyi bacara bilən bir beynəlxalq diskussiya platforması formalaşmışdır. Ümumdünya mədəniyyətlərərası Dialoq Forumuna strateji nəticələr kontekstində yanaşsaq, Bakı Forumu artıq mədəniyyətlərərası məclis kimi dünya miqyaslı brend kimi səslənir. Davos Forumu

iqtisadi məsələlərin müzakirəsi üçün brendə çevrildiyi kimi, Bakı Forumu da mədəniyyətlərərası dialoq, sülh, əməkdaşlıq, irqi və dini dözümsüzlük hallarının aradan qaldırılması və s. bu kimi məsələlərin müzakirəsi üçün qlobal brend statusu qazanmaqdadır. Bu uğurlar təsadüfi deyildir. Əgər bir təşəbbüsün arxasında ölkə rəhbərliyi səviyyəsində siyasi iradə və dəstək varsa, deməli, bu, Azərbaycan dövlətinin və onun Prezidentinin dünyada sülh və dialoqa olan sadıqlığını nümayiş etdirən siyasətin təzahürüdür.

Məlum olduğu kimi, Azərbaycanın belə bir möhtəşəm tədbirə uğurla ev sahibliyi etməsi və Forumun müvəffəqiyyətlə başa çatmasının məntiqi davamı olaraq Prezident İlham Əliyev tərəfindən "Azərbaycan Respublikasında Ümumdünya Mədəniyyətlərərası Dialoq Forumunun təşkili barədə" 2011-ci il 27 may tarixli Fərman imzalanmış və beləliklə, ölkəmizdə yeni bir ənənənin əsası qoyulmuşdur. Sənədə əsasən, 2011-ci ildən başlayaraq hər iki ildən bir təşkil ediləcək Ümumdünya Mədəniyyətlərərası Dialoq Forumunun məqsədi ölkəmizin İslam dünyası ilə Qərb sivilizasiyası və eləcə də digər mədəniyyətləri təmsil edən xalqlar arasında dialoqun və etimadın möhkəmləndirilməsində mühüm rolunu nəzərə alınmaqla, müxtəlif mədəniyyətlər arasında əməkdaşlıq üçün qlobal platformanı təsis etmək və Azərbaycan xalqının tolerant mədəniyyətini, tarixi ənənələrini beynəlxalq aləmə tanıtmadır.

İkinci Bakı Forumu "Dünyanın gələcəyini necə quraq" devizi altında keçirilməsi və ali qonaqların iştirakı ilə ilk plenar sessiyasını bu mövzuda aparılması, habelə, Azərbaycanın təşəbbüsü ilə irəli sürülən "5-A" Qitələrarası Əməkdaşlıq Platforması çərçivəsində (Azərbaycan dilində bütün qitələrin adları "A" hərfi ilə başladığı üçün simvolik olaraq bu platforma 5 A -adlanır) sessiyanın keçirilməsi böyük əks səda doğurmuşdur. Onun ardınca artıq ənənəyə çevrilmiş Üçüncü Bakı Forumunun keçirilməsi aparılan geniş miqyaslı işlərin yalnız bir hissəsidir.

Azərbaycan dövləti özünün daxili

siyasətində respublika ərazisində məskunlaşmış və Azərbaycan etnogenezinin formalaşmasında müəyyən rol oynamış milli azlıqların azərbaycanlılarla yanaşı yaşamasını və onlarla bərabər bütün hüquqlara malik olmalarını qanunla həyata keçirir. Əsrlər boyu müxtəlif milli azlıqlar azərbaycanlılarla birlikdə sülh və əmin-amanlıqda yaşamışdır. Azərbaycan dövlətinin əsas məqsədi fərdlərin irqindən, inancından, etnik mənsubiyyətindən və digər hallardan asılı olmayaraq öz hüquq və vəzifələrindən eyni dərəcədə faydalandığı mühitə nail olmaqdır. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 25-ci maddəsində də təsbit olunduğu kimi, Azərbaycan dövləti irqindən, milliyyətindən, dinindən, dilindən, cinsindən, mənşəyindən, əmlak vəziyyətindən, qulluq mövqeyindən, əqidəsindən və digər ictimai birliklərə mənsubiyyətindən asılı olmayaraq, hər kəsin hüquq və azadlıqlarının bərabərliyinə təminat verir. Bu məqsədlə ölkəmizdə ratifikasiya edilmiş “İrqi ayrı-seçkiliyin bütün formalarının ləğv edilməsi haqqında” Beynəlxalq Konvensiyanın, Avropa Şurasının “Milli azlıqların hüquqlarının müdafiəsi haqqında” Çərçivə Konvensiyasının müddəalarını səmərəli şəkildə tətbiq edilməsi sahəsində bir sıra tədbirlər görmüş və görülən tədbirlərin nəticəsi kimi müsbət irəliləyişlər əldə etməkdədir.

Azərbaycanda zaman-zaman başqa xalqların nümayəndələri ilə izdivac hallarına rast gəlinə də, son illərin statistik göstəriciləri bu rəqəmlərin ilbəl artdığını göstərir. Reallıq onu da göstərir ki, tarixən özünəməxsus ailə dəyərləri ilə seçilən Azərbaycanda da dəyişən zaman, qloballaşma, informasiya və kommunikasiya texnologiyalarının, multikulturalizmin geniş vüsət alması ailə ənənələrinə öz təsirini göstərməkdədir. Qeyd etmək lazımdır ki, Azərbaycan ailəsi həmişə başqa xalqlar üçün örnək hesab olunub. Yəni Azərbaycanda ailə institutu möhkəmliyi, ailəyə yanaşma tərzinin fərqliliyi və müqəddəsliyi ilə seçilib. Lakin son zamanlar artıq ailə qurmağa yanaşmada qərribə tendensiya müşahidə olunur. Buna

daha çox əcnəbilərlə nikahda rast gəlinir.

Azərbaycan Respublikası Ailə Məcəlləsinə əsasən əcnəbilərin və vətəndaşlığı olmayan şəxslərin Azərbaycan Respublikası ərazisində nikahının bağlanması forma və qaydaları bu Məcəllənin 12-ci maddəsinin tələblərinə əməl olunmaqla, yəni nikahın bağlanmasına mane olan hallar istisna olmaqla onun ölkəsinin qanunvericiliyinin şərtlərinə əməl olunmaqla bağlanılır. Nikah bağlayan şəxsin vətəndaşlığı yoxdursa, nikahın bağlanması şərtləri onun daimi yaşadığı ölkənin qanunvericiliyi ilə müəyyən edilir. Xarici ölkələrin Azərbaycan Respublikasındakı diplomatik nümayəndəliklərinə və ya konsulluq idarələrində əcnəbilər arasında bağlanan nikah Azərbaycan Respublikasında etibarlı hesab edilir. Nikahın pozulması məsələsi isə qanunvericiliyə əsasən Azərbaycan Respublikasından kənarında Azərbaycan Respublikası vətəndaşları ilə əcnəbilər və ya vətəndaşlığı olmayan şəxslər arasında, eləcə də Azərbaycan Respublikasının vətəndaşları arasında bağlanan nikahın Azərbaycan Respublikasında pozulması Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyinə uyğun olaraq həyata keçirilir. Habelə, Azərbaycan Respublikasından kənarında yaşayan Azərbaycan Respublikası vətəndaşı Azərbaycan Respublikasından kənarında yaşayan əri (arvadı) ilə bağladığı nikahı onun vətəndaşlığından asılı olmayaraq Azərbaycan Respublikasının məhkəmələrində poza bilər. Nikahın müvafiq icra hakimiyyəti orqanında pozulmasına Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi ilə yol verilsə, həmin nikah Azərbaycan Respublikasının diplomatik nümayəndəliklərində və ya konsulluq idarələrində pozula bilər. Eyni zamanda Ailə Məcəlləsinin 156-cı maddəsinə əsasən xarici ölkələrin ailə hüquq normaları tətbiq edilərkən məhkəmə və ya müvafiq icra hakimiyyəti orqanı, yaxud başqa müvafiq təşkilatlar bu normaların məzmununu müvafiq xarici dövlətdəki rəsmi şərh tətbiqi təcrübəsinə uyğun olaraq müəyyənləşdirilməlidir. Əgər Azərbaycan Respublikasının hüquq qaydasının əsaslarına hər hansısa zidd olan hüquq normaları yaranarsa, bu hüquq normaları

Azərbaycan Respublikasında tətbiq edilmir. Bu halda Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyi tətbiq edilir.

Azərbaycan Respublikasında qaçqın statusu verilməsi haqqında ərizə təqdim etmiş və ya qaçqın statusu almış şəxslərin Azərbaycan Respublikasının vətəndaşları ilə nikah bağlamaları qanunvericiliyin tələblərinə uyğun olaraq təmin edilir. Nikaha daxil olan şəxslərə irqi əlamətlərinə, milliyyətlərinə, dini etiqadlarına, müəyyən sosial qrupa mənsubluqlarına və ya siyasi əqidələrinə görə fərq qoyulmur. Rəsmi statistikaya görə 2015-ci ildə Əcnəbilər və vətəndaşlığı olmayan şəxslərlə bağlanmış nikahların sayı 2680 nəfərdir. Bu rəqəm 2014-cü ildə 2780 nəfər təşkil edirdi.

"Əcnəbilərin və vətəndaşlığı olmayan şəxslərin hüquqi vəziyyəti haqqında" Azərbaycan Respublikası Qanununun 13-cü maddəsinə görə, əcnəbilər və vətəndaşlığı olmayan şəxslər Azərbaycan vətəndaşları və digər şəxslərlə nikah bağlaya və bağladıkları nikahı ləğv edə bilərlər. Əcnəbilər və vətəndaşlığı olmayan şəxslər nikah və ailə münasibətlərində Azərbaycan vətəndaşları ilə eyni hüquqlara malikdirlər və eyni vəzifələri daşıyırlar.

Ən maraqlı məqam ondan ibarətdir ki, dünyanın global iqtisadi böhranla üz-üzə olduğu bir dövrdə Azərbaycan dövləti və xüsusilə ali siyasi hakimiyyəti beynəlxalq miqyasda müxtəlif sivilizasiyalar arasında dialoq və anlaşmanın təşviqinə töhfə verməkdə davam edir. Bu addım xalqımızın tolerant mədəniyyətinin nümayişi ilə yanaşı, eyni zamanda, ölkəmizin dünyanın ağırlı və həssas məsələlərinə nəinki biganə qalmadığını, əksinə, bu problemin həlli üçün bütün imkanlarından istifadə etmək niyyətini dünyaya göstərir. Bir sözlə, Avropanın aparıcı ölkələri multikulturalizm əleyhinə bəyanatlar verdiyi bir dövrdə ölkəmiz ümumbəşəri dəyərlərə öz sadıqlığını nümayiş etdirərək ən yüksək səviyyədə dünyanın mədəni çeşidliliyinə hörməti təşviq etməkdə davam edir. Bu məsələdə Azərbaycanın geosiyasi və geomədəni vəziyyəti ilə dövlətin siyasəti və

xalqımızın tarixi dəyərləri arasında bir harmoniya mövcuddur. Bu, xalqımızın mənəvi sərvətidir. Bu coğrafi yerləşmənin mədəniyyətlərin, sivilizasiyaların sərhədində olması Bakının, Azərbaycanın əhəmiyyətini daha da artırır. Müasir siyasi elmin məşhur nəzəriyyələrindən birində sivilizasiyaların sərhədlərində yerləşmənin münafişə ehtimallarının yüksəkliyinin göstəricisi kimi təqdim edilməsinə baxmayaraq, Azərbaycanda bu potensiala daha fərqli yanaşılır, sivilizasiyaların "görüşü" onların toqquşması kimi deyil, əksinə, onların dialoqu və birgəyaşamına növbəti bir imkan kimi baxılır. Hindistanın məşhur siyasi xadimi İndira Qandinin sözləri ilə desək: "Mənim ölkəm-mənim ailəm, evimdir. Mən evimin qapılarını müxtəlif dünya xalqlarının mədəniyyətlərini, sivilizasiyalarını qəbul etmək, xalqların mədəni müxtəlifliyinə hörməti təşviq etmək üçün açıram. Lakin mən eyni zamanda evimin qapıları ilə yanaşı, evimin pəncərələrini xalqıma, millətimə xas olmayan, adət və ənənələrin kənarlaşması üçün açıq saxlayıram".

Biz çalışmalıyıq ki, qarışıq nikahlar bizim ailə ənənələrimizin itməsi ilə nəticələnməsin. Qəbul etsək də, etməsək də qarışıq nikahlar qeydə alınır. Qloballaşan dünyada, multikulturalizmin ölkəmizdə dövlət siyasəti səviyyəsinə qalxdığı bir vaxtda, Azərbaycanın öz ailə dəyərlərini qoruması adı ilə buna mane olmaq, qarşı çıxmaq da düzgün deyil. Milliyətindən asılı olmayaraq dünya görüşləri üst-üstə düşən gənclər ailə qururlar. Amma biz çalışmalıyıq ki, fərqli mədəniyyətlərin qovuşması fonunda ailə dəyərlərimiz, ənənələrimiz itməsin, yaşasın. Bunun üçün əcnəbi ilə nikaha daxil olan azərbaycanlı tərəf öz milliyətinin ailə ənənələrini öz qurduğu ailəsində yaşatmağı bacarmalıdır. Bu təbliğat elə qurulmalıdır ki, qarışıq nikahdan doğulan uşaq böyüdükcə, Azərbaycanın adət və ənənələrini, bu xalqın ailəyə münasibətinin müqəddəsliyini dərk edə bilsin".

Ədəbiyyat

1. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası; 12 noyabr, 1995, Bakı
2. Azərbaycan Respublikasının Ailə Məcəlləsi; 28 dekabr, 1999-cu il, Bakı
3. "Əcnəbilərin və vətəndaşlığı olmayan şəxslərin hüquqi vəziyyəti haqqında" Azərbaycan Respublikası Qanunu; 13 mart 1996-cı il, Bakı.
4. Ümumdünya İnsan Hüquqları Bəyannaməsi; 10 dekabr 1948-ci il.
5. "İnkişaf hüququ haqqında" BMT Bəyannaməsi; 4 dekabr, 1986-cı il.
6. "Milli və ya etnik, dini və dil azlıqlarına mənsub şəxslərin hüquqları haqqında" BMT Bəyannaməsi
7. "Elmi-texniki tərəqqinin sülh və insanlıq naminə istifadəsinə dair" BMT Bəyannaməsi; 10 noyabr, 1975-ci il
8. "Beynəlxalq mədəni əməkdaşlığın prinsipləri haqqında" YUNESKO Bəyannaməsi; 4 noyabr, 1966-cı il
9. "Avropa Mədəniyyət" Konvensiyası; 19 dekabr, 1954-cı il
10. "Regional dillər və dil azlıqları haqqında" Avropa xartiyası; 5 noyabr, 1992-ci il.
11. "Milli azlıqların müdafiəsi haqqında" çərçivə konvensiyası; 1 fevral 1995-cı il
12. "Mədəni özünüifadə müxtəlifliyinin qorunması və təşviqi haqqında" YUNESKO Konvensiyası; 20 oktyabr 2005-ci il
13. İ.Əliyev. III Ümumdünya Mədəniyyətlərarası Dialoq Forumunun açılış mərasimində çıxışı. "Azərbaycan" qəzeti, 19 may 2015.
14. Ramiz Mehdiyev. "Şəxsiyyətlər" jurnalı, dekabr 2013
15. Kamal Abdullayev. Azərtac, Bakı, 18 may 2015.
16. Səmədov Elsevər. Postmodernizm və etik, milli-mənəvi dəyərlər, Mədəni Müxtəliflik sosial-siyasi dəyər kimi, Kulturoloqların II Milli Forumu, Bakı, 2010
17. Xəqani Məmmədov. Milli azlıqların hüquqi vəziyyəti və beynəlxalq konvensiyalar. "Nasir" nəşriyyat, 2014, Bakı.
18. <http://stat.gov.az/>

Anara Hajiyeva

Development harmony of application of multicultural traditions to family relation in modern period in Azerbaijan

Summary

The article deals with the multicultural traditions importance for Azerbaijan from political and cultural aspects. It is noted that the Forum is the assessment of a number of socio-historical events occurring in the world.

On the basis of some particular political and cultural studies, the author comes to the conclusion that the modern age in the history of mankind will be the basis of credence and cooperation between the peoples, as well as the primary issue in the international sphere will be security, tolerance and mutual respect among the family relations.

Анара Гаджиева

Гармония развития применения традиций мультикультурализма в семейных отношениях в Азербайджане в современном периоде

Резюме

В статье говорится про межкультурном диалоге, который является для Азербайджана важным, как в политическом, так и в культурном аспекте. Отмечается, что данный форум является оценкой ряда социально-исторических процессов, происходящих в мире.

На основе отдельных исследований, автор приходит к выводу, что современный век в истории человечества станет основой доверия и сотрудничества между народами, а также приоритетным вопросом на международной арене станет вопрос безопасности, толерантности и взаимоуважения в семейных отношениях.

ВЯЧЕСЛАВ КАШЕВСКИЙ

Профессор кафедры уголовного права и криминологии МВД Академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

АНАТОЛИЙ ПРИМАЧЁНОК

Профессор кафедры уголовного права и криминологии МВД Академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛИБО СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ ПО УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: поддельные деньги, ценные бумаги, изготовление, приобретение, хранение, сбыт.

Keywords: counterfeit money, securities, production, acquisition, stockpiling, sale.

Açar sözlər: saxta pullar, qiymətli kağızlar, hazırlama, əldə etmə, saxlama, satışı.

Изготовление, хранение с целью сбыта либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК), согласно теории уголовного права как умышленное преступление имеет стадии (зарождение и формирование умысла совершить преступление, обнаружение его вовне, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление). Применительно к рассматриваемому составу преступления, уголовная ответственность наступает за приготовление к преступлению (приискание пригодных, например, для изготовления поддельных денег или ценных бумаг красок, соответствующего сорта бумаги, приспособление оборудования), покушение на преступление (начало изготовления денежных купюр – неоконченное покушение и изготовление грубой подделки – оконченное покушение), а также окончен-

ное преступление (выполнение лицом всех необходимых действий и изготовление полностью хотя бы одной купюры высокой степени сходства).

Следовательно, перечисленные деяния, совершенные с целью изготовления поддельных денег или ценных бумаг либо их сбыт должны квалифицироваться по соответствующей части ст. 221 УК Республики Беларусь со ссылкой в необходимых случаях на статьи 13 или 14 УК. [1]. Вместе с тем поддельные деньги или бумаги в зависимости от уровня квалификации изготовителя могут иметь различное качество (степень сходства с настоящими деньгами).

В действующем УК Азербайджанской Республики содержится аналогичная норма – ст. 204 (Изготовление, приобретение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг). В диспозициях названных статей имеются существенные отличия. Так, УК Азербайджанской Республики, предусматривая в качестве альтернативного деяния приобретение поддельных денег или ценных бумаг, не предполагает ответственности за их хранение. И, как представляется, основным отличием является отсутствие в УК Азербайджана указания на существенный конструктивный признак субъективной стороны преступления –

цель совершения указанных деяний. Кроме того, определенные отличия имеют квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления. И в первую очередь они относятся к размерам дохода. Так, если УК Азербайджана в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков предусматривает соответственно значительный и крупный размер, то УК Беларуси только особо крупный размер. В санкциях вышеназванных норм также имеются некоторые несущественные различия. Отсутствие в ст. 204 УК Азербайджана в перечне деяний «хранения с целью сбыта поддельных денег или ценных бумаг» восполняется в следственно-судебной практике особенностями квалификации. Такие действия квалифицируются как пособничество изготовителю или сбытчику поддельных денег или ценных бумаг либо как приготовление к их сбыту.

В действующем уголовном законодательстве Беларуси и Азербайджана (ст.ст. 221 и 204 соответственно) в описании объективной стороны рассматриваемых общественно опасных деяний не содержится таких действий как перевозка, пересылка, ношение, приобретение, передача. Такие деяния квалифицируются (при наличии оснований) как в Азербайджане, так и в Беларуси в контексте институтов соучастия и стадий неоконченного преступления.

Вместе с тем, сопоставление ст. 204 УК Азербайджана и ст. 221 УК Беларуси с другими статьями УК названных государств, предусматривающих, например, ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 228 УК Азербайджана) и за незаконные изготовление, производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров (ст. 234 УК Азербайджана) [2], а так же ст.228 УК

Беларуси, в диспозиции которой перечислены следующие деяния: незаконные изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение огнестрельного оружия (кроме охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия), боеприпасов ... и диспозиции ст. 328 УК Беларуси, в которой указано: «незаконные без цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» показывает, что законодатели двух государств не используют единого унифицированного подхода к описанию общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом указанных предметов, имеющих некоторое сходство как по степени общественной опасности, так и способам незаконного оборота.

Более того, из анализа Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г. следует, что общественно опасным деянием является не только изготовление, но и хранение, перевозка, пересылка и сбыт поддельных денег. Это свидетельствует о недооценке общественной опасности проявлений рассматриваемого деяния и важности пресечения каналов и нейтрализации условий распространения фальшивомонетничества. Представляется целесообразным внесение соответствующих дополнений в ст. 204 УК Азербайджана и ст. 221 УК Беларуси с целью, с одной стороны, учесть рекомендации Международной конвенции 1929 г., а с другой – унифицировать уголовное законодательство союзных государств, хотя бы первоначально на уровне отдельных норм, предусматривающих ответственность за преступления транснационального характера.

Если в настоящее время на уровне уголовного законодательства наблюдается несущественное различие норм, которые предусматривают ответственность за изготовление и сбыт поддельных денег и цен-

ных бумаг, то на уровне правоприменительной практики имеются существенные различия. Так, в следственно-судебной практике Беларуси в последнее время наблюдается тенденция квалификации изготовления или сбыта поддельных денег низкого качества (грубой подделки) как мошенничества. По УК Беларуси завладение имуществом или правом на имущество путем мошенничества на сумму до 2 базовых величин физического лица и до 10 базовых величин юридического лица не образует состава преступления, а является административно-правовым деликтом. Следовательно, практика «перевода» уголовных дел рассматриваемой категории в административные позволяет виновным избежать ответственности за совершенные тяжкие преступления.

Такая практика основывается на рекомендациях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг» № 10 от 25 сентября 1997 г. (с изменениями и дополнениями от 29 марта 2001 г.) указано: «В случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключаящее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман потерпевшего, такие действия подлежат квалификации как мошенничество». Данная рекомендация противоречит не только букве закона, но и теории уголовного права.

Например, в случае задержания лица на стадии приготовления или неоконченного покушения на изготовление поддельных денег содеянное квалифицируется по ст. 221 с применением ст.ст. 13 или 14 УК соответственно как приготовление к преступлению или покушение на преступление. Когда же преступление окончено и в результате изготовлены поддельные деньги низкого качества, то согласно приведен-

ному положению постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь деяние может быть квалифицировано как мошенничество.

Приведенная рекомендация постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь буквально «перекочевала» из постановления Пленума Верховного Суда СССР 1957 г. [3], рекомендовавшего изготовление поддельных денег, которые в силу явного внешне отличаемого несходства с подлинными деньгами, квалифицировать как мошенничество.

Следует учитывать, что уровень квалификации лиц, изготавливающих в то время поддельные деньги, а также их техническая оснащенность резко отличаются от современных. Тем не менее, речь о грубой подделке денег или ценных бумаг можно вести в контексте покушения с негодными средствами. Кроме того, приведенная рекомендация Пленумов Верховных Судов Республики Беларусь [4] и СССР противоречит теории квалификации преступлений в части конкуренции общей (мошенничество) и специальной (изготовление или хранение с целью сбыта либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг) норм.

В теории уголовного права сложилось понятие негодного покушения, включающего покушение с негодными средствами и покушение на негодный предмет (или объект). Это явление под собой законодательной основы не имеет. Тем не менее, оно имеет место в социальной практике как одно из обстоятельств, в связи с которым преступление не было доведено до завершения. [5, с.464] Данное обстоятельство является оценочным (оценивается в совокупности) следователем, прокурором, судом и квалифицируется как покушение на совершение соответствующего преступления либо как малозначительное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь, влекущее при наличии оснований административную или дисциплинарную ответственность. Как покушение на изготовление поддельных

денег или ценных бумаг следует квалифицировать и задержание лица в момент изготовления (процесс изготовления еще не окончен) независимо от степени готовности.

Таким образом, изготовление поддельных денег или ценных бумаг имеет стадии приготовления, неоконченного и оконченого покушения на совершение преступления и оконченого преступления. Что касается мошенничества связанного с обращением денег или ценных бумаг, то оно может иметь место при сбыте не поддельных денег, а настоящих денежных знаков, валют одной страны вместо другой.

Следовательно, согласно содержанию диспозиции ст. 221 УК Беларуси изготовление поддельных денег или ценных бумаг

(выполнение всех необходимых операций по их изготовлению) независимо от качества полученных изделий (поддельных денег или ценных бумаг) следует считать оконченом преступлением. Однако из диспозиции данной статьи следует, что изготовление поддельных денег или ценных бумаг (как национальных, так и иностранных) должно осуществляться с целью сбыта. Если же изготовленные поддельные деньги или ценные бумаги были настолько низкого качества, что их сбыт невозможен (грубая подделка), то содеянное можно квалифицировать как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг, либо как негодное покушение, а точнее покушение с негодными средствами.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. <http://online.zakon.kz>
3. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957, № 4.
4. О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 сентября 1997 г., №10 // Консультант плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
5. Энциклопедия уголовного права: в 6 т. / ред.кол.: В. Малинин (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005-2007. – Т.5: Неоконченное преступление / В.Б. Малинин [и др.]. – 2006.

Viacheslav Kashevsky
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Academy of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD, Associate Professor

Anatoliy Primachenok
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Academy of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD, Associate Professor

Qualifications of manufacture or sale of counterfeit money or securities under the Criminal Code of the Republic of Belarus and the Republic of Azerbaijan

Summary

Based on a comparative analysis of the criminal legislation of the Azerbaijan Republic and the Republic of Belarus, providing responsible for the manufacture, acquisition, possession or distribution of counterfeit money or securities, the differences and similarities of relevant criminal law of the allied states are discussed. The conclusion is made about the necessity of specific changes in law enforcement.

Vyaçeslav Kaşevskiy
Belarusiya Respublikası DİN-in Akademiyasının “Cinayət hüququ və kriminologiya”
kafedrasının professoru, hüquq elmləri namizədi, dosent

Anatoliy Primaçyonok
Belarusiya Respublikası DİN-in Akademiyasının “Cinayət hüququ və kriminologiya”
kafedrasının professoru, hüquq elmləri namizədi, dosent

Azərbaycan Respublikasının və Belarusiya Respublikasının Cinayət Məcəllərinə görə
saxta pulların və ya qiymətli kağızların hazırlanması və satışının tövsifi

Xülasə

Saxta pulların və ya qiymətli kağızların hazırlanması, əldə edilməsi, saxlanması və ya satışına görə məsuliyyəti nəzərdə tutan Azərbaycan Respublikasının və Belarusiya Respublikasının cinayət qanunvericiliklərinin müqayisəli təhlil əsasında, o cümlədən dövlətlər birliyinin cinayət hüququnun müvafiq normalarının ümumi və fərqli cəhətləri nəzərdən keçirilir.

ТАТЬЯНА ЭРХИТУЕВА

доцент кафедры уголовного права и криминологии Бурятского Государственного
Университета кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CİNAYƏT HÜQUQU

Açar sözlər: cinayət hüququ, cəza, cəzanın təyin edilməsi.

Ключевые слова: уголовное право, наказание, назначение наказания.

Keywords: criminal law, punishment, sentencing.

В ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплены общие начала назначения наказания, то есть, определены конкретные критерии, которые должен учитывать суд при назначении наказания. Согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ «лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса... При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи...».

Вместе с тем, назначение наказания должно быть в значительной степени формализовано [1; 576]. Полагаем, что законодательное установление широких рамок судебного усмотрения с одной стороны позволяет назначать наказания строго

индивидуально, то есть с учетом конкретных обстоятельств дела, с другой стороны чрезмерная свобода судебного усмотрения может повлечь назначение несправедливых наказаний.

Достаточно часто суды при назначении наказания ограничиваются лишь формальной ссылкой на то, что «суд при назначении наказания учел характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи». Такое положение вызывает сомнение в том, что суды действительно при назначении наказания учли указанные выше обстоятельства.

В правовой литературе, предпринимаются попытки сформировать концепцию назначения наказания.

Так Д.С. Дядькин предлагает придерживаться алгоритмического подхода к процессу назначения наказания, им был разработан алгоритм назначения наказания, который включает в себя систему из 8 блоков действий по применению общих начал назначения наказания, специальных правил назначения наказания и по принятию решения о выборе окончательной меры наказания.

При этом каждый блок представляет

собой отдельный алгоритм, являющийся частью (подалгоритмом) более сложного общего алгоритма назначения наказания. Все блоки связаны между собой и совместно отражают общую структуру уголовно-правового алгоритма назначения наказания. Важную роль здесь играет «критерий оптимальности - количественный или порядковый показатель, выражающий предельную меру эффективности принимаемого решения по назначению конкретного наказания для сравнительной оценки возможных решений по назначению иного наказания (альтернатив) и выбора наилучшего [2; 127-128].

По мнению автора, основным критерием оптимальности в теории назначения наказания выступает многофакторный критерий назначения справедливого наказания, предполагающий максимальную экономию уголовно-правовой репрессии, максимальное восстановление нарушенного преступлением объекта защиты, минимизацию затрат на исправление виновного и времени, необходимого для достижения целей наказания.

В.И.Курляндским была предложена модель, основанная на соизмерении с помощью баллов опасности преступления и строгости наказания. Концепция представляет балльную оценку отдельных единиц мер наказания и обстоятельств, относящихся как к деянию, так и к личности виновного. Путем деления суммы баллов, полученной в результате оценки обстоятельств, имеющих значение для определения наказания, на количество баллов, в которых оценивается единица меры наказания, можно получить показатель, соответствующий строгости отдельных наказаний. Балльная система, по мнению автора, позволяет, не только облегчить деятельность судей при принятии решений, но и избежать грубых ошибок при назначении наказания [3; 93-95].

Интерес представляет используемая в

некоторых зарубежных странах балльная система назначения наказания.

В США на протяжении многих лет применяется система назначения неопределенных наказаний. Такая система была предусмотрена в «Федеральном руководстве по назначению наказаний», которое вступило в силу 1 ноября 1987 года. Руководство содержит таблицы по назначению наказаний за конкретные виды преступлений, отдельные таблицы предусмотрены для рецидивистов. Судья вычисляет уровень преступления (всего содержится 43 уровня опасности преступления) и категорию преступного прошлого осужденного и может назначить минимальные и максимальные сроки наказания в месяцах. Назначая наказания, суд обязан снизить или увеличить наказание на число месяцев, которые указаны в таблице баллов. Так, если подсудимый был организатором или лидером преступной деятельности, которая привлекла пять или больше участников, то наказание увеличивается на четыре уровня (балла). Если же подсудимый был минимальным участником любой преступной деятельности, то наказание уменьшается на четыре уровня (балла). Обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, также соответствуют баллам [4].

Указанная система назначения наказания позволит более детально подходить к процессу назначения наказания и назначать наказание в зависимости от числа баллов, которые отражают общественную опасность совершенного виновным преступления и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Такой способ назначения наказания будет способствовать соблюдению принципа индивидуализации назначения наказания, а также достижению принципа справедливости, поскольку будет соблюдаться пропорциональность между преступлением и наказанием.

Литература:

1. Кругликов Л.Л. Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный прием // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 576.
2. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания. СПб., 2006. С. 127- 128.
3. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 93-95.
4. Federal sentencing guidelines manual. 1994-95 ed. St. Paul, Minn., 1994.

Tatyana Erxituyeva

**Buryatiya Dövlət Universitetinin Cinayət hüququ və kriminologiya kafedrasının dosenti,
hüquq elmləri namizədi**

Rusiya Federasiyasının cinayət qanunvericiliyi ilə cəza təyin etmənin bəzi problemləri

Xülasə

Müəllif cəza təyin etmənin ümumi əsaslarına nəzər yetirərək bu məsələyə daha təfəsilatı ilə yanaşmağı və cəzani balların miqdarına müvafiq təyin etməyi təklif edir.

Tatiana Erhitueva

Associate Professor of Criminal Law and Criminology Buryat State University, Ph.D

Some problems of punishment under the criminal legislation of the Russian Federation

Summary

The author examines the general principles of sentencing and offers a more detailed approach to the process of sentencing and impose a penalty depending on the number of points.

NAZİM ƏLİYEV

Azərbaycan Respublikası DİN-in Polis Akademiyasının rəisi, polis general-mayoru, hüquq üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

KRİMİNOLOJİ TƏDQIQATLARIN ƏSAS OBYEKTlərİNDƏN BİRİ KİMİ REGIONAL CİNAYƏTKARLIĞIN ÖYRƏNİLMƏSİNİN ƏHƏMİYYƏTİ VƏ NƏZƏRİ ASPEKTLƏRİ

Açar sözlər: cinayətkarlığın kriminoloji tədqiqi, regional kriminoloji tədqiq, cinayətkarlığın göstəriciləri, cinayətkarın şəxsiyyəti, cinayətlərin profilaktikası.

Ключевые слова: криминологическое изучение преступности, региональное криминологическое изучение, показатели преступности, личность преступника, профилактика преступлений.

Key words: the criminological analyze of criminality, regional criminological analyze, the indicators of criminality, the personality of criminal, the prevention crimes.

Azərbaycanda bəşəri dəyərlərə əsaslanan demokratik cəmiyyətin formalaşması üçün zəruri islahatlar aparılmışdır. Bu məqsədyönlü və mütərəqqi islahatlar ölkəmizdə insan hüquqlarının müdafiəsinin möhkəm təməl üzərində qurulması istiqamətində həyata keçirilən real proseslərin təzahürüdür.

Əldə olunan firavanlıq və əmin-amanlıq mühitinə real tədbirlərdən biri cinayətkarlıqdır. Cinayətkarlığın müntəzəm olaraq kriminoloji tədqiqatların obyekt kimi öyrənilməsi, profilaktik tədbirlərin də təkmilləşdirilməsinə münbit zəmin yaradır. Lakin cinayətkarlığın öyrənilməsinin ənənəvi

üsulları onun tam görüntüdə və daha məzmunlu tədqiqini mümkünsüz edir. Bu səbəbdən cinayətkarlığın müasir kriminoloji tədqiqi yeni və daha sistemli metodoloji bazaya söykənən yanaşmalara əsaslanmalıdır. Cinayətkarlığın daha təfsilatlı öyrənilməsi məhz “regional” kriminoloji tədqiqatlar zamanı effektiv və səmərəli nəticələrin əldə olunmasına istiqamətlənir.

Regional cinayətkarlığın mövcud vəziyyəti bir-biri ilə bağlı olan səbəbiyyat kompleksinin məhsulu kimi araşdırılmalıdır. Bu səbəbiyyat kompleksində hər faktor müxtəlif regionlarda cinayətkarlığa fərqli təsir göstərə bilər.

Kriminoloji ədəbiyyatlarda cinayətkarlığın regional kriminoloji tədqiqi ilə yanaşı “cinayətkarlığın coğrafiyası” termini də işlədilir. Cinayətkarlığın coğrafiyası ifadəsi daha çox hər hansı ərazinin fiziki-coğrafi xüsusiyyətlərindən irəli gələrək öyrənilməsini nəzərdə tutur. Lakin cinayətkarlığın regional tədqiqi daha məzmunlu və zəruri xüsusiyyətləri (coğrafi, iqtisadi, sosial, siyasi, mənəvi-psixoloji və s.) əhatə etməklə səbəbiyyat kompleksini daha dəqiq müəyyən etməyə və öyrənməyə zəmin yaradır.

Alman kriminoloqu H.Şnayder cinayətkarlığın regional xüsusiyyətlərini

tədqiq etmək üçün “cinayətkarlığın coğrafiyası”, “cinayətkarlığın ekologiyası” və “cinayətkarlığın topoqrafiyası” kimi anlayışlardan istifadə edirdi. Düzdür, o, “regional cinayətkarlıq” ifadəsindən istifadə etməsə də onun təhlilləri göstərir ki, “cinayətkarlığın coğrafiyası” anlayışı hər hansı regionun cinayətkarlığının bütün parametrlər üzrə öyrənilməsinə əhatə etmir. Bu səbəbdən o, daha təfəssilatlı və sistemli araşdırmaların aparılmasını təmin etmək üçün “cinayətkarlığın ekologiyası” və “cinayətkarlığın topoqrafiyası” kimi anlayışlardan da istifadə etmişdir.

H.Şnayderə görə cinayətkarlığın coğrafiyası ərazi və vaxt baxımından cinayətkarlığın ölkələr, iri şəhərlər, bölgələr və kənd yerləri üzrə paylanmasıdır (1, s.201). O, cinayətkarlığın coğrafiyasının öyrəndiyi aşağıdakı sahələri göstərir:

- cinayətkarlığa qarşə əhalinin qorxu hissənin vəziyyəti;
- insanların hüquq mədəniyyətinin və sosial-nəzarət mexanizmlərin fəaliyyətinin mövcud durumu;
- müxtəlif regionlarda cinayətkarlığın fərqliliyinin xüsusiyyətləri.

Göründüyü kimi, qeyd olunan təsnifatda psixoloji, sosial-mədəni, viktimoloji və s. xüsusiyyətlər sadalanmışdır. Yalnız qeyd olunan by hallar araşdırmanın coğrafilik anlamından kənara çıxaraq regionun müxtəlifliyi kimi, yəni regional aspektdə tədqiq edilməsini zəruri edir.

Alman kriminoloqu tərəfindən araşdırılan cinayətkarlığın ekologiyası, cinayətkarlığın topoqrafiyası ilə bağlı məsələlər də regional kriminoloji tədqiqatı əhatə edən, xüsusi diqqət və maraqla qarşılanan bir çox problemləri özündə ehtiva edir.

Cinayətkarlığın ekologiyası insanın kriminal davranışına təsir edən mühiti, ərazinin təbiətini və s. xüsusiyyətləri öyrənir. Bu istiqamətdə aparılan tədqiqatlara görə cinayət mühitlə insanın qarşılıqlı təsirinin nəticəsidir. İlin müxtəlif fəsillərinin

cinayətkar davranışa təsirinin xüsusiyyətləri də cinayətkarlığın ekologiyasının predmetlərindən sayıla bilər. İnsanların yaşayış yerlərində (şəhər, rayon, kəndlər və s.) məskunlaşması qaydası, yeni tikililərin arxitektura strukturu və s. cinayətkarlığa təsir edərək onu stimullaşdıran hal kimi öyrənilir. Mühit və davranış sosial proseslərin ayrılmaz hissəsi olaraq qarşılıqlı əlaqədə insanların viktimləşməsinə artırır və ya azalda bilər.

İnsanlar şəhərlərdə məskunlaşdıqca ictimai nəzarətdən yayınır, ictimai qınaq öz təsirini itirir və kriminal submədəniyyətin inkişafına münbit zəmin yaranır.

Cinayətkarlığın topoqrafiyası isə cinayətlərin törədilməsi yerini (mənzil, küçələr, dükənlər, otellər və s.) tədqiq edərək cinayətkarlığa qarşı mübarizədə qüvvə və vasitələrin effektiv bölünməsi istiqamətlərinin müəyyən edilməsində xüsusi rol oynayır.

Cinayətkarlığın regional xüsusiyyətlərinin öyrənilməsi sahəsində ilk araşdırmalardan biri fransalı Andre-Mişel Herri və belçikalı Adolf-Jak Kettle tərəfindən aparılmışdır. Onlar tərəfindən 1825-1830-cu illər ərzində Fransada cinayətkarlığın ölkə ərazisi üzrə paylanmasının səbəbləri tədqiq edilmişdir. Həmin tədqiqatlar zamanı cinayətkarlığın ayrı-ayrı regionlarda müxtəlifliyinin səbəbləri təxmini olaraq aşağıdakı kimi qruplaşdırılmışdır:

- ölkənin hər regionunda əhalinin sıxlığının müxtəlif olması;
- həyat səviyyəsinin və iqtisadi amillərin müxtəlifliyi;
- təhsil səviyyəsinin hər regionda fərqli olması;
- regionlarda əhalinin mənəvi dəyərlərində olan fərqlilik;
- cinayətin qurbanlarının davranışlarının hər regionda müxtəlif olması.

Regional cinayətkarlıqla bağlı kriminoloji tədqiqatların inkişaf etdirilməsində Klifford Şou və Henri Makkeyin də xüsusi rolu olmuşdur. Onlar 1920-1930-cu illərdə Çikaqoda yetkinlik yaşına çatmayanların

cinayətkarlığının regional xüsusiyyətləri ilə bağlı kriminoloji tədqiqatlar aparmışlar. Onlar cinayətkarlığın səviyyəsi yüksək olan regionları iki qrupa bölmüşlər: cinayət törədənləri cəlb edən regionlar (cinayət törədilən ərazilər), cinayət törədənləri yetişdirən regionlar (cinayət törədənlərin yaşadıkları regionlar).

Klifford Şou və Henri Makkeyin tədqiqatlarının nəticələri sonralar bir çox ölkələrdə regional cinayətkarlığın öyrənilməsi zamanı tətbiq olunmağa başlandı.

Göründüyü kimi, kriminoloji tədqiqatlarda regional yanaşma kifayət qədər nəzəri və təcrübi problemləri əhatə edir. Bir ölkənin daxilində müxtəlif regionlarda olan fərqliliklər cinayətkarlığa da təsir edərək bəzi hallarda səbəbiyyət kompleksinin bir elementini təşkil edir. Hətta, ölkələri regionlara bölərək diqqəti cəlb edən kriminoloji tədqiqatlar aparmaqla cinayətkarlığın inkişaf meyillərini, səbəblərini araşdırmaq, profilaktikası istiqamətlərini müəyyən etmək olar.

A.A.Qertsenzov regional kriminoloji tədqiqatlardan danışarkən göstərirdi ki, «profilaktik işin səmərəliliyinin yüksəldilməsi üçün bu və ya digər regionun xüsu-

siyyətləri nəzərə alınmaqla cinayətkarlığın öyrənilməsi zəruridir»(2, s.38). Eyni mövqelərdən çıxış edərək A.B.Saxarov qeyd edirdi: «regional tədqiqatlar əsasdır. Ümumi analiz həmişə zəruridir, vacibdir, lakin eyni zamanda müxtəlif regionlarda törədilən cinayətlərin xüsusiyyətlərinin müəyyən edilməsi də əhəmiyyət kəsb edir»(3, s.11-12). Q.M.Minkovski xüsusi olaraq yazırdı ki, «bütün səylər regionlarda törədilən cinayətlər haqqında məlumatların toplanmasına və konkret sosioloji tədqiqatların keçirilməsinə yönəlməlidir»(4, s.26).

Cinayətkarlığın nəinki, ölkədaxili, həmçinin dünya ölkələrini əhatə edən regional kriminoloji xəritəsinin müəyyən edilməsi artıq strateji bir vəzifəyə çevrilməlidir. Bu baxımdan BMT-nin Narkotiklər və Cinayətkarlıq üzrə İdarəsinin 2012-ci ildə hazırladığı məlumatlar cinayətkarlığın öyrənilməsi regional kriminoloji tədqiqi üçün xüsusi əhəmiyyət kəsb edir. Həmin məlumatlar 1995-2011-ci illər ərzində dünya ölkələrində qəsdən adam öldürmə cinayəti ilə bağlı statistik göstəriciləri əhatə edir. Göstəricilər ölkələr, makroregionlar və qitələr üzrə qruplaşdırmaqla təqdim edilmişdir.

Ölkələr üzrə 100 000 nəfərə düşən qəsdən adam öldürmə cinayətinin əmsalı

Ölkələr	100000 nəfərə olan əmsal	Qəsdən adam öldürmə cinayətinin sayı
Uqanda	36,3	11373
Zambiya	38	4710
Əlcəzair	1,5	516
Sudan	24,2	10028
Tunis	1,1	117
Salvador	69,2	4308
Honduras	91,2	7104
Hot-divuar	56,9	10801
Meksika	16,9	25757

Ölkələr	100000 nəfərə olan əmsal	Qəsdən adam öldürmə cinayətinin sayı
Kolumbiya	33,4	15459
Kanada	1,6	554
ABŞ	4,2	12996
Qazaxstan	8,8	1418
Qırgızistan	20,1	1072
Tacikistan	2,1	143
Türkmənistan	4,2	203
Özbəkistan	3,1	831
Azərbaycan	2,2	206
Gürcüstan	4,3	187
Moldova	7,5	257
Rusiya	10,2	14570
Ukraina	5,2	2356
Yaponiya	0,3	442
Hindistan	3,4	40752
İran	3	2216
Türkiyə	3,3	2320
Danimarka	0,9	47
İslandiya	0,3	1
Norveç	0,6	29
Böyük Britaniya	1,2	722
İtaliya	0,9	529
Avstriya	0,6	56
Fransa	1,1	682
Almaniya	0,8	690

Makroregionlar üzrə 100 000 nəfərə düşən

Makroregionlar	100000 nəfərə olan əmsal	Qəsdən adam öldürmə cinayətinin sayı
Şərqi Afrika	21,9	69344
Mərkəzi Afrika	20,8	25330
Şimali Afrika	5,9	12276
Cənubi Afrika	30,5	17484
Qərbi Afrika	15,4	44671
Mərkəzi Amerika	28,5	45050
Şimali Amerika	3,9	13558
Cənubi Amerika	20,0	79039
Mərkəzi Asiya	6,1	3667
Şərqi Asiya	1,3	19828
Cənub-Şərqi Asiya	6,0	34787
Cənubi Asiya	3,8	63102
Qərbi Asiya	2,6	5736
Şərqi Avropa	6,4	19072
Şimali Avropa	1,5	1432
Cənubi Avropa	1,4	1669

Qitələr üzrə 100 000 nəfərə düşən qəsdən adam öldürmə cinayətinin əmsalı

Qitələr	100000 nəfərə olan əmsal	Qəsdən adam öldürmə cinayətinin sayı
Afrika	17,0	169105
Amerika	15,4	144648
Asiya	3,1	127120
Avropa	3,5	24025

Statistik göstəricilərin tamamilə dəqiq və dolğun kriminoloji informasiya kimi də qəbul olunması mübahisəlidir. Çünki, makro-regionaları və qitələri əhatə edən məlumatlar hüquq sistemlərinə və qanunvericiliyinə görə bir-birindən fərqlənən ölkələri də əhatə edir. Bu səbəbdən yalnız statistik göstəricilər deyil, hər ölkədə həm kriminoloji məlumatlar (cinayətkarlığın kəmiyyət və keyfiyyət göstəriciləri, inkişaf meylləri, səbəb və şəraiti, cinayət törədən şəxslər haqqında məlumatlar), həmçinin cinayətkarlığa təsir göstərən sosial-neqativ təzahürlər (narko-

manlıq, alkoqol asılılığı, ekstremizm və s.) və iqtisadi, sosial, psixoloji, hüquqi, siyasi məzmunlu xüsusiyyətlər də tədqiq edilməlidir. Qeyd olunan səpgidə aparılan tədqiqatlar son nəticədə regionların konkret xüsusiyyətləri və sosial-iqtisadi inkişaf spesifikasiyası nəzərə alınmaqla cinayətkarlığın və onun ayrı-ayrı növlərinin qarşısının alınması üzrə ümumsosial və xüsusi-kriminoloji xarakterli tədbirlər sisteminin işlənilib hazırlanması və həyata keçirilməsinə imkan verir (5,s.4).

İstifadə olunan ədəbiyyat:

1. Шнайдер Г.И. «Криминология» Учебник. 2005. Перевод с немецкого. Москва, 1994.
2. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.
3. Сахаров А.Б. Умышленные убийства (криминологические исследования// Региональная преступность: материалы конференции. Вильнюс, 1978.
4. Миньковский Г.М. Ориентация и цели криминологических исследований//Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып.17.
5. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. «Криминология» Учебник. Москва., 2005.

Назим Алиев

Теоретические аспекты и значение изучения региональной преступности как объекта криминологических исследований

Резюме

Одним из неотъемлемых компонентов криминологического исследования является изучение региональной преступности. Общее криминологическое изучение преступности также создает общность в профилактических мероприятиях. Автор указывает значение исследования региональной преступности и различные аспекты его изучения.

Nazim Aliev

The importance and theoretical aspects of the regional crime study as one of the key objects in criminological research

Summary

One of the main components of criminological analyze is the regional analyze of criminality. The general criminological analyze of criminality makes the grounds in preventive measures itself. The author mentions the importance of the regional analyzing of criminality and decides that the various aspects of learning give the concrete combating measures and their executing.

ГЕННАДИЙ ГОРШЕНКОВ

профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации

КРИМИНАЛ И ПОЛИТИКА

Açar sözlər: antikriminal siyasət, criminal, siyasi məqsəduyğunluq, şərin siyasiləşdirilməsi, sui-istifadə.

Keywords: the policy against crime, crime, political practicability, political estimation of the ill, functions of the political estimation of the ill, abuse.

Ключевые слова: антикриминальная политика, криминал, политическая целесообразность, политизация зла, функции политизации зла, злоупотребление.

Антикриминальная политика – далеко не универсальный и не единственный термин, которым обозначается сложная, многосторонняя государственно-правовая деятельность по обеспечению антикриминальной безопасности. Но автором выбран именно данный термин (а не «уголовная», «уголовно-правовая», «государственно-правовая» [1, с. 380 – 383] и проч.).

В соответствии с авторской концепцией под антикриминальной политикой следует понимать теоретическую разработку и практическую реализацию принципов, стратегии, тактики и мер противодействия криминалу.

У читателя может вызвать недоумение другой термин – криминал, не совсем привычный, хотя и довольно известный [2].

Как известно, криминал (от латинского слова *crimen*) означает «обвинение», «упрёк»; «обвиняемый», «преступник»; «вина», «проступок», «грех», «преступление»; «прелюбодеяние»; «недостаток», «вред» (в том числе и особенно вред, при-

чинённый личности, жертве преступления). Криминал можно определить как угрозу национальной безопасности. В этой угрозе доминирует главная её составляющая – преступность.

Можно сделать вывод о том, что криминал и является общим объектом, как для теоретической разработки (концепции), так и для практической её реализации (в законодательстве, программировании, исполнительно-распорядительной деятельности) в воздействия на криминал.

Но в осмыслении антикриминальной политики как научной категории следует обратить внимание на значение словообразовательной единицы «анти», т.е. противоположности. И здесь необходимо выделять две стороны непосредственного объекта политики. Во-первых, в значении «против криминала» политика обращена, казалось бы, на криминал. Однако, опираясь на учение Аристотеля, политика – это искусство управления государством, т.е. государством (в нашем случае), которое и осуществляет противодействие криминалу. В данном контексте политика – это (изложенный в концепции) образ действий, направленных на обеспечение эффективности системы государственного управления. Таким образом, непосредственным объектом для антикриминальной политики является правоохранительная система исполнительно-распорядительной деятельности.

Во-вторых, представляется, что «антикриминальную политику» следует рассматривать и как государственно-правовую силу, противодействующую крими-

нальной политике. В данном случае непосредственным объектом антикриминальной политики выступает криминальная политическая система [3], криминальный менеджмент [3, с. 282]. И, что особенно важно отметить, в этой сфере нередко власть и криминал идут рука об руку [4]. Их сближает политическая целесообразность.

Целесообразность означает сообразно цели. Цель, как бы, доминирует – определяет решение и действие. И в этой ситуации политик, ослеплённый политической выгодностью, предвкушаемым результатом, легко может впасть в заблуждение или искушение и отойти от правил, ограничений, даже игнорировать запрет.

Особенно это касается выбора средств, с помощью которых мыслится достижение цели. Сомнительное известное утверждение «цель оправдывает средство» в политике нередко оказывается несомненным принципом. Получается, что «ради благой цели дозволительно, даже обязательно пользоваться в качестве средства тем, что для себя вообще не есть средство, нарушать то, что для себя священо, следовательно, делать преступление средством для достижения благой цели» [5, с. 189].

И криминал используется как средство достижения политической цели. То есть против силы права применяется право силы. Яркий пример тому – события в Украине.

Политическая целесообразность органически связана с политизацией криминала, который рассматривается, в одном случае, как объект, а, в другом, – как средство управленческого воздействия.

В общем значении термин «политизация» означает политический процесс и его результат. То есть, это может быть возбуждение интереса к политической жизни, приобщение к активной жизни в сфере политики, наполнение политическим смыслом каких-либо явлений, процессов, отдельных вопросов общественной жизни

[6]. Этот смысл определяют политические интересы, исходящие из них цели и соответствующие средства их достижения. Можно сказать, политическая целесообразность является важнейшим системным признаком, которым определяется сущность политизации, соответствие политической деятельности её целям. В зависимости от этого деятельность приобретает соответствующий характер. Например, на фоне украинских событий о политической целесообразности можно судить, с одной стороны, о мироутверждающем, или злоразрушающем, а, с другой стороны, – о злоутверждающем характере военных действий.

В мироустройстве, как известно, любое социальное явление предполагает определённую функциональность, или назначение, т.е. специфический характер жизнедеятельности явления-системы, или его интегрированный признак, в котором взаимосвязаны цель, направление и выражена специфика конкретизированной (решающей соответствующую задачу) деятельности. Образно говоря, функция – это закон деятельности системы. Таким законам подчинена и рассматриваемая система. Следовательно, при её изучении необходимо обратить внимание на этот её основополагающий элемент, а именно – функциональный механизм, который осуществляет процесс политизации криминала, или социального зла. Кстати, так именовал криминал ещё американский социолог Ф. Танненбаум, о котором речь пойдет ниже. Ныне этот термин активно употребляется, например, проф. Д.А. Шестаковым, который находит это слово ёмким, охватывающим «связку объективного вреда и субъективного отношения к нему» [7, с. 15]. И в данной статье, да и в целом в своей концепции антикриминальной политики автор находит целесообразным пользоваться этим же термином.

Структурно-функциональный анализ позволяет открыть в этом социальном

механизме, на первый взгляд, три основополагающие функции:

- 1) преувеличение зла, вплоть до его криминализации;
- 2) преуменьшение зла, вплоть до его декриминализации;
- 3) злоупотребление.

Каждая из них, в свою очередь, поддается структурированию. Так в каждой из них можно выделить следующие подфункции:

- в функции криминализации – подфункции: драматизации и мифологизации (зла);
- в функции декриминализации – подфункции: минимизации, латентизации (зла);
- в функции злоупотребления – подфункции: компромиссную, бескомпромиссную, демонстрационную [8].

Разумеется, такое относительно четкое выделение и разграничение функций возможно в области теории (формальной логики). В действительности, в реальном процессе политизации (на уровне законодательной, исполнительной деятельности) функции реализуются интегрировано. Особенно это характерно в случае, когда преследуется сложная цель. И в том случае, когда в функциональной интеграции проявляется доминирующая роль определенной функции, мы рассматриваем именно эту функцию как условно единственную, принимая во внимание, что стальные – работают на неё.

Итак, функция драматизации зла. Её название ассоциируется с привычным термином «драматизация зла», или «недопустимость драматизации зла» – так именуется, как известно, концепция американского социолога Френка Танненбаума. Суть её заключается в недопустимости преувеличения зла, или оценки противоправного поступка и антигуманного акта репрессии по отношению к не заслуживающему того человеку. Драматизация – это преувеличенная оценка (создание) обстановки напряженности, в которой

угроза безопасности выглядит реальной. И это служит оправданием принятия самых решительных мер защиты, или мер безопасности от самой угрозы. Для ситуации драматизации характерно, с одной стороны, наличие криминальной угрозы, с другой, – отсутствие противоправности в ответных крайних мерах защиты. То есть подобно той ситуации, обстоятельства которой исключают преступное деяние (гл. 8 УК РФ).

О таких мерах в частности пишет проф. Д.А. Шестаков. Дмитрий Анатольевич определяет их сущность в причинении чрезвычайного вреда (жизни, здоровью, свободе, имуществу) в целях устранения криминальной угрозы безопасности. При этом криминальная угроза, или преступление определяется, исходя из де-факто, т.е. не основывается на судебной оценке деяния [9, с. 14].

Можно сказать, исходя из очевидной ситуации преступления в его криминологическом понимании, т.е. как очевидного деяния, признаки которого указывают на его возможную (пока ещё не получившую судебную оценку) уголовную противоправность [8, с. 17]. И эта ситуация вынуждает принимать «огонь на себя» в виде незамедлительных мер защиты безопасности.

Сущность драматизации зла достаточно полно изложена в упомянутой одноименной частной криминологической концепции. Но теория часто не совпадает с практикой, с духом реальной жизни, в которой очень часто возникают ситуации, в которых право принуждает, а мораль протестует. И уже сама эта объективно обусловленная противоположность может превратиться в зло, которое неизбежно драматизируется, причём, с обеих сторон. Достаточно обратиться к мнению этих «сторон» о недавно внесённых изменениях в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство [9].

С одной стороны, закон позволяет в

определённой мере надеяться на его позитивную (превентивную) роль в противодействии экстремистской деятельности, в частности закон оптимизирует действия подразделений МВД РФ по борьбе с экстремизмом.

С другой стороны, как отмечает эксперт информационно-аналитического центра «Сова» Валерия Зайцева, «в определённой степени это демонстративный жест, но есть сомнения в том, что он приведёт к усилению реальной борьбы с экстремизмом» [10]. По мнению эксперта, настоящих экстремистов этим практически не напугаешь, но могут пострадать другие граждане, для которых амнистия исключается. Эксперт приводит пример, когда без достаточных оснований к экстремистам относят представителей некоторых религиозных групп.

В этой экспертной оценке законодательного выражения политической воли драматизация зла представляется «искусственной», т.е. вызванной не самим злом, а идеей использования его «в назидание» и потому преувеличения зла. Это действительно «демонстративный жест» (очень точное выражение эксперта), что указывает и на демонстрационную функцию политизации зла, о чём будет сказано ниже.

Для ситуации драматизации, вспомним, характерно, с одной стороны, наличие криминальной угрозы, с другой, – отсутствие противоправности в ответных крайних мерах защиты. К такой крайней мере относится свобода слова, в оценке которого нередко высказанное мнение подменяется обвинением в экстремистских призывах, т.е. в криминальной угрозе.

Характеризуя функцию мифологизации, уместно вспомнить слова К. Маркса: «Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их, особенно в руках профессионального юриста закон обладает способностью действовать в этом направлении» [11 с. 516].

Рассматривая мифологизацию борьбы с

преступностью советского и российского периодов, криминолог В.И. Шульга пишет: «Мифологизм состоит в том, что на методологическом уровне говорится о преступности как социально-детерминированном явлении, а на эмпирическом – о зарегистрированных преступлениях, выдавая второе за первое... идеология борьбы с преступностью ещё с советских времён сводится к борьбе за «статистику», а не к борьбе с преступностью» [12].

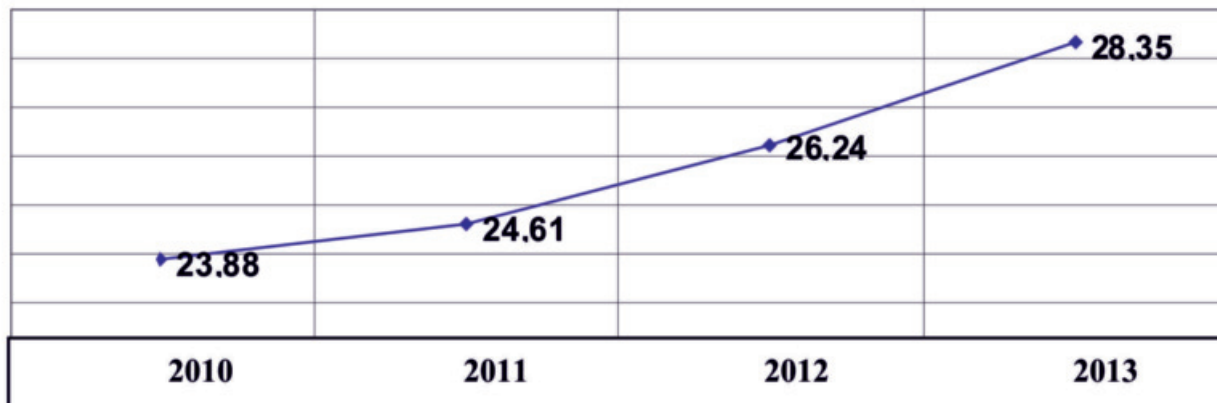
Действительно, такой характер борьбы ярко высвечивается в уголовной статистике. Например, анализ зарегистрированных преступлений в нашей стране за истекшие 40 лет, который провели российские криминологи В.В. Лунев, И.М. Мацкевич, Д.К. Нечевин, позволил сделать такой вывод. Каждый вновь назначенный министр внутренних дел, старался «объективировать регистрацию преступлений», в результате «статистическая» («политизированная») преступность возрастала. Однако уже «на следующий год политика менялась, поскольку рост преступности нельзя оправдать плохой работой предшествующего министра. Необходимо было отвечать самому, поэтому надо было демонстрировать «свои возможности», и он прилагал максимум усилий по ложному сокращению преступности в год» [13].

В течение последних семи лет нам рисуют статистическую картину победного противодействия преступности в России. При этом ежегодное снижение регистрируемых преступлений (в среднем на 7,3%) происходит на фоне возрастающего потока сообщений граждан о происшествиях (в среднем на 5,5% ежегодно). Налицо не что иное, как мифологизация преступности, т.е. создание мифа о преступности, образно говоря, как о шагреновой коже.

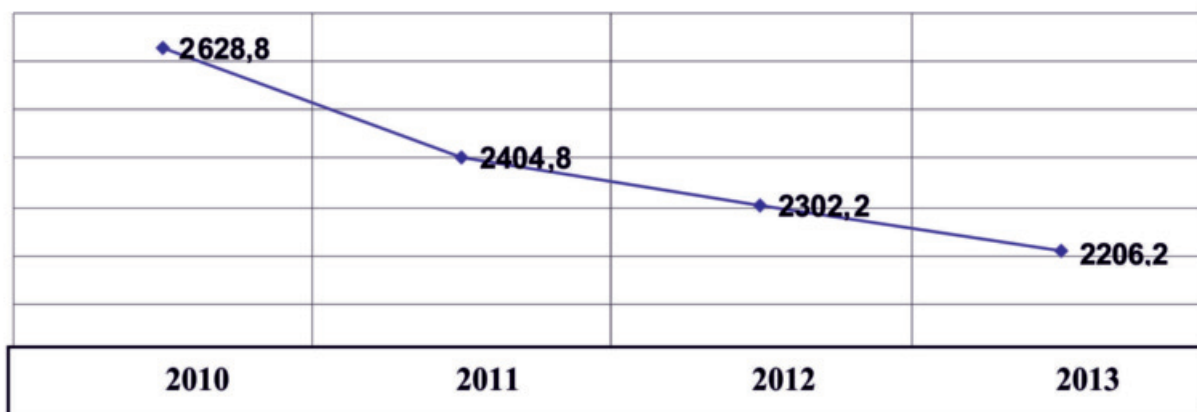
Например, за последние четыре года:

1) в органы внутренних дел страны поступило
23 880 000 сообщений (в среднем ежегодно +5,5%) 28 350 000 сообщений

2) зарегистрировано преступлений:
2 628 800 преступлений (в среднем ежегодно – 7,3%) 2 206 200 преступлений

В этой статистике и проявляется характер политизации, т.е. действие её функции минимизации. Что ведёт к фальсификация, за которой стоит пренебрежение человеческой жизнью и торжество безнаказанного криминала.

«Неприменение правовых норм юридическими органами и должностными лицами... подрывает авторитет власти и закона, – пишет А.А. Тер-Акопов, – способствует беспределу, развитию теневого права, авторитета криминала и в целом криминализации отношений, а значит, дальнейшему подрыву безопасности человека» [14, с. 149].

И то, что Генпрокуратура России отмечает массовые факты фальсификации уголовной статистики [15], и то, что Глава государства назвал однажды нелестным словом (а именно «брехнёй») пресловутую статистику [16], – всему этому не придаётся никакого значения для сложившейся системы политизации борьбы с преступностью. Поскольку, смеем предположить, в этой системе заключается и стремление укрепить политический имидж государства в борьбе с преступностью. И что самое печальное, жертвы (а их миллионы!) остаются не защищёнными от криминала. Правоохранительные органы страны еже-

годно не реагируют более чем на 20 млн. преступлений [17].

Другим, индивидуализированным примером минимизации зла может служить «политико-волевой» перевод преступления большей тяжести к преступлению меньшей тяжести, например, известное явление, которое можно было бы назвать «эффект (или, используя термин проф. Д.А. Шестакова – «синдром») Сердюкова»*.

Показательно в этом отношении расхождение мнений юридической ответственности в отношении дополнений в уголовное законодательство об ответственности за мошенничество, или «тиражировании мошенничества как уголовно-правового деяния». Профессор С.Ф. Милюков, разделяя критическую позицию коллег, в частности мнение Л. Гаухмана, пишет: «Мы тоже считаем этот феномен не столько юридически-техническим, сколько уголовно-политическим шагом законодательной и судебной властей по дальнейшей селекции расхитителей по сословным (классовым) признакам» [18, с. 71], т.е. шагом, смягчающим условия уголовной ответственности за мошенничество.

Минимизация зла, в конечном счёте, «передаёт эстафету» функции латентизации, которая чревата ещё большими последствиям – пренебрежению человеческой жизнью и торжеству безнаказанного криминала, о чём говорилось только что.

В декриминализации, или процессе «установления оснований исключения общественной опасности деяний, следовательно, и отмены их уголовной наказуемости» [19, с. 77–78] выражена наиболее общая политическая линия либерализации (уголовного законодательства). Основным двигателем либерализации выступает политическое усмотрение – непривычное выражение, но означающее привычное содержание одной из составляющих судебного усмотрения.

Специалисты, в частности криминологи, рассматривают либерализацию на фоне

осложняющейся (вследствие сложившихся условий активности преступности) криминологической ситуации в стране и обращают внимание на заметный контраст – между субъективно обусловленной либерализацией и объективно детерминированной криминализацией (проникновением и распространением криминала в различные сферы общества [19, с. 77–78]). При этом обнаруживается несоответствие осмысления политических перспектив реальной криминологической ситуации. Так, известный российский криминолог проф. В.В. Колесников задаётся вопросом о целесообразности вообще кардинальной либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, смягчения уголовной репрессии либо вообще отказа от такой «в обществе, которое захлестнул вал преступности» [20, с. 232].

Но, несмотря на мнения учёных, кардинальные шаги в области либерализации предпринимаются, о чём свидетельствуют «предпраздничные» амнистии. Критикуя такие политические шаги, сделанные Государственной Думой РФ в 2013 году, проф С.Ф. Милюков приходит к выводу о том, что «отечественная уголовно-правовая политика не отвечает интересам подавляющего большинства населения страны и «служит интересам новоявленной буржуазии и её зарубежным партнёрам» [18, с. 74].

Переходя к рассмотрению функции злоупотребления, следует сказать, что этот менее известный термин «злоупотребление» имеет мало что общего с более чем известным термином «злоупотребление». «Злоупотребление» определяется как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей» [21, с. 231]. То есть это слово выражает степень, меру дозволенного, вернее, указывая уже на недозволенность. Как известно, одноименный термин в уголовном праве обозначает факультативный признак состава преступления.

«Злоупотребление» – это, иными сло-

вами, «использование зла», его властной силы. В данном случае зло понимается (разумеется, с позиции утилитарного подхода) не как критерий ненормальности употребления прав, возможностей, а как средство, инструмент воздействия. При этом субъект воздействия руководствуется логикой меньшего зла. Так, Ч. Беккариа, высказывая в целом отрицательное отношение к смертной казни, точнее к злоупотреблению смертными приговорами, вместе с тем допускал применение наказания в виде смерти человека в исключительных случаях: во-первых, когда гражданин, не смотря на лишение свободы, остаётся по-прежнему влиятельным и могущественным источником угрозы безопасности государства, и, во-вторых, когда смертная казнь остаётся «единственным средством удержать других от совершения преступлений» [22, с. 170].

Кстати, в отличие от Беккариа, допускавшего исключительные случаи применения смертной казни, Кант, наоборот, лишь в единичных случаях допускал воздержание от смертной казни (замену её другой мерой наказания, например, ссылкой). Таким образом, с позиции Беккариа в позиции Канта явно можно усматривать то самое «злоупотребление смертными приговорами», или злоупотребление злоупотреблением.

Например, о факте злоупотребления пишет Pravda.ru, передавая содержание статьи в голландской газете «Телеграф» о бесправии иностранцев в США. В частности сообщается о некоем 38-летнем Ахмеде, который четыре года находится в заключении без суда и следствия как лицо представляющее угрозу национальной безопасности. Но при этом ни сам заключённый, ни его адвокат и ни американский суд не располагают уликами: они засекречены. «С отвращением высказался судья во время чтения приговора о "ядовитой атмосфере" и о злоупотреблении законов государством», – пишет «Телеграф» [23].

И речь здесь должна идти не только о

«злоупотреблении законов», но и исполнительной власти. Например, Соединённые Штаты Америки официально объяснили, в каких случаях они считают себя вправе осуществить злоупотребление власти. Так устами Генерального прокурора США было заявлено, «что американские граждане, живущие за границей, могут быть убиты, если они представляют собой «неминуемую опасность» для страны» [24]. В частности Генпрокурор, отвечая на вопросы правозащитников об убийство в результате атаки беспилотника родившегося в США мусульманина аль-Авлаки (преемника бен Ладена), объяснил, что «использование силы с летальным исходом регулируется законами войны, и иногда правительство вынуждено действовать быстро, что делает нецелесообразным обращение в суд за разрешением на убийство» [24].

Рассматривая предлагаемую функцию «злоупотребления», представляется уместным привести здесь слова русского религиозного и политического философа Н.А. Бердяева о происхождения зла как следствии злоупотребления свободой: «Происхождение зла объясняется обыкновенно свободой, которой Бог наделил тварь и которой она злоупотребила» [25, с. 28]. И, что также важно отметить, это размышление Н.А. Бердяева о позитивной стороне зла: «Возможность зла есть условие добра... Бог терпит зло, допускает зло во имя блага и свободы» [25, с. 45]. Из этого следует вывод: позитивная роль зла допускается, но в то же время и ограничивается тем, что оно направлено на уничтожение другого, ещё большего зла.

Но в этом неопределённом положении «цель оправдывает средства» заявляет о себе нравственная природа поступка, которую «определяет убеждение, считающее нечто правовым» [26]. И здесь может возникнуть ситуация в которой господствующая мораль подминает под себя право. В подобном случае легко возникает «правовое» убеждение «делать преступление

средством для достижения благой цели» [26, с. 180] для политизации это свойственно, т.к. политика достаточно эмоциональна, чувствительна к общественному мнению и правонастроению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров. И это сказывается на характере политических идей, установок, корректировке целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

Показателен такой пример злоупотребления. В одном из интервью журналистам Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко признался, что в 90-годы он приказывал расстреливать бандитов на трассе Москва – Брест: «...устроили ловушки на этой трассе... Всех, кто сопротивлялся из бандитов, расстреливали на месте. Три группы таких уничтожили – четвертой не было. И до сих пор тихо и спокойно» [27]. И в отношении эмоциональности политик также оказался верен себе. «Может, это слишком. Но я не находил другого метода ответить на этот разбой, как дать в морду» [27].

Определяя сущность компромиссной функции злоупотребления, целесообразно обратиться к актуальной и глубинной проблеме взаимодействия . например, таких полярных сторон, как «коррупции» и «антикоррупция». В этой проблеме сфокусировано множество разносторонних вопросов, ответы на которые ищут представители теоретической и практической юриспруденции. В числе этих вопросов неизбежно обращает на себя внимание компромисс как оригинальный метод управленческого воздействия. Своеобразие этого метода в частности заключаются в том, что «разные языки» (криминальный и некриминальный) вдруг начинают говорить на одном, общем для них, «третьем языке», которым и является компромисс, или, образно говоря, своеобразный эсперанто.

В данной ситуации, во-первых (рас-

сматриваемое как меньшее зло), дача взятки, посредничество используются в борьбе с большим злом, в частности с получением взятки и, особенно, с вымогательством и предполагаемым последующим уголовно-наказуемым деянием («правомерная провокация»). Например, Ю.П. Гармаев и В.А. Фалилев приводят данные (со ссылкой на исследования Б.Я. Гаврилова и С.К. Боженюка), из которых следует, что «свыше 80% всех обвинительных приговоров по уголовным делам о получении взятки в России основаны на доказательствах вины, которые были получены именно путём такой «правомерной провокации», или оперативного эксперимента [28].

Во-вторых, дача, посредничество используются как провокация, или инсценировка дачи взятки, т.е. «создание ситуации, под воздействием которой провоцируемый совершает преступление, влекущее для него вредные последствия, не охватываемые его сознанием» [29, с. 6] («неправомерная провокация»).

Провокационный компромисс преследует разные цели: создание (искусственных) доказательств обвинения, спровоцированное задержание с поличным, шантаж, причинение морального вреда и возможные другие цели [29, с. 6], в данном контексте, например, устранение политического конкурента.

Как пишет А.И. Терских, «компромисс – явление социальное, и уголовно-правовой компромисс... не является исключением» [30, с. 87]. В данном контексте «явление социальное» следует соотносить с явлением социального управления и политики его обеспечения. Так применительно к политике противодействия коррупции компромисс следует рассматривать и как метод политических решений и действий [31].

Компромисс представляется целесообразным рассматривать и в политико-правовом аспекте в частности между субъектами государственного (и муниципального) управления в сфере противодействия кор-

рупции и элементами среды функционирования, между теоретиками, политиками и практиками противодействия коррупции и др. Например, по оценке Национального Антикрупционного Совета РФ в современной политике противодействия коррупции доминирует идеология, замыкающая проблему противодействия коррупции полностью на административную систему, на государство, что неизбежно вызывает конфликт. С одной стороны, конфликт возникает как между элементами (например, правоохранительными и не правоохранительными) системы государственного и муниципального управления, так и между системой и обществом. В связи с этим предлагается найти компромисс между негативным отношением к определённым должностным лицам, особенно к коррупционерам, и той позитивной ролью, которую, несомненно, играют субъекты управления в процессе исполнения должностных обязанностей [32].

Например, реализация этой идеи была бы весьма полезной в сложных правоотношениях между судьями, следователями, оперативными работниками, прокурорами и лингвистами (журналистами), особенно в «щекотливом» вопросе законности оперативно-разыскных действий. И как тут не согласиться с президентом Российской кримино-логической ассоциации, профессором А. И. Долговой, когда она говорит с нескрываемой досадой: «Вопросы, когда следователь не доверяет оперативнику, когда оперативник и следователь не доверяют судье, а судья вообще никому не доверяет, на этом уровне при рассогласовании по различным организациям гласного и негласного расследования разве может вестись продуктивная работа?» [33].

Бескомпромиссная, или в более жёсткой её форме – антикомпромиссная функция обращает на себя внимание воинствующим духом полярной политизации криминала. Яркая тому иллюстрация – изречение убитого украинского генерала

МВД Кульчицкого: «...Будем мочить вас в сортирах... И мне всё равно будет, кого из вас убивать: мирное население, не мирное» [34].

Другую иллюстрацию приводит Дмитрий Анатольевич, когда он говорит о так называемом «праве на революцию», т.е. о «праве» «проплаченного снайпера», который исподтишка стреляет то по бунтовщикам, то по умиротворяющим, о «праве» на разжигание вражды между народами-соседями и других подобных «правах» [35].

В современной антикриминальной политике представляется очевидным, что доминирует авторитет её ведущих субъектов, стиль которых определяется устремлениями соответствующей (радикальной) направленности. Правда, направленность эта устремлена на благую цель – победить криминал, в отличие от упомянутой выше направленности – устремлённой на утверждение криминала. Здесь тоже множество примеров тому. Так, в своё время председатель комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам А.Г. Лысков дал интервью Радио России. Разговор шёл о перспективах борьбы с коррупцией. Характеризуя антикоррупционное законодательство, сенатор определил в нём «твёрдое намерение начать войну с коррупцией не на жизнь, а на смерть» [36].

А не так давно, поздравляя сотрудников и ветеранов органов прокуратуры с их профессиональным праздником, Президент РФ В.В. Путин «призвал их вести бескомпромиссную борьбу с коррупцией» [37.]

Подвергая критической анализу теоретические положения и опыт реализации бескомпромиссной борьбы с преступностью, проф. П.Н. Панченко, известный российский учёный, специалист в области уголовного права и уголовной политики, употребляет термин «бандитизм философии». Им он обозначает неприкрытый, грубый, разнузданный, беспредельно жестокий подход к решению проблемы преступности, который проявляется «в

постоянно повторяющихся призывах выжигать её «калёным железом», в охаивании и поношении преступников, в постоянно практикующейся внесудебной расправе, замаскированной под необходимую оборону» [38, с. 274].

«Бескомпромиссный тон», или стиль антикриминальной политики получает выражение в демонстрационной функции политизации.

Характеризуя эту функцию политизации, следует отметить, что демонстрация силы в принципе более чем свойственная черта политики в целом. Например, то же проф. П.Н. Панченко, анализируя сущность политики, так и пишет: «Одно из предназначений политики – демонстрация властью собственной силы (“дееспособности“»)» [38, с. 267]. В оценке учёного уголовное законодательство как наглядное средство политики выражает эту функцию – «демонстрацию требований государства в отношении поведения граждан в различных ситуациях, подкреплённую демонстрацией его (государства) намерений применять принуждение», а также «для практической реализации демонстрируемых государством намерений применять силу» к тем, кто не подчиняется законным требованиям [38, с. 267 - 268].

Целесообразность в демонстрационной функции выражается в двух видах, которые можно определить как: а) превентивно-коммуникативная (от лат. communication – способ сообщения передачи) подфункция и б) превентивно-показательная подфункция. Превентивно-коммуникативный характер демонстративной функции обуславливается информационными формы демонстрации зла, например, основанные на методе пропаганды (распространение и разъяснение идеи в популярной форме) или агитации (призыва к совершению определённого действия или к отказу от какого-либо действия). При этом используются средства массовой коммуникации (информации).

Превентивно-показательный характер

демонстрационной функции выражается, как правило, в «назидательных», «показательных» действиях, правоприменительных актах. Здесь можно вспомнить о прошлых «показательных судах» и не столь пропагандируемых современных процессах, например, по так называемому «болотному делу» или по делу феминисток, исполнивших танец в храме Христа Спасителя.

В современной антикриминальной политике представляется очевидным, что доминирует авторитет её ведущих субъектов, стиль которых определяется соответствующими устремлениями. В целом они, разумеется, позитивные. Целесообразность борьбы с преступностью неоспорима, поскольку объективно закономерна. Следовательно, идея правильная. А идеи, как известно ещё от Платона, правят миром (через умозрение политиков). Другое дело, кем и как, с помощью каких методов, средств идея будет реализовываться. А это уже другие уровни мышления – уровень законодательной (включая программирование, планирование) и уровень исполнительно-распорядительной практики.

И на этих уровнях проявляется усердие (переходящее в произвол) правоприменителя покончить со злом в образе преступности, в стремлении выжечь его «калёным железом», т.е. искоренить преступность в стране. Чем-то это напоминает русскую пословицу о том, что молиться Богу становится безопасно уже не для каждого.

Но более опасен допускаемый со стороны правоприменителя произвол, который А.А. Тер-Акопов рассматривал как один из источников юридической опасности [14, с. 149]. Например, гражданин обратился за юридической защитой или поступил по закону (в ситуации необходимой обороны), однако вследствие упомянутого произвола потерпевший получает клеймо правонарушителя со всеми вытекающими последствиями

В данном случае можем констатировать,

что политизация переходит за определённую грань (разумного, правового) предела, она становится способной «причинять ущерб нормальному процессу развития общества, его жизнедеятельности. В деятельности власти, в политической жизни крайне важно не перегибать палку, не перешагивать за рубеж здравого смысла» [14, с. 149]. А в «перегибании палки» и заключается тот самый эффект, который именуется «драматизацией зла».

Ярким примером политизации зла служит одна из девяти мер безопасности, которые определяет проф. Д.А. Шестаков, а именно: «Лишение жизни либо здоровья людей, попросту тех, кто негоден, а именно: 1) политиков, 2) творцов искусства, 3) учёных» [10, с. 14].

Пример тому – обвинение в экстремизме учёного, написавшего диссертацию о коррупции на Олимпиаде в Сочи. В частности диссертант указал, что превышение цены сочинских объектов составляет от 30% до 60%. Как сообщает РИА Новый Регион – Сочи 2014, за два дня до открытия Олимпиады к нему в квартиру «ворвались омоновцы и сотрудники отдела полиции по борьбе с экстремизмом (Центр «Э»), повалили на пол и устроили обыск в квартире» [39].

Здесь уместно привести высказывание Президента России В.В. Путина. Он адресовал свою мысль студентам МГУ им. М.В. Ломоносова по поводу заданного ему вопроса о свободе слова: «С нарушениями бороться надо. Всё закрутить – это перебор. Здесь нужен баланс между интересами государства и ощущениями общества... А запретить нельзя. Это всё равно, что запретить статью, книжку... надо талантливо и умно ответить» [40].

А вот этого-то и не хватает многим политикам, особенно в практической юриспруденции, и осуществляется с позиции политической целесообразности, драматизация зла легко может оказаться за пределами законности.

Представляется, что на данное обстоя-

тельство в числе других подобного рода обстоятельств, не мог не обратить внимания Пленум Верховного Суда Российской Федерации, приняв Постановление от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В нём в частности разъясняется: «Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты международных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду...» [41].

Постановление Пленума было принято в июне 2011 года, а события, противоречащие здравому смыслу и принципу законности, продолжают иметь место и по настоящее время. И у главы государства по-прежнему достаточно оснований, чтобы вернуться к печальной констатации – о неумении «талантливо и умно» реагировать.

Завершая эти краткие наброски концептуального характера о «высвеченном» в познаваемой материи явлении, очень надеюсь, что данная инновация, названная «политизацией зла», не останется незамеченной коллегами. И надеюсь на конструктивную критику, которая, вне всякого сомнения, стимулирует продуктивность научной мысли. Тем более, что в изложенном представлены лишь, повторяю, наброски (как представил свою краткую концепцию безопасности криминологической теории «цветной» революции А.Д. Шестаков) возможной будущей концепции.

Список использованной литературы

1. Долгова А.И. Общая характеристика борьбы с преступностью // Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
2. Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.
3. Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
4. Петров В. Криминальная политика в Бурятии: URL: <http://www.newbur.ru/news/746> (дата открытия документа 07.03.2014 года).
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сот. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. 271с.:URL: <http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija> (дата открытия документа 15.02.2014 г.).
7. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. 75 с.
8. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2012 году: URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2013/04/d26952/> (дата открытия документа 11.04.2014 года).
9. Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13 – 22.
10. Мухаметшина Е. Экстремисты потяжелели: URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/02/04/5880797.shtml> ((дата открытия документа 10.05.2014 года).
11. Маркс К. Население. Преступность и пауперизм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 13. С. 513 – 518.
12. Шульга В.И. Преступность: статистика и реальность:URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?lang=ru&fmode=envelope&tld=ru&text=> (дата открытия документа 21.02.2014 года).
13. Лунеев В.В., Мацкевич И.М., Нечевин Д.К. Проблемы отечественной преступности: статистика и реалии // ЕвразЮж. 2010. № 1 (32): URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=1815:2011-02-03-08-53-11&catid=101:2010-06-03-10-59-29&Itemid=196 (дата открытия документа 21.02.2014 года).
14. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 196 с.
15. ГенПрокуратура отмечает массовые факты фальсификации статистики преступности в РФ: URL: : www.infosud.ru/incident_news/20110421/252302382.html (дата открытия документа 04.02.2014 года).
16. Медведев попенял силовикам: их статистика – «брехня»...: URL: <http://www.newsru.com/russia/19nov2010/brehnia.html> (дата открытия документа 20.12.2013 года).
17. Социсследование – Латентная преступность: URL: <http://nashaucheba.ru/v28047/> (дата открытия документа 25.02.2014 года).
18. Милюков С.Ф. Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики //

Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 64 – 74.

19. Полный курс уголовного права / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 1113 с.

20. Колесников В.В. Экономическое развитие и преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.

21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

22. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс» БИМПЛ, 1995. 303 с.

23. Приключение иностранцев в Америке: URL: <http://www.pravda.ru/news/world/27-09-1999/906939-0/> (дата открытия документа 22.04.2014 года).

24. США впервые объяснили, когда они считают себя вправе убивать граждан, сотрудничающих с «Аль-Каидой»: URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/03/06/n_2230677.shtml

(дата открытия документа 17.04.2014 года).

25. Бердяев Н. О назначении человека Опыт парадоксальной этики. Париж: Издательство «Современные записки», 1931. 320 с.

26. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сот. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

27. Лукашенко признался, что в 90-е годы приказал расстреливать бандитов на трассе Москва – Брест: URL: http://www.gazeta.ru/auto/news/2013/10/11/n_3246405.shtml (дата открытия документа 02.04.2014 года).

28. Гармаев Ю.П., Фалилев В.А. Оперативный эксперимент по делам о получении взятки: правила проведения, исключаяющие провокацию: URL: [http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/garmaev\(22-03-07\).htm](http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/garmaev(22-03-07).htm) (дата открытия документа 07.05.2014 года).

29. Сандаковский С.А. Уголовно-правовая оценка провокации взятки: Автореф. дис. ...канд.юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2011. 18 с.

30. Терских А.И. Уголовно-правовой компромисс: понятие и социальная сущность // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 40.

31. Горшенков Г.Н. Коррупция и антикоррупция – закономерности взаимодействия // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23-24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. Т. 1. С.273 – 289.

32. Отчетный информационный доклад Национального Антикоррупционного Совета РФ по проблемам противодействия коррупции: URL : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.korupcii.net%2Findex.php%3F%3D4%26id%3D63&tld=ru&lang=ru&la=&text=КОМПРОМИСС> (дата обращения 15.04.2014 г.).

33. «Противодействие организованной преступности: законодательный и практический аспекты» (сокращенное изложение дискуссии): URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.korupcii.net%2Findex.php%3F%3D4%26id%3D63&tld=ru&lang=ru&la=&text=КОМПРОМИСС> (дата обращения 21.08.2013 г.).

34. Убитый украинский генерал обещал истреблять русских в сортирах: URL: <http://lifefews.ru/news/134128>.

35. Шестаков Д.А. К преступноведческому учению об управляемых со стороны ГОВ и очищающихся от неё революциях: URL: http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=161:2014-04-22-13-09-03&catid=10:osoboznachimye-prestupleniya&Itemid=1 (дата обращения 11.06.2014 г.).

36. Анатолий Лысков: атака «пятой колонны»: URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-292213.html?page=4> (дата обращения 20.04.2014 г.).

37. Путин призвал прокуроров к бескомпромиссной борьбе с коррупцией: URL: <http://ria.ru/society/20140110/988558555.html> (дата обращения 31.04.2014 г.).

38. Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 820 с.

39. В России обвинили в экстремизме учёного, написавшего диссертацию о коррупции на Олимпиаде в Сочи...: URL: <http://www.nr2.ru/sochi2014/483829.html> (дата открытия документа 26.02.2014 года).

40. Колесников А. Основы юриспруденции // Коммерсант. 2013. 24 февраля.

41. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Российская газета. 2011. 4 июля.

Gennadiy Gorshenkov
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky, Doctor of Law, Professor. Vice-President of the Russian Criminological Association

Crime and policy

Summary

Notion "policy is Analyses against crime", are considered functional mechanism of the political ensuring the reluctance crime. Attention is accented on use the crime as facility of the achievement political integer.

Stand out and are characterized functions to political estimation of the crime. Idea of the exception illegal manipulate is Expressed in policy against crime

Gennadiy Qorşenkov
N.İ. Lobaçevskiy adına Nihniy Novqorod Dövlət Universitetinin “Cinayət hüququ və prosesi” kafedrasının professoru, hüquq elmləri doktoru, professor, Rusiya kriminoloji Assosiyasiyasının vitse-prezidenti

Kriminal və siyasət

Xülasə

Məqalədə “antikriminal siyasət” anlayışı təhlil olunur, kriminala qarşı mübarizənin siyasi təminatının funksional mexanizmi nəzərdən keçirilir. Siyasi məqsədlərə nail olmaqda cinayətkar ünsürlərdən istifadəyə xüsusi diqqət yetirilmişdir. Eyni zamanda, kriminalın siyasiləşmə funksiyaları göstərilmiş və xarakterizə edilmişdir. Antikriminal siyasətdə hüquqazidd manipulyasiyaların yolverilməzliyi fikri ifadə olunmuşdur.

СЕРГЕЙ МАСЛЕНЧЕНКО

Начальник кафедры философии и идеологической работы Академии МВД
Республики Беларусь кандидат культурологии, доцент

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ СУБКУЛЬТУРЫ ХАКЕРОВ

Keywords: hacker, cracker, criminalization, social role, criminal subculture, image.

Ключевые слова: хакер, хакер, криминализация, социальная роль, криминальная субкультура, имидж.

Açar sözlər: haker, kraker, kriminallaşma, sosial rol, kriminal submədəniyyəti, imic.

Введение. Информация и технические достижения в начале XXI века становятся определяющей силой в развитии как материальной, так и духовной культуры человечества, что находит отражение в росте влияния техники в современной культуре. Традиционно информационные инновации распространяются быстрее всего в молодежной среде. В отличие от старших поколений, использующих достижения компьютерной техники главным образом в рабочее время и в производственных целях, молодежь проявляет другую тенденцию – компьютерная техника, в основном выступает средством развлечения и проведения основного досуга. Однако, следует отметить, что тенденция «развлекательной компьютеризации» начинает затрагивать и более взрослые слои населения. Нередко компьютерные технологии становятся средством достижения и реализации криминальных целей. И хотя статистически удельный вес пользователя школьного возраста относительно невелик, в последние годы отмечается возрастающее омоложение образа «компьютерного преступника». В сложившихся условиях особую значимость приобретает

изучение влияния компьютерных технологий на молодого человека и определение программ профилактики и недопущения негативных последствий инновационных информационных технологий на формирующуюся личность молодого гражданина.

Сегодня количество ролевых моделей, выбираемых в качестве социального подражания, в молодежной среде Европы и США не так велико, в основном это звезды шоу-бизнеса и распространенных видов спорта. Но по мере расширения границ информационного общества возникает привлекательность социальных ролей, связанных с виртуальным пространством и обменом данными. Легализованные ролевые наборы в этой сфере начинают конкурировать с самыми престижными и высокооплачиваемыми профессиями в глобализирующемся мире. Среди них – хакеры, представленные динамически развивающейся и структурирующейся мозаичной социальной совокупностью профессионалов и самоучек, объективирующих разнонаправленную социальную активность.

В начале XXI века хакерская социальная среда разделилась на два социокультурных образования: первое, действующее в рамках правового поля, и второе, реализующее себя в криминальной практике. При этом возникли две противоположные социальные роли (белый и черный хакеры), ставшие моделью для ролевого подражания в молодежной среде, популяризируемы в общественном сознании через масс-медиа (фильмы и сериалы:

Виртуальная реальность (1995), Сеть (1995), Хакеры (1995), Нирвана (1997), Повелитель сети (1998), Матрица (1999), Пираты Силиконовой долины (1999), Взлом (2000), Антитраст (2001), Медвежатник (2001), Охотник за кодом (2001), Пароль «Рыба-меч» (2001), Энигма (2001), Матрица: Перегрузка (2003), Матрица: Революция (2003), Земное ядро (2003), Версия 1.0 (2004), Огненная стена (2006), Сеть 2.0 (2006), Трон: Наследие (2010), Социальная сеть (2010), В поле зрения (2011), Чужими глазами (2012), Пятая власть (2013), Забвение (2013), Разведка (2014), Превосходство (2014)).

Основная часть. Методологическими основаниями исследования условий, динамики и последствий криминальной и социокультурной объективации субкультуры хакеров выступают коммуникативный и структурно-функциональный методы анализа; большой вклад в развитие этих направлений внесли Б.Малиновский, Т.Парсонс, В.Степин, Л.Уайт, Ю.Хабермас, Й.Хейзинга. Модели изучения информационных процессов и их влияния на стратификационное расслоение общества предложены в трудах Д.Белла, Д.Гранта, Д.Нейсбита, Э.Тоффлера, С.Хантингтона.

Однако в рамках современной уголовной социологии тема молодежной субкультуры и коммуникации остается одной из малоисследованных областей. Белорусская школа криминологии (уголовной социологии) находится в процессе становления, что естественным образом сказывается на количестве исследовательских работ по данной тематике и выражается в отсутствии систематизированных знаний и эффективной методологии при изучении процессов криминализации субкультурных образований в условиях информатизации общества.

Изучение этих процессов важно для перспективного развития уголовно-социологического понимания новой эпохи, в которой техника, информация и каналы ее передачи становятся существенными механизмами трансформации общества,

порождая новые субкультурные образования, правомерные и криминальные ценностные ориентиры, модели поведения, постепенно заменяя старые традиционные программы человеческой активности.

Теоретико-методологической базой исследования выступили основные положения коммуникативной теории, разработанной А. Бретоном, С. Пру, В. Степиным, Ю. Хабермасом и Й. Хейзинга, и структурно-функциональной теории, представленной в работах Э.Дюркгейма, Б. Малиновского, Р. Мертона, А. Радклифа-Брауна, Т. Парсонса, что дало возможность определить механизмы взаимодействия культуры и субкультуры, исследовать влияние стратегий коммуникации на генезис культуры как системы и субкультур как ее сегментов, связанных в своем существовании с конкретными жизненными установками, ценностными ориентациями, социально-политическими и правовыми предпочтениями определенных групп молодежи. Кроме этого, методологическая основа криминологического исследования формировалась с учетом идей и концепций М. Говарда, С. Лема, Н. Лумана, Л. Мамфорда, Д. Нейсбита, Х. Ортега-и-Гассета, О. Тоффлера, С. Хантингтона, Ф. Юнгера, Б. Шнайера, Дж. Кларка. Труды белорусских ученых Е. Бабосова, А. Данилова, М. Можейко способствовали разработке теоретико-концептуальной основы и инструментария исследования.

В исследовании применялись системный, описательный и формально-правовой подходы к типологизации субкультур; ценными для исследования стали компаративный, криминалистический и другие методы.

Слово “хакер” невозможно адекватно перевести на русский – в первую очередь, в силу его двусмысленности. С одной стороны, хакер – преступник, незаконно проникающий в компьютерные системы с целью украсть или изменить содержащуюся там информацию. С другой, хакер – это просто специалист по компьютерам и компьютерной связи, для которого его занятие

одновременно и хобби, и работа.

На самом деле у этой проблемы существует, по меньшей мере, две стороны, положительная и отрицательная, и между ними может проходить четкая граница, которая, вероятно, должна расставить все на свои места. Эта граница разделяет всех представителей данной субкультуры на хакеров (hackers) и кракеров (crackers). И те, и другие во многом занимаются решением одних и тех же задач – поиском уязвимостей в вычислительных системах.

Принципиальное различие между хакерами и кракерами состоит в целях, которые они преследуют. Основная задача хакера состоит в том, чтобы, исследуя вычислительную систему, обнаружить слабые места (уязвимости) в ее системе безопасности и информировать пользователей и разработчиков системы, с целью последующего устранения найденных слабостей.

Основная задача кракера состоит в непосредственном осуществлении взлома системы с целью получения несанкционированного доступа к чужой информации, – иначе говоря, для ее кражи, подмены, объявления факта взлома или использования в других целях, в том числе и в интересах третьих лиц. На рубеже нынешнего столетия преступная деятельность кракер, по своей сути, ничем не отличалась от обычного вора, взламывающего чужие квартиры и крадущего вещи. Сегодня он взлом вычислительных систем с целью кражи чужую информации, возможно, самое безобидное проявление его девиантного поведения, если учитывать более опасные последствия несанкционированного захвата управления системой.

Таким образом, кардинальное различие между хакерами и кракерами в том, что первые – исследователи компьютерной безопасности, а вторые – просто преступники. Хакер в этой терминологии – специалист. Подобное токование можно найти в словаре Гая Л. Стила [5, с. 66]:

1. Индивидуум, который получает удовольствие от изучения деталей функ-

ционирования компьютерных систем и от расширения их возможностей, в отличие от большинства пользователей компьютеров, которые предпочитают знать только необходимый минимум.

2. Энтузиаст программирования; индивидуум, получающий удовольствие от самого процесса программирования, а не от теоретизирования по этому поводу”.

Данная трактовка термина “хакер” отличается от принятой в средствах массовой информации, которые, собственно, и привели к подмене понятий. В последнее время многие специалисты по компьютерной безопасности (особенно на Западе) стали более осмотрительно относиться к этим дефинициям.

Следует отметить, что рассмотрение субкультуры хакеров целесообразно проводить в контексте более широкого внутрикультурного образования – кибер-культуры, которая в зависимости от мотивов деятельности делится на следующие группы:

1. Клаберы и геймеры, две категории кибер-пользователей которые тесным образом связаны между собой. Как правило, они выступают объектом интересов множества производителей как компьютерной, так и мультимедийной техники. И если IP-компании направляют свои рекламные усилия на привлечение геймеров и клаберов-геймеров к покупке и постоянной модернизации имеющихся у них ЭВМ, то мультимедийные производители, такие как Asus, Acer, Sony, Samsung, LG, Lenovo и др., предлагают широкий спектр сопутствующих товаров: стереофонические системы объемного звука, очки виртуального погружения, веб-камеры, наушники, портативные цифровые носители с дополнительными функциями.

Среди геймеров можно выделить две модели киберактивности:

1. Игра на собственном ПЭВМ, которую предпочитает меньшая часть из этой группы;
2. Игра с другими пользователями в рамках как локальных, так и интернет-сетей, которая находит распространение у 75%

геймеров. Отсюда большая их часть предпочитает проводить свободное время не дома в локальной сети (поскольку ее возможности в количественном и качественном планах ограничены аудиторией (жильцы одного или нескольких домов) и возможностью общего сервера), а в интернет-кафе или интернет-клубах, где технические характеристики выше, а масштабы играющих многопорядково возрастают. В рамках клубов происходит дальнейшая дифференциация геймеров-клуберов. Как правило, в их среде возникают социокультурные группы, главным интегрирующим механизмом которых выступает интерес к какой-либо конкретной игре. В Беларуси, в отличие от той же России, дифференциация незначительная, хотя явно в среде геймеров-клуберов можно выделить такие группы – “World of Tanks”-, “CohterStrikes”-, “Warcraft”-, “Quacke”-, “FIFA”- и “Command & Corquer” - сообщества, получившие свои названия от одноименных компьютерных игр. На уровне международных контактов этих сообществ проводятся чемпионаты по определению мирового лидера среди стран по той или иной игре.

Социальную базу геймеров-клуберов составляют лица школьного возраста и студенты. Так среди завсегдаев интернет-кафе и клубов посетители старшего школьного возраста (14–17 лет) составляют 40%, студенты (18–23 года) – 25%, младшего школьного возраста (до 14 лет) – 25%. 99% посетителей белорусских интернет-кафе и клубов – молодые люди в возрасте 13–22 лет [4; с.22].

Всемирная организация здравоохранения, обобщив материалы о влиянии компьютеров на здоровье человека, пришла к выводу, что частая и продолжительная работа с компьютером несет негативные последствия для здоровья, прежде всего психического, пользователя, что выражается в быстрой утомляемости, скачкообразном изменении артериального давления, повышенном потоотделении, глазных стрессах, головных болях, обмороках [1, с.

47]. Уже сейчас психологи отмечают появление синдрома, который условно называют “компьютерным бешенством”. Как показывает статистика, в настоящее время каждый второй пользователь проявляет признаки неадекватного поведения при работе с компьютером. Наиболее характерные из них – применение физической силы к ПЭВМ, бросание оборудования, оскорбление коллег и другие проявления гнева и раздражения [7, с. 2]. А причины хорошо знакомы каждому: непослушание мышки, сбой программного обеспечения, “зависание” оперативной системы или вообще потеря драгоценных данных.

Увлечение молодых людей компьютерными играми становится одним из условий формирования компьютерных преступников. Притягательная сила компьютерных игр заключается в их наркотическом эффекте. Одновременно игромания ведет к ряду нежелательных последствий: снижению волевых качеств, к появлению иллюзии вседозволенности и всемогущества, к разрушению психики. Аномальные изменения психики накладывают отпечаток на личностные качества субъекта, что может послужить толчком к совершению преступления. Эти процессы усугубляются тем обстоятельством, что значительную часть своего свободного времени большинство юных пользователей проводит без родительского контроля. Недостаток знаний об интернете и компьютерах у родителей приводит к тому, что они не имеют представления о деятельности своих детей в Сети. В проведенном компанией Telewest на данную тему исследовании говорится, что многих родителей беспокоит содержание посещаемых их отпрысками страниц, но каждый четвертый не знает, куда обратиться за советом по данному поводу. Кроме того, большинство родителей не знает, чем занимаются в Сети их дети. Из 500 опрошенных родителей более половины призналось в собственной неуверенности, приводящей к тому, что они могут пребывать в Сети

только в присутствии своих детей [6, с.28].

Среди пользователей школьного и студенческого возраста две трети – это молодые люди, предпочитающие стратегии, “стрелялки” и спортивные симуляторы.

2. Спамеры – одна из новых групп кибер-пользователей, возникшая в середине 1990-х гг. и в начале XXI века представляющая определенную угрозу интернет-пространству. Местом их локализации выступает Всемирная сеть.

Можно выделить две группы спамеров:

1. Спамеры-кракеры – профессиональные взломщики информационных ресурсов, которые, получив заказы и материальное вознаграждение от крупных компаний, занимающихся сетевым маркетингом и самостоятельной рассылкой спама – определенных рекламных сообщений, незаказанных получателем.

2. Спамеры-предприятия – предприятия, занимающиеся сетевым маркетингом, приобретающие за материальное вознаграждение у спамеров-кракеров или вообще у кракеров списки компьютеров, доступы к которым ими предварительно взломаны, и самостоятельно с помощью своих компьютерных ресурсов осуществляющие спам-рассылку на электронные ящики пользователей. Спамеры-кракеры, как правило, продают свои списки не одной, а нескольким десяткам компаний, в результате от последних нечего не догадывающемуся пользователю приходят по электронной почте десятки, а то и сотни рекламных предложений. По данным исследований 64–83% электронной почты в мире – спам [2, с.3]. Исследования компании Sophos показали, что из США рассылается больше спама, чем из остальных регионов вместе взятых. Однако, если проследить информационный след рассылки спама, то представители этой компании считают, что в действительности большая часть спама производится в России, а российские спамеры для его рассылки используют американские компьютеры, контроль над которыми получают с помощью своих же кра-

керов. В процентном отношении показатели выглядят следующим образом: США – 56% мирового спама, Канада – 6,8%, на третьем месте – Китай и Гонконг, на четвертом – Южная Корея. Следует отметить, что в официальном списке стран-спамеров – ни одного из государств СНГ нет.

3. “Белые” хакеры – малочисленная группа кибер-пользователей, ставящая целью своей деятельности оказание помощи программистам и пользователям в совершенствовании управления компьютером и виртуальными сетями, модернизации и создании новых программ, в борьбе с черными хакерами – кракерами.

В статистическом своем большинстве “белые” хакеры – бывшие кракеры. Но путь превращения каждый из них проходит по-своему. Многим получить статус “белого” и избавиться от преследования, а также, в некоторых случаях приобрести известность, помогает деятельность на благо общества под пристальным вниманием правоохранительных органов и высокотехнологичных компаний. Подобного рода жизненные коллизии получили воплощение в масс-медиа, что в итоге привело к популяризации данного образа в молодежной среде

4. “Черные” хакеры или кракеры – самая опасная группа в среде кибер-пользователей, занимающаяся несанкционированным доступом к сетям и информации, что приносит существенный ущерб определенному количеству пользователей. Кракеры в последние годы проявляют все большую склонность к объединению в группы. Посредством интернета устанавливаются связи между разрозненными представителями как внутри определенной страны так и за ее пределами. Одной из самых известных является международная группировка вирусописателей “29A”, которая специализируется на создании концептуальных вредоносных программ. К “разработкам” данных кракеров относятся: Сар – первый макровирус, вызвавший глобальную эпидемию в Сети, Strem –

первый вирус для дополнительных протоколов NTFS, Donut – первый вирус для платформы Net, Rugrat – первый вирус для платформы Win64. Такие группы известны определенными связями со спам-индустрией, охотно приобретающей у них сети из зараженных троянскими программами компьютеров, которые затем с помощью установки прокси-серверов используются для рассылки спама.

Было бы несправедливо полагать, что кракеры представляют собой органическое единство. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от цели, с которой осуществляется взлом:

Вандалы – самая известная (во многом благодаря широкому распространению вирусов, а также творениям некоторых журналистов) и самая малочисленная часть кракеров. Их основная цель – взломать систему для ее дальнейшего разрушения. Эта стадия кракерства, как правило, характерна для новичков и быстро проходит. Но если речь идет о выполнении кракером действий, подразумевающий, что результатом уничтожения системы могут быть устрашение населения, значительные финансовые убытки и человеческие жертвы, то подобного рода практика может быть определена как терроризм или проявление информационной войны [3, с.212].

“Шутники” – наиболее безобидная часть кракеров (конечно, в зависимости от того, насколько злые они предпочитают шутки), основная цель которых – известность, достигаемая путем взлома компьютерных систем и внесения туда различных эффектов, выражающих их неудовлетворенное чувство юмора. К “шутникам” также можно отнести создателей вирусов с различными визуально-звуковыми эффектами (музыка, дрожание или переворачивание экрана, рисование всевозможных картинок и тому подобное). “Шутники” обычно не наносят существенного ущерба компьютерным системам и их администраторам. На сегодняшний день это наиболее распространенная в интернете группа кра-

керов, обычно осуществляющих взлом Web-серверов, чтобы оставить там упоминание о себе. Все это либо невинные шалости начинающих, либо рекламные акции профессионалов.

Экспериментаторы – пытливая молодежь, осваивающая киберпространство и стремящаяся до всего дойти на собственном опыте. Подобно детям, которые усваивают нормы человеческого общежития, экспериментируя с этими нормами и намеренно делая “как нельзя”, чтобы посмотреть, что из этого получится, они взламывают компьютерные системы из чистого любопытства. Злонамеренности или стремления к выгоде здесь нет – чистое баловство, в более широкой перспективе весьма к тому же полезное: именно из таких “экспериментаторов” и вырастают со временем настоящие компьютерные специалисты и “белые” хакеры.

Взломщики – профессиональные кракеры, пользующиеся наибольшим почетом и уважением в своей среде. Их основная задача – взлом компьютерной системы с серьезными целями, например, с целью кражи или подмены хранящейся там информации. Как правило, для того, чтобы осуществить взлом, необходимо пройти три основные стадии: исследование вычислительной системы с выявлением в ней изъянов (уязвимостей), разработка программной реализации атаки и непосредственное ее осуществление. Естественно, настоящим профессионалом можно считать только того кракера, который для достижения своей цели проходит все три стадии. С некоторой натяжкой профессионалом можно также считать того кракера, который, используя добытую третьим лицом информацию об уязвимости в системе, пишет ее программную реализацию (exploit). Осуществить третью стадию, используя чужие разработки, очевидно, может практически каждый. Нередко данную группу обозначают еще как пираты. Такой термин используется для обозначения той совокупности кракеров, которые

воруют свежие программы. Здесь уже можно говорить о группах и разделении труда внутри них. Одни специализируются на взломе компьютерной защиты; функция других состоит в “скачивании” (копировании) ворованного “софта” (программного обеспечения) на свой компьютер (на хакерском жаргоне такие люди называются “курьерами”); третьи же, так сказать, “дистрибьюторы” (которые в принципе вообще могут не знать, что такое компьютер и как он работает) занимаются распространением ворованных программ. Корыстная мотивация людей, входящих в пиратские группы, вполне очевидна. Но речь вовсе не обязательно идет о деньгах – в качестве платы за свежие программы (warez на жаргоне) принимается либо другой warez, либо адреса компьютеров со взломанной защитой. Поскольку дыры в компьютерной защите выявляются и, соответственно, “штопаются” довольно быстро (как правило, в течение от нескольких часов до недели), адреса взломанных систем и пользуются огромным спросом.

Шпионы. К этой группе относятся люди, охотящиеся за секретной информацией. Обычно они работают на заказ и за очень большие деньги – на военных, разведку и т.п. Конечно, вторжение в компьютеры, отвечающие за национальную безопасность, – любимое развлечение “экспериментаторов”, однако, как считают эксперты, за внешне невинными и хаотическими “экспериментами” могут скрываться и организованные разведывательные акции. В последнее время эта модель активности приобретает новую форму – “боевой езде” (war driving – на языке хакеров): кракеры-“шпионы” разъезжают по городу в поисках незащищенный Wi-Fi сетей. При обнаружении таковых, по беспроводному каналу они внедряют в атакуываемую компьютерную сеть spywar-программу, с помощью которой перехватывают информацию. Как правило, это данные о реквизитах кредитных карт клиентов. Затем кракеры действовали по

известной схеме: взлом банковской сети или сети магазинов, которыми пользовался владелец карты, и перевод денег на свои оффшорные счета.

Революционеры. Малоизученная модель ролевой организации кракеров, как правило, придерживающихся анархических идей. Наиболее известная группировка – AnonymouS, современная свободно организованная группа, строго выступающая против цензуры в интернете, преследования и надзора.

Впрочем, все не так просто. Дело в том, что, как и в случае с “хорошими хакерами”, двигающими компьютерный прогресс, говорить что-то “в общем” здесь бессмысленно – мотивы деятельности кракеров и ее конкретные формы достаточно многообразны.

Заключение. Исследование хакеров с очевидностью демонстрирует, во-первых, продолжающиеся процессы внутреннего ролевого структурирования, во вторых, дальнейшую криминальную специализацию и дифференциацию кракеров, в-третьих, возрастающую публичность, а, в определенных моментах, и привлекательность образа черного хакера (кракера) как борца-анархиста и нигилиста. Статистика показывает, что значительное количество преступлений в интернет-пространстве совершается лицами школьного и студенческого возраста, их психика в значительной степени страдает от пагубного влияния игромании, в свою очередь, реальных механизмов сдерживания и недопущения девиантного поведения в новой информационной среде современное общество еще не выработало. Однако уже сейчас необходимо предпринимать попытки пропаганды правового поведения в интернете в целях недопущения обездушивания и криминализации подрастающих поколений. Особое место в этом процессе должны занять такие агенты молодежной социализации как семья, школа, государство и сами обучающиеся.

Список использованных источников:

1. Козлов В.Е. Компьютерные преступления: криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия. – Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. – 120 с.
2. Кононович А. ФБР начинает войну со спамерами// Компьютерные вести. – 2004. – 27 мая. – С. 3.
3. Леонов А.П., Леонов К.А., Фролов Г.В. Безопасность автоматизированных банковских и офисных систем. – Мн.: НКП Бел., 1996. – 280 с.
4. Малыженков Е. Компьютерные клубы: кто есть кто?// Компьютерные вести. – 2004. – 29 января. – С. 22.
5. Масленченко С.В. Субкультура и коммуникация: Монография. – Мн.: Институт радиологии, 2003. – 90 с.
6. Саевич Д. Беспризорные дети во Всемирной сети//Компьютерная газета. – 2003. – 22 сентября. – С.28.
7. Санько С. Компьютерное бешенство? // Компьютерные вести. – 2004. – 8 января. – С.2.

Maslenchenko Sergey Valryevich
Belarusiya respublikası DİN-in Akademiyasının “fəlsəfə və ideoloji iş” kafedrasının rəisi,
mədəniyyətşünaslıq namizədi, dosent

Xakerlərin submədəniyyətinin social rollarının kriminoloji təhlili**Xülasə**

Məqalədə xakerlərin submədəniyyətinin sosial rollarının məcmusu və bu mühitdə kriminal davranışın obyektivasiyasının potensial istiqamətləri təhlil olunur. Müəyyən edilmişdir ki, xakerlərin submədəniyyəti rollar üzrə daxili strukturlaşma, kriminal ixtisaslaşma və xakerlərin differensiyası proseslərinin təsiri altındadır; gənclər aləmində qara xakerin (krakerin) mübariz-anarxist və nigilist obrazı diqqət və rəğbəti cəlb edir.

Maslenchenko Sergey Valerevich
Head of the department of philosophy and ideological work of the Police Academy of the
Republic of Belarus Cultural Studies Ph.D., associate professor

Criminological analysis of social roles subculture of hackers**Summary**

The article examines a set of social roles subculture of hackers and potential areas of objectification of criminal behavior in this environment. Found that hacker subculture is influenced by internal processes roles further structuring, criminal specialization and differentiation of crackers; publicity and increasing the attractiveness of the image black hacker (cracker) as a fighter-anarchist and nihilist among the youth.

АЛЁНА МАРЧУК

Доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»,
кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ПЕРЕКЛАССИФИКАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Açar sözlər: məhkum, azadlıqdan məhrumetmə, islah, təsnifat, yenidən təsnifatlaşdırma.

Keywords: on prison leave, imprisonment it, resocialization of prisoners, reclassification

Ключевые слова: осужденный, лишение свободы, исправления, классификация, переклассификация

Большинство проблемных аспектов деятельности, связанных с исполнением уголовных наказаний, рассматриваются учеными в контексте несовершенного механизма реализации тех или иных институтов в пенитенциарную практику. Недостаточное теоретическое осмысление и научное обоснование классификации осужденных к лишению свободы традиционно связывают с переполненными пенитенциарными учреждениями, ростом рецидивной преступности и т.д. Разработка альтернативных схем классификации требует достаточно длительного времени и значительных финансовых ресурсов, поскольку классификация осужденных отражается на проектировании, строительстве и реконструкции новых и существующих учреждений лишения свободы.

В контексте этого наиболее приемлемым вариантом усовершенствования

института классификации осужденных мы видим в эффективной системе переклассификации указанной категории лиц.

Анализ юридической литературы свидетельствует, что исследованию проблем переклассификации осужденных были посвящены труды, прежде всего, зарубежных ученых, таких как М. Фуко, Стивен К. Ричардс, Джеффри Ян Росс, Мак-Клири и др. Отечественные ученые рассматривали этот вопрос в плоскости прогрессивной системы исполнения наказаний. Вместе с тем следует заметить, что ученые так и не достигли единства взглядов относительно понятийного аппарата данной проблематики. Отсутствуют комплексные исследования правовых и организационных основ процесса переклассификации осужденных в учреждениях исполнения наказаний, несмотря на их важное научное и прикладное значение. Эти вопросы нуждаются в рассмотрении в условиях начавшегося процесса реформирования пенитенциарных систем постсоветских стран, в том числе и Украины.

Классификация осужденных к лишению свободы - многовекторный и динамический процесс. Она включает в себя несколько различных этапов. Это, прежде всего, первичная классификация, вторичная классификация и переклассификация

осужденных.

Термин "переклассификация" осужденных не встречается в уголовно-исполнительном праве Украины. В пенитенциарных системах многих стран на законодательном уровне закреплён процесс переклассификации осужденных. К примеру, в США, понятие "reclassification" означает определенный процесс коррекции программы реабилитации вследствие достижения запланированной цели (целей), или изменения поведения осужденного и других динамических критериев классификации (так называемых динамических факторов риска), в результате которых изменяется объем правоограничений к осужденным [1, с. 245]. То есть, это процесс в котором место осужденного в системе классификации пересматривается каждые 90 дней классификационной комиссией исправительного учреждения, которая изменяет или сохраняет действительный статус осужденного в рамках своей компетенции. Последнее означает, что все изменения статуса осужденного, условий его содержания служат источниками корректировки плана реабилитации, периодически в него вносятся новые разделы, прогнозируются будущие перспективы. Осужденного, по результатам основного дисциплинарного отчета, могут переклассифицировать в колонию более высокого уровня безопасности или на более облегченные условия содержания.

Учеными много внимания уделялось рассмотрению содержательного наполнения исследуемого понятия, однако, в уголовно-исполнительном праве усматривается наличие двух подходов (широкого и узкого) в понимании этого правового явления.

Широкий подход определяет прогрессивную систему как некий, детально регламентированный, порядок исполнения лишения свободы с классификацией и размещением осужденных в различных видах

учреждений исполнения наказаний, при котором для осужденного меняются условия отбывания наказания в лучшую или худшую сторону. В зависимости от его исправления ему предоставляется возможность досрочного освобождения, с организацией помощи освобожденному и установления над ним наблюдения и надзора [2, с. 69].

Интересной представляется точка зрения В.М. Ткачевского, который говорит о наличии в исправительном праве не прогрессивной системы в целом, а о присутствии отдельных ее элементов (узкий подход) [3, с. 130]. Одним из таких элементов и основным фундаментом прогрессивной системы исполнения наказаний является изменение условий содержания осужденных в пределах одной колонии, а также изменение условий содержания путем перевода в другую колонию, что является по своей сути "переклассификацией" осужденных.

В процессе переклассификации осужденных реализуется принцип индивидуализации исполнения наказаний. Если наказание должно быть индивидуализированным, то начинать надо не с индивида - преступника, юридического субъекта своего поступка, виновника преступления, а с индивида наказанного, объекта контролируемого процесса трансформации, индивида-осужденного, который изменяется под воздействием исправительного аппарата, реагирует на его влияние. [4, с.124]

Как справедливо отмечал М. Фуко: "если принцип наказания определен самим правосудием, то ход наказания, его характер и кара должны быть связаны с независимым механизмом, который контролирует последствия наказания непосредственно в том аппарате, в котором находится заключенный. Весь режим взысканий и поощрений это не просто способ привить уважение к тюремному распорядку, но и средство

увеличить эффективность воздействия тюрьмы на заключенных ". [4, с.308]

По действующему уголовно-исполнительному праву Украины, изменение условий содержания осужденных происходит в двух вариантах. Первый - это изменение условий содержания в пределах одной колонии и изменение условий содержания путем перевода в другую колонию.

Большинство ученых отмечают, что перевод осужденных в следствии переклассификации их на более низкий уровень безопасности занимает больше времени, редко иницируется сотрудниками учреждений исполнения наказаний и требует систематических неоднократных письменных ходатайств заключенного [1]. Как справедливо отмечает по этому поводу Стивен К. Ричардс: "в перевернутой вверх дном тюремной среде, вы спускаетесь по классификационной лестнице вниз быстро и поднимаетесь обратно чрезвычайно медленно". [1]

Этот тезис мы можем подтвердить, проанализировав статистические данные Государственной пенитенциарной службы Украины, которые касаются изменений условий содержания осужденных в пределах одной колонии. Прежде всего, рассмотрим участки усиленного контроля, в которых устанавливается режим аналогичный максимальному уровню безопасности, где осужденные содержатся в помещении камерного типа (далее - ПКТ). Нормативные акты неоднозначно регламентируют, из каких участков и за что осужденный может быть переведен в участок усиленного контроля. Кроме того, срок пребывания осужденного в этом участке устанавливается в зависимости от выполнения индивидуальной программы работы с осужденным. Что такое индивидуальная программа и в чем ее смысл вообще известно лишь некоторым категориям должност-

ных лиц. Этот документ зависит исключительно от воли должностных лиц уголовно-исполнительных учреждений.

Согласно статистических данных, опубликованных Государственной пенитенциарной службой на 1 января 2014 года, в помещения камерного типа осужденные переводились в 3711 случаях, что на 9% меньше, чем в прошлом году.

Сравнение данных по применению крайних мер дисциплинарного реагирования с количеством совершенных злостных нарушений свидетельствует, что имеют место случаи, когда такие взыскания не всегда соответствуют тяжести и характеру нарушений. Об этом свидетельствует и то, что в целом по пенитенциарной системе крайние меры применялись в 43,7% случаях нарушений, в то время, как злостные нарушения составляли 36,9%, то есть, почти в 7% нарушение не относились к злостным. [5]

Проанализировав статистические данные Государственной пенитенциарной службы Украины (далее - ГПС) за период 2011-2014 мы можем наблюдать рост числа лиц, переведенных в участки усиленного контроля. Если в I квартале 2011 года подготовлено и проведено 3 заседания Апелляционной комиссии ГПС по вопросам перевода осужденных, по результатам которых были переведены 14 осужденных, то уже за IV квартал 2011 года проведено 8 заседаний Апелляционной комиссии ГПС, и переведено 121 осужденного в участки усиленного контроля. [6]

Что же касается перевода осужденных на облегченные условия содержания, то по состоянию на 01.01.2013 года в участках социальной реабилитации учреждений Государственной уголовно-исполнительной службы, рассчитанных на 3654 мест, содержались 2116 осужденных (на 1538 осужденных меньше планового наполнения). [5]

Единственный ориентир в решении вопроса о переводе осужденных из одного участка к другому - это имеющиеся в распоряжении работников ГПС методические рекомендации. Законодатель отмечает, что такие переводы осуществляются с участием Апелляционной комиссии ГПС, но четкой и последовательной процедуры перевода законодательство не содержит. Кроме того, не указаны основания для таких переводов. Четких критериев, обуславливающих возможность перевода и последовательного алгоритма действий должностных лиц уголовно-исполнительное законодательство, не содержит. Такой нормативный вакуум оставляет много пространства для злоупотреблений должностными лицами уголовно-исправительных учреждений [7].

Как справедливо отмечает М. Фуко: "персонал, реализующий в некоторой степени механизм кары должен быть объективным в вопросах индивидуализации и дозирования этой кары. Именно их мнение (в форме констатация, диагноза, характеристики, дифференциальной классификации) должно быть принято за основу внутренней модуляции кары - ее ослабления или усиления "[4, с. 308].

В ст. 100-101 УИК сформированы лишь общие критерии, которые учитываются при переклассификации осужденных - субъективные положения о поведении осужденного и его отношение к труду [8]. Проанализируем проблемные аспекты использования данных критериев в процессе переклассификации осужденных.

Что касается поведения, то оно выступает базовым элементом признания осужденного "злостным нарушителем режима" и переклассификации его в участок усиленного контроля. Отметим, что восприятие работниками уголовно-исправительных учреждений поведения осужденного может быть очень разным и связанным с различными факторами. Следовательно, и пере-

классификация осужденных будет иметь субъективную окраску.

Некоторые ученые указывают на тот факт, что редакция статьи 133 УИК Украины является неудовлетворительной с точки зрения юридической техники и теоретического наполнения этого понятия. Определение злостного нарушителя режима как лица, имеющего определенный набор характеристик и дисциплинарных правонарушений, является типичным примером, так называемой, "стигматизации" лица. Законодатель ведет речь не о деяниях лица, а о самой личности и фактически наделяет такое лицо определенным "статусом", "званием" злостного нарушителя режима. Такая ситуация может привести к тому, что ярлык "злостного нарушителя режима" с осужденного более никогда не будет снят [7].

В этой связи следует указать на весьма интересный момент. В пенитенциарной практике Украины существуют дополнительные категории осужденных, которых не найти на официальных бланках классификации. Некоторые ученые отмечают, что эти неофициальные ярлыки негативно сказываются на осужденных, возможности их перевода как в участок социальной реабилитации, так и на более облегченный уровень безопасности, несмотря на хорошие показатели поведения. Такая неофициальная система классификации осужденных существует на практике многих стран. К примеру, в США персонал Федерального бюро тюрем перед тем как перевести заключенного в новую камеру, барак, или тюрьму обязан проверить данные Центральной системы мониторинга заключенных.

В украинской практике также существует неофициальная классификация, которая включает в себя дополнительные категории, которые не всегда могут быть отнесены к статистической отчетности, это так

называемый профилактический учет.

Анализ количества осужденных, состоящих на профилактическом учете, свидетельствует об устойчивой динамике увеличения численности таких лиц. Так, если по состоянию на 1 января 2013 года на профилактическом учете психологов находилось 15,4% осужденных, от их общей численности, то по состоянию на 1 января 2014 года указанный показатель составлял 17,9%.

Классификация осужденных имеет свои требования и свой собственный ход. Определенные порождающие ее последствия должны определять этапы классификации, временное усиление режима или его последовательное ослабление, - все это Ш. Лука назвал "меняющейся классификацией нравственности" [4, с. 307].

Указанная "классификация нравственности" связана, прежде всего, с введением обязательной системы "морального учета". Еще начиная с XVIII века, во всех тюрьмах велись одинаковые по форме индивидуальные журналы, где начальник тюрьмы, охранник, священник и др. должны были записывать свои наблюдения о каждом из заключенных. Как отмечает М. Фуко: "это своеобразный путеводитель тюремной администрации, который дает возможность оценить каждый случай, каждое обстоятельство, а затем индивидуально определить, как относиться к тому или другому заключенному" [4, с. 316]

Со временем данная идея трансформировалась в современную индивидуальную программу социально-воспитательной работы с осужденными. Вполне целесообразным нам представляется тот факт, что на основе данных, содержащихся в индивидуальной программе, можно выделять отдельные группы осужденных, которые должны находиться на профилактическом учете. Этот учет, хотя и не является офици-

альным, должен в обязательном порядке учитываться администрацией уголовно-исправительного учреждения при переклассификации осужденных. Как уже отмечалось, практика многих стран идет по этому пути, в большинстве случаев признавая определенные группы осужденных на законодательном уровне и классифицируя их отдельно от основной массы осужденных. Это во многих случаях предупреждает рецидив преступления данных лиц. Так, М. Фуко отмечает: "наказание следует назначать, имея в виду не преступление, а его повторность. Поступить так, чтобы правонарушитель не имел ни желания снова совершить преступление, ни возможности иметь подражателей" [4, с.116].

Таким образом, поведение осужденного действительно выступает тем центральным элементом, на котором базируется весь процесс переклассификации осужденных.

Что касается другого немаловажного критерия "отношение осужденного к труду", то следует отметить, что начиная с XVIII века принцип индивидуализированного надзора, на котором базируется весь процесс переклассификации осужденных, предусматривал "классифицировать индивидов в пространстве, где бы можно было их изолировать и согласовать это распределение с производственным аппаратом" [4, с. 180]. Этот тезис, выдвинутый М. Фуко, не теряет своей актуальности и в современной практике классификации осужденных к лишению свободы.

Инструкция о порядке распределения, направления и перевода для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, а также ст. 101 УИК Украины закрепляет положение, согласно которому в исправительные колонии минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания и в участок социальной реабилитации не подлежат перево-

ду инвалиды первой и второй групп, лица, достигшие пенсионного возраста, а также беременные женщины и женщины, имеющие при себе детей в возрасте до трех лет. Законодатель выделяет эти категории наряду с лицами, которые нарушали требования режима в местах предварительного заключения лиц, не прошедших полный курс лечения венерического заболевания, лиц, осужденных за преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также осужденных за совершение умышленного преступления в период отбывания наказания в виде ареста или лишения свободы [9].

Проведенное нами интервью сотрудников Государственной пенитенциарной службы Украины в Одесской области по вышеуказанному факту позволяет сделать вывод, что законодатель лоббировал в этом случае интересы, прежде всего, исправительных колоний (как своеобразного производственного аппарата) с целью использования труда осужденных. Так как физиологическое состояние женщин, инвалидов и лиц пенсионного возраста не позволяет им работать на производстве данных исправительных колоний, они не подлежат переклассификации на более облегченные условия отбывания наказания. Вышеуказанное положение противоречит процессу эффективной переклассификации осужденных.

Труд, который превращается в средство стимуляции позитивной активности личности, перестает активно влиять на осужденных и таким образом теряет свои свойства показателя исправления осужденного. Данные выборочного исследования показали, что наибольшее число осужденных, стремящихся к участию в общественно полезном труде, оказывается среди лиц, отбывающих наказание сроком от 2 до 7 лет лишения свободы, после чего этот показатель снижается, и среди осужденных, отбывающих наказание более 10 лет лишения свободы, он почти на 30% ниже. [5].

Переклассификация осужденных связана с динамическими факторами риска, с теми личностными изменениями, которые возникают у осужденного вследствие его адаптации в местах лишения свободы. Канадские исследования доказали экономическую эффективность процесса переклассификации осужденных, а также то, что она может служить эффективным средством предупреждения рецидивной преступности.

Вследствие процесса переклассификации у осужденных будет существовать стимул для получения наиболее благоприятных условий для отбывания наказания. А это значит, что они будут менять свои привычки, поведение и характер, что будет способствовать их эффективному исправлению в местах лишения свободы.

Список використаної літератури:

1. Stephen C. Richards. Jefferey ian Ross A convict perspective on the classification of prisoners / Stephen C. Richards. Jefferey ian Ross // Reaction essay.-number 2.-2003.-PP 245-252.
2. Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказаний / Бажанов О.И // Наука и техника.- Минск.-1981.С. 69-70
3. Ткачевский В.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ткачевский В.М.- М.: Зерцало,-1997.-144с.
4. Фуко Мішель Наглядати й карати: Народження в'язниці / Фуко Мішель : [пер. з французького П. Тарашук] – К.:Основи, 1998. – 392 с.
5. Огляд результатів соціально-виховної роботи із засудженими в установах Державної кримінально-виконавчої служби України у 2010 році
6. Звіти про виконання Плану заходів щодо реалізації основних напрямків діяльності Державної пенітенціарної служби України за 2010-2011 рік [Електронний ресурс] / Інформація з сайту Державної пенітенціарної служби України. Режим доступу : www.kmu.gov
7. Проблеми кримінально-виконавчої системи щодо прав засуджених [Електронний ресурс] / Інформація з сайту Тюремний портал. Режим доступу : <http://ukrprison.org.ua>
8. Кримінально-виконавчий кодекс України: Наук.-практ. коментар / Степанюк А.Х., Яковець І.С.; За заг. ред. А.Х. Степанюка. – Х.: ТОВ “Дісей”, 2005
9. Інструкції про порядок розподілу, направлення та переведення для відбування покарання осіб, засуджених до позбавлення волі [Електронний ресурс] / Інформація з сайту Законодавство України. Режим доступу : <http://zakon.rada.gov>

Aliona Marchuk
Associate Professor of Criminology and Penitentiary Law of the National University
Odessa Law Academy", PhD

Social and legal aspects of reclassification of offenders sentenced to imprisonment.

Summary

In this article the author examines the social and legal aspects of reclassification of offenders sentenced to imprisonment. This mechanism allows taking into account dynamic factors of offender classification, change the level of restrictions for the prisoner depending on his behavior. That, in turn, contributes to more effective correction an the prisoner.

Alyona Marçuk
“Odessa hüquq akademiyası” Milli Universitetinin “Kriminologiya və cəza icra hüququ”
kafedrasının dosenti, hüquq elmləri namizədi,

Azadlıqdan məhrumetmə cəzasına məhkum olan şəxslərin yenudən təsnifatlaşdırma pros-
esinin sosial-hüquqi xarakteristikası

Xülasə

Məqalədə müəllif azadlıqdan məhrumetmə yerlərində məhkumların yenidən təsnifatlaşdırmasının sosial-hüquqi xüsusiyyətlərinə nəzər yetirmişdir. Bu mexanizm təsnifatın dinamik faktorlarını nəzərə almaqla ayrı-ayrı məhkumların davranışından asılı olaraq hüquq məhdudlaşdırmanın həcmi dəyişməyə imkan verir.

BƏXŞEYİŞ ƏSGƏROV

Bakı Dövlət Universiteti, Kriminalistika və məhkəmə ekspertizası kafedrasının dosenti
hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

NƏRGİZ ABASOVA

Bakı Dövlət Universiteti, Kriminalistika və məhkəmə ekspertizası kafedrasının
müəllimi

ƏMƏLİYYAT-AXTARIŞ TƏDBİRLƏRİ KRİMİNALİSTİK ƏHƏMİYYƏT KƏSB EDƏN MƏLUMATLARIN TOPLANMASI VASİTƏSİ KİMİ

Açar sözlər: əməliyyat-axtarış tədbirləri, əməliyyat-axtarış fəaliyyəti, əməliyyat-axtarış informasiyası, əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin subyektləri, əməliyyat-axtarış tədbirlərinin tərifli

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная информация, субъекты оперативно-разыскной деятельности, определение оперативно-разыскных мероприятий.

Key words: operational-investigative measures, operational-investigative activities, operational-investigative information, actors of operational-investigative activities, definition of operational-investigative measures

Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” qanunda əməliyyat-axtarış tədbirlərinin (ƏAT) tərifli verilməsə də həmin tədbirlər əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin (ƏAF) demək olar ki, nüvəsini təşkil edir. Qanunun preambulasında deyilir ki, “Bu qanun əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin həyata keçirilməsi ilə bağlı

hüquqi münasibətləri tənzimləyir və əməliyyat-axtarış tədbirlərinin tətbiqində hüquqi təminatlar sistemi yaradır”. Daha sonra qanunun 1-ci maddəsinin I bəndində göstərilir: “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti müvafiq dövlət orqanları tərəfindən aşkar və qeyri-aşkar üsullarla bu qanunla müəyyən edilmiş tədbirlərin həyata keçirilməsidir”. Nəzərə alsaq ki, qanunverici “ƏAF haqqında” qanunun 10-cu maddəsində ƏAT-ın tam siyahısını verir və hər hansı digər tədbirlərin həyata keçirilməsindən bəhs etmir, onda birmənalı şəkildə qeyd etmək olar ki, həmin anlayışlar (“əməliyyat-axtarış tədbirləri” və “tədbirlər”) sinonim kimi istifadə edilmişdir. Lakin həmin qanunun bir sıra maddələrinin (6, 7, 15 və s. maddələr) təhlili göstərir ki, ƏAF-ın normativ definisiyası genişləndirici şəkildə şərh edilməlidir. Çünki ƏAF əsasən ƏAT vasitəsi ilə həyata keçirilsə də, heç də yalnız həmin tədbirlərin məcmusundan ibarət deyildir. Yəqinlik hasil etmək üçün qanunun ƏAF subyektlərinin hüquqlarını əks etdirən 7-ci maddəsinə diqqət yetirək:

Əməliyyat-axtarış fəaliyyətinin sub-

yektləri öz səlahiyyətlərini bilavasitə yerinə yetirərkən aşağıdakı hüquqlara malikdirlər:

1) bu Qanunun 10-cu maddəsində nəzərdə tutulmuş qaydada əməliyyat-axtarış tədbirlərini aşkar və gizli üsullarla həyata keçirmək;

2) əməliyyat-axtarış fəaliyyəti subyektlərinə məxfilik əsasında kömək etməyə razılaşan şəxslərlə əvəzli və ya əvəzsiz qaydada əməkdaşlıq etmək;

3) əməliyyat-axtarış fəaliyyətini təmin etmək üçün informasiya sistemi yaratmaq və ondan istifadə etmək;

4) əməliyyat-axtarış fəaliyyəti zamanı müqavilə və ya şifahi razılığa əsasən fiziki və hüquqi şəxslərin yaşayış və qeyri-yaşayış binalarından və otaqlarından, nəqliyyat vasitələrindən və digər əmlakından istifadə etmək;

5) konspirasiya məqsədi ilə uydurma idarə, müəssisə və ya təşkilat (hüquqi şəxs) yaratmaq, bu məqsədlə əməliyyat-axtarış fəaliyyəti subyektlərinin müvəkkil edilmiş şəxslərinin şəxsiyyətini, bu orqanların bölmə, təşkilat, bina və nəqliyyat vasitələrinin idarə mənsubiyyətini, eləcə də bu orqanlara məxfilik əsasında əməkdaşlıq edən vətəndaşların şəxsiyyətini pərdələndirən sənədlərdən istifadə etmək.

Göründüyü kimi, ƏAF subyektlərinin əsas hüquqları ƏAT-ın həyata keçirilməsi ilə bağlı olsa da, təşkilati, texniki, taktiki xarakterli bir sıra digər tədbirlər və hərəkətlər mövcuddur ki, onlarsız ƏAT-ın aparılmasını, ümumiyyətlə, ƏAF-ı təsəvvür etmək belə qeyri-mümkündür.

Qanunun “Əməliyyat-qeydiyyat işi” adlanan 15-ci maddəsi fikrimizi bir daha təsdiq edir: “I. Əməliyyat-axtarış tədbirlərinin həyata keçirilməsi lazım olduqda bu qanunun 11-ci maddəsinin III hissəsində nəzərdə tutulmuş qərarların əsasında əməliyyat-qeydiyyat işi başlanılmalı və bu iş əməliyyat-

axtarış fəaliyyətinin subyekt tərəfindən mütləq qeydiyyatla alınmalıdır”. Maddənin III hissəsində isə deyilir: “Əməliyyat-axtarış tədbirlərinin nəticələri əməliyyat-qeydiyyat işində əks edilməli və sistemləşdirilməlidir”. Deməli, əməliyyat-qeydiyyat işi aparılmazsa, onda həyata keçirilmiş ƏAT-ın nəticələri cinayət prosesinə daxil edilə bilməz. CPM-in 137-ci maddəsinə görə “ƏAF nəticəsində əldə edilmiş materiallar” “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” Azərbaycan Respublikası qanununa müvafiq əldə edildikdə və bu məəcəllənin tələblərinə uyğun təqdim edildikdə və yoxlanıldıqda, cinayət təqibi üzrə sübut kimi qəbul edilə bilər”. Maddənin məzmunundan belə nəticə çıxarmaq olar ki, qanunverici əməliyyat informasiyasına münasibətdə də onun mümkünlüyü tələbini irəli sürür. Yəni, yalnız ƏAF haqqında qanuna uyğun olaraq toplanmış materiallar uyğun qaydada təqdim edildikdə prosessual formada yoxlamaq üçün qəbul edilə bilər. Belə çıxır ki, hətta mütəbər və dolğun informasiyanı əks etdirən əməliyyat-axtarış materialları ƏAF haqqında qanunun tələblərinə uyğun əldə edilmədikdə cinayət prosesini həyata keçirən orqan tərəfindən qəbul edilə bilməz. Fikrimizcə, qanunvericinin məsələ ilə bağlı qəti mövqeyini o qədər də uğursuz hesab etmək olmaz və bu barədə gələcək tədqiqatlarda daha ətraflı bəhs olunacaqdır. Hələlik isə onu qeyd etmək istərdik ki, bir çox hallarda daxil olan əməliyyat informasiyası cinayət işi ilə əlaqəli olan maddi mənbələrin ayrılmaz xassələri barədə məlumatları özündə əks etdirir [10, s.198].

Əməliyyat-axtarış vasitələri ilə informasiya əldə edilərkən qanunun pozulması həmin informasiyanın “təkrar istehsalı” imkanını aradan qaldırmır. Həmin məlumatlar prosessual vasitələrlə təzədən yoxlanıla və təsdiqini, yaxud inkarını tapa

bilər. Məsələn, təqsirləndirilən və ya şübhəli şəxsin cinayətlə əlaqəsini birmənalı şəkildə təsdiq edən informasiya daşıyıcısını (məsələn, yazılı sənədi) əldə edərkən “ƏAF haqqında” qanunun tələblərinin pozulması prosessual qaydada xəşünaslıq ekspertizası təyin edib, həmin sənədin göstərilən şəxslər tərəfindən tərtib olunduğunu müəyyən-ləşdirməyə mane olmur. Belə olan surətdə həmin maddi informasiya daşıyıcısını birmənalı şəkildə rədd etmək hansı prinsipin realizəsinə xidmət edəcəkdir?

Yuxarıda qeyd olunanlardan belə qənaətə gəlmək olur ki, əməliyyat-axtarış informasiyasının əldə olunmasının əsas vasitəsi kimi ƏAT çıxış edir. Bu qənaət həm də ƏAT-a verilən çoxsaylı doktrinal təriflərdən irəli gəlir. Çünki əksər təriflərdə bu, ƏAT-ı xarakterizə edən əlamətlər sırasında göstərilir. Ona görə də ƏAT ƏAF nəticələrinin mümkünlüyünü müəyyən-ləşdirən faktor kimi çıxış edir. Lakin qeyd olunduğu kimi, informasiya axtarışı və toplanması heç də yalnız ƏAT vasitəsilə realizə olunmur. Həmin prosesdə həm də digər əməliyyat-axtarış hərəkətlərindən və sair tədbirlərdən istifadə olunur. Odur ki, ƏAT-ın tərifini formulə etmək, mövcud təriflərə münasibət bildirmək, həmin tədbirlərlə əməliyyat-axtarış hərəkətləri və sair tədbirlər arasında oxşar və fərqli cəhətləri müəyyən-ləşdirmək zərurəti yaranır. Çünki bu anlayış ƏAF nəzəriyyəsinə və eyniadlı qanunda mərkəzi yer tutur. Ümumiyyətlə, hər bir elmin ona məxsus olan anlayışlar aparıtını daim inkişaf etdirməsi onun əsas vəzifələrindən biri sayılır[15, s.67]. Qeyd etmək lazımdır ki, ƏAT-ın tərfi əməliyyat-axtarış qanunvericiliyi meydana gəlməzdən əvvəl mövcud təcrübənin və uyğun peşəkar düşüncənin əsasında formalaşmışdır. Qanunverici bazanın və deməli, normativ definisiyanın olmaması fərqli anlayışların

meydana gəlməsinə səbəb olmuşdur. Təbii ki, fərqli anlayışların meydana gətməsi həm də fərqli yanaşmalardan, şərhlərdən qaynaqlanır. Təsadüfi deyildir ki, ƏA qanunvericiliyinin yaranması vahid tərifin formalaşmasını təmin edə bilməmişdir.

ƏAT-ın tərifini formulə etmək cəhdləri V.İ. Yelinskinin, A.M. Yefremovun, K.B. Surkovun, A.Q. Lekarın, A.Y. Şumilovun, F.M. Məmmədovun, M.H. Mustafayevin, V.Q. Bobrovun, S.İ. Zaxartsevin və digər alimlərin əsərlərində, elmi məqalələrində, dərsliklərində mövcuddur. Həmin təriflərin təhlili göstərir ki, bir qrup alimlər ƏAT-ı ƏAF-ın dərk etmə tərfi ilə əlaqələndirərək onu informasiya axtarışı vasitəsi kimi, digər qrup alimlər isə əldə olunmuş ƏA informasiyasının realizə vasitəsi kimi qiymətləndirirlər. Guman edirik ki, belə fərqli yanaşmaların əsas səbəbi kimi anlayışı formulə edərkən formal məntiqin uyğun qaydalarına riayət edilməməsi çıxış edir. Nəzərə almaq lazımdır ki, hər hansı elmi anlayışın formulə edilməsi uyğun elmi metodologiyaya əsaslanmalıdır. Belə metodoloji əsas qismində formal məntiqin qanunlarına və qaydalarına istinad edil-məlidir. Formal məntiqin qanun və qayda-larına riayət etmək təfəkkürün aydınlığını və düzgünlüyünü, fikirlərin ardıcılığını və əsaslığını bilavasitə təmin edir[14, s.29].

Formal məntiqə görə anlayış təfəkkür forması olub, predmetəri və onların mühüm əlamətlərini əks etdirir. Əlamətlər pred-metlərin bir-biri ilə oxşarlığını və fərqi-ni müəyyən-ləşdirməyə imkan verən cəhətləridir. Predmeti xarakterizə edən və onu digər predmetlər arasında ayıran, dərk etməyə kömək edən bütün xassələri, vəziyyəti onun əlamətləridir. Predmetin tək-cə mövcud olan xassələri deyil, həm də mövcud olmayan xassələri onun əlamətləri sayılır (sahibsiz mülkiyyət). Hər bir predmet onu xarakterizə

edən ümumi və fərdi, mühüm və qeyri-mühüm əlamətlərin daşıyıcısı kimi çıxış edir. Predmetləri ifadə edən uyğun anlayışları formülə edərək onların mühüm əlamətləri nəzərə alınmalıdır[14, s.30]. Mühüm əlamətlər predmetlərin mahiyyəti ilə bağlı olub, onun ummanent xassələrini ifadə edir. Anlayışın mühüm əlamətləri ehtiva etməsi onların aid olduğu predmetləri onlarla eyni olan predmetlər qrupunda birləşdirməyə (ümumiləşdirməyə) və həmin əlamətlərə malik olmayan digər predmetlərdən fərləndirməyə (fərdiləşdirməyə) imkan verir. Ona görə də elmi anlayışların formalaşdırılması mürəkkəb məntiqi əməliyyat, analiz, sintez, abstraksiya, ümumiləşdirmə kimi məntiqi üsullardan istifadə etməklə həyata keçirilir. Yəni, predmetlər arasında oxşarlığı (fərqi) müəyyənləşdirmək (müqayisə), oxşar predmetləri tərkib elementlərinə ayırmaq (analiz), mühüm əlamətlərini müəyyənləşdirməklə qeyri-mühüm əlamətləri kənarlaşdırmaq (abstraksiya), mühüm əlamətləri birləşdirmək (sintez) və onları eynicinsli predmetlərə aid etməklə (ümumiləşdirmə) təfəkkürün əsas formalarından biri olan anlayış formalaşdırılır[14, s.32].

Hesab edirik ki, ƏAF nəzəriyyəsinin anlayışlar aparatı, o cümlədən ƏAT-ın anlayışı formülə edilərkən göstərilən məntiqi əməliyyata riayət olunmalıdır. Belə məntiqi qaydalar əsasında formalaşdırılan elmi anlayışlar lazımsız tautologiyadan, qeyri-mühüm əlamətlərdən, ziddiyətlərdən azad olub, aid olduğu predmeti adekvat şəkildə ifadə edə bilir ki, bu da öz növbəsində elmi təfəkkürün ardıcılığını, aydınlığını, əsaslılığını təmin edərək dərkətmə fəaliyyətinin imkanlarını daha da dərinləşdirir, genişləndirir. Çünki hər bir dərkətmə fəaliyyətinin məqsədi mahiyyətə varmaqla həqiqəti müəyyənləşdirməkdir. Hər bir tədqiqat predmetinin anlayışı isə onun

mühüm əlamətlərini ehtiva etməklə əsas mahiyyətini ifadə edir. Deməli, anlayışların təfəkkürün çıxış nöqtələrindən biri olduğunu desək, səhv etmərik.

Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti nəzəriyyəsi tarixən kriminalistika elmi çərçivəsində formalaşdığından onun əsas anlayışı (müəyyən mənada ona kateqoriya da demək olar) kimi çıxış edən ƏAT ilkin olaraq xüsusi termin kimi kriminalistlər tərəfindən formülə edilmişdir. Lakin bu zaman məntiqi üsullara riayət edilmədən nominal bir anlayış formülə edilmişdir ki, o da anlayışın aid olduğu predmet barədə aydın təsəvvür yaratmır. Məsələn, R.S. Belkinin redaktəsi ilə nəşr olunmuş kriminalistika dərslində [16, s.133]və ensiklopediyada ƏAT təhqiqat orqanlarının ƏAF zamanı həyata keçirdikləri hərəkətləri kimi müəyyənləşdirilir[17, s.142]. Təbii ki, belə təriflə razılaşmaq olmaz, çünki ƏAT-ın mühüm əlamətləri burada göstərilmir. Bu da ondan irəli gəlmişdir ki, müəllif ƏAT-ı konkret tədqiqat obyektini kimi tədqiq etməmiş və göstərilən tərifini adı çəkilən tədbirləri prosessual hərəkətlərdən fərqləndirmək məqsədi ilə formülə etmişdir.

ƏAT-ın ilkin təriflərindən biri ƏAF nəzəriyyəsinin banilərindən olan A.Q. Lekarın tədqiqat əsərində verilmişdir. Onun ötən əsrin 70-ci illərində nəşr olunmuş dərslində əməliyyat-axtarış hərəkətlərinin tərifini aşağıdakı kimi verir: “Əməliyyat-axtarış hərəkətləri dedikdə daxili işlər orqanlarının əməliyyat işçisinin cinayətkarlıqla mübarizənin ayrı-ayrı vəzifələrinin həllinə yönəlmiş, xüsusi məxfi vasitə və metodların aşkar vasitə və metodlarla uzlaşdırılması yolu ilə həyata keçirilən hərəkətləri başa düşülür”[18, s.17]. Tərifdən göründüyü kimi, müəllif ƏAT-ı cinayətkarlıqla mübarizənin qarşısında duran vəzifələrin həllinə istiqamətlənmiş hərəkətlər kimi başa düşür. Bu hərəkətlər xüsusi

subyekt, daxili işlər orqanı əməkdaşı tərəfindən həyata keçirilə bilər. Verilmiş tərifdə əsas prinsiplial və mühüm əlamət kimi ƏAT-ın aşkar və qeyri-aşkar vasitə və metodlardan istifadə etməklə həyata keçirilməsi çıxış edir. Lakin A.Y. Çeçetin haqlı olaraq qeyd edir ki, bu mühüm və prinsiplial əlamət heç də bütün alimlər tərəfindən nəzərə alınmır[24, s.12]. Bununla belə Lekarın verdiyi tərfi də ən uğurlu hesab etmək olmaz. Belə ki, ƏAT-ı yalnız DİO-nun səlahiyyətinə aid etmək olmaz. Müxtəlif alimlər ƏAT-ın subyektlərini müəyyən-ləşdirərkən fərqli ifadələrdən (“səlahiyyətli subyektlər”, “əməliyyat bölmələri”) istifadə edirlər. ƏAT bir çox təhqiqat orqanlarının əməliyyat bölmələri tərəfindən həyata keçirildiyindən, hesab edirik ki, bu ifadə - əməliyyat bölmələri daha düzgündür. Həm də “ƏAF haqqında” AR qanununda isə daha ümumi anlayışdan istifadə edilərək həmin tədbirləri həyata keçirən subyektlər qismində təhqiqat orqanları göstərilir. Qanunun 5-ci maddəsinin I hissəsində deyilir: “Əməliyyat-axtarış fəaliyyətini Azərbaycan Respublikasının cinayət-prosessual qanunvericiliyində nəzərdə tutulmuş təhqiqat orqanları, korrupsiya ilə bağlı cinayətlər üzrə korrupsiyaya qarşı mübarizə sahəsində ixtisaslaşmış prokurorluq orqanı həyata keçirir”. Fikrimizcə, maddənin məzmunu reallığı heç də düzgün əks etdirmir. Çünki təcrübədə ƏAF və onun nüvəsi sayılan ƏAT adı çəkilən orqanların əməliyyat bölmələri tərəfindən həyata keçirilir. Belə uğursuz əsaslandırma həm qanunvericilik, həm də təcrübi fəaliyyətdə ziddiyyətlərin yaranmasına meydan açır bilər. Məsələn, CPM-in 86.5-ci maddəsində göstərilir ki, “təhqiqatçı öz icraatında olan işlə əlaqədar qeyri-aşkar üsullarla əməliyyat-axtarış tədbirləri keçirməyə haqlı deyil”. Buradan belə yanlış təsəvvür yaranır ki, təhqiqatçı aşkar üsullarla

əməliyyat-axtarış tədbirləri həyata keçirə bilər. Bu isə CPM-in təməl prinsiplərinə ziddir. Prosesual subyektlər qeyri-prosessual fəaliyyətin həyata keçirilməsi ilə məşğul ola bilməzlər. Cinayət-mühakimə icraatında qeyri-prosessual münasibətlər yol verilməzdir (CPM-in 31-ci maddəsi).

N.P. Vodko haqlı olaraq yazır ki, aşkar şəkildə həyata keçirilən əməliyyat-axtarış tədbirlərini hüquqi fəaliyyətin cinayət-prosessual, inzibati və idarəçilik kimi növlərinə aid etmək olmaz. Onlar yalnız əməliyyat-axtarış fəaliyyətinə aid edilə bilər, çünki eyni adlı qanunvericiliklə tənzimlənir və ƏAF vəzifələrinin həllinə xidmət edir[9, s.13]. Onu da qeyd etmək lazımdır ki, müəllif əməliyyat-axtarış qanunvericiliyini cinayət-karlıqla mübarizə siyasətinin müstəqil tərkib elementi kimi qəbul edir. O, yazır ki: “cinayətkarlıqla mübarizə siyasəti quruluş baxımından qanunvericiliyin dörd sahəsinə uyğun gələn dörd əsas hissədən ibarətdir: cinayət-hüquqi, cinayət-prosessual, cəza-icra və əməliyyat-axtarış siyasəti”[9, s.10]. Belə olan surətdə, təbii ki, adı çəkilən fəaliyyət sahələrini və onların subyektlərini qarışdırmaq olmaz. Çünki cinayətkarlıqla mübarizə siyasətinin əsas prinsiplərindən biri də qanunçuluqdur. Belə mübarizəyə yönəlmiş hüquqi fəaliyyət növlərini tənzimləyən normativ-hüquqi aktlarda anlaşılmaz, qeyri-konkret, ziddiyyətli anlayış və terminlərin işlədilməsi, boşluqların olması göstərilən və digər prinsiplərin pozulması üçün münbit şərait yaradır.

Fikrimizcə, hər hansı hüquqi fəaliyyətə və ya onu formalaşdıran hərəkətlərə tərif verərkən subyektlərlə yanaşı onların istiqamətləndiyi, həllinə yönəldiyi son məqsəd də mühüm əlamət kimi qəbul edilməlidir. Ümumiyyətlə, hər hansı dinamik sistemin tərifinin formulə edilməsinin əsası kimi onun subyektləri, məqsəd və vasitələri,

həmçinin fəaliyyət forması çıxış etməlidir. Ona görə də əməliyyat-axtarış tədbirlərinin aparılması məqsədi sistem yaradan (tərifə münasibətdə) element (yaxud əlamət) kimi qəbul edilməlidir. Təsadüfi deyildir ki, ƏAT-a (o cümlədən ƏAF-a), həmçinin prosessual hərəkətlərə, yaxud uyğun hüquqi fəaliyyət növlərinə tərif verilərəkən məqsəd hər bir halda əlamətlər sırasında göstərilir. Bu əlamətlər təkcə nəzəri təriflərdə deyil, həm də normativ definisiyalarda qeyd olunur. İstər Azərbaycan Respublikasının, istər də MDB dövlətlərinin əməliyyat-axtarış qanunvericiliyində ƏAF müvafiq dövlət orqanları tərəfindən insan hüquq və azadlıqlarını, hüquqi şəxslərin qanuni mənafələrini, dövlət sirrini, habelə milli təhlükəsizliyi cinayətkar qəsdlərdən müdafiə məqsədi ilə aşkar və qeyri-aşkar üsullarla həyata keçirilən fəaliyyət kimi müəyyənləşdirilir. ƏAT ƏAF-ın əsas tərkib elementi kimi çıxış etdiyindən onun tərifini daha konkret olmalı, ən mühüm əlamətləri özündə ehtiva etməlidir.

Qeyd etmək lazımdır ki, ƏAT-ın tərifinin formalaşmasını şərti olaraq iki mərhələyə bölmək olar. Birinci mərhələ ƏAF nəzəriyyəsinin kriminalistika elmindən ayrıldığı (ötən əsrin 60-cı illəri) vaxtdan ƏAF haqqında qanunvericiliyin formalaşmağa başladığı (ötən əsrin 90-cı illəri) dövrü əhatə edir. Sovet dönəmində ƏAF haqqında qanun olmadığı üçün ƏAT-ın tərifini də əsasən cinayətkarlıqla mübarizə təcrübəsinə əsaslanırdı. Ötən əsrin 70-ci illərində A.Q. Lekar tərəfindən formulə edilmiş tərifdə ƏAT “daxili işlər orqanlarının əməliyyat işçiləri tərəfindən cinayətkarlıqla mübarizə vəzifələrinin həllinə yönəlmiş xüsusi məxfi vasitə və metodların aşkar vasitə və metodlarla uzlaşdırılaraq istifadə edilən hərəkətlər kimi”[18, s.43] müəyyənləşdirilmişdir. Göründüyü kimi, müəllif tərifdə əsasən aşağıdakı əlamətləri

qabartmışdır:

- 1) tədbirlərin daxili işlər orqanlarının əməliyyat aparatı tərəfindən həyata keçirilməsi;
- 2) qeyri-aşkar vasitə və metodlarla aşkar vasitə və metodların uzlaşdırılması;
- 3) cinayətkarlıqla mübarizənin vəzifələrinin həllinə istiqamətlənməsi;
- 4) ƏAT-ın aktiv hərəkətlər kimi təzahür etməsi.

Fikrimizcə, bəzi dəqiqləşdirmələr və əlavələr etmək şərti ilə müəllifin mövqeyi ilə razılaşmaq olar. Məsələn, əməliyyat-axtarış tədbirlərinin subyektini kimi yalnız DİO-nun əməliyyat aparatının müəyyənləşdirilməsi ilə razılaşmaq olmaz. Bu subyektlərin dairəsi daha genişdir. Ancaq nəzərə alsaq ki, ƏAF leqallaşdırılana qədər həmin fəaliyyət əsasən bu orqanların səlahiyyət dairəsinə daxil idi, onda göstərilən əlamətlər sırasına ƏAT-ın qanunda əks olunması əlaməti də daxil edilməlidir. Qeyd edək ki, bu əlamət ilk dəfə müasir ƏAF nəzəriyyəsinin parlaq simalarından olan professor A.Y. Şumilovun ƏAT-a vermiş olduğu tərifdə əks olunmuşdur[26, s.6]. ƏAF haqqında qanunda ƏAT-ın tam siyahısının verilməsi onu zəruri əlamət kimi tərifə daxil etməyə əsas verir. Bu əlamət ƏAT-ı digər əməliyyat-axtarış hərəkətlərindən, sair tədbirlərdən fərqləndirməyə imkan verməklə yanaşı, həm də ƏAF-ın aparılması zamanı qanunçuluğun təmin olunmasına xidmət edir.

D.V. Rivman və İ.K. Xrabrov ƏAT-ın zəruri əlamətləri sırasına onların “ciddi normativ prosedurlar, taktiki və məkan-zaman məhdudiyyətləri”[22, s.134] ilə müşayiət olunmasını daxil etməyi təklif edirlər. Hesab edirik ki, bu fikirlə aşağıda göstərilən səbəblər üzündən razılaşmaq olmaz:

Birincisi, ƏAT-ın yalnız bir qisminin (əsasən konstitusion hüquq və azadlıqları

məhdudlaşdırın) həyata keçirilməsi proseduru ciddi şəkildə reqlamentləşdirilmişdir;

İkincisi, əksər ƏAT-ın həyata keçirilməsi (məsələn, sorğu, soraqlaşma, əməliyyat eyniləşdirilməsi və s.) məkan və zaman baxımından hər hansı məhdudiyyətə malik deyildir;

Üçüncüsü, nəinki ƏAT-ın, ümumiyyətlə, hansı hərəkət və tədbirlərin aparılması taktikası normativ reqlamentləşdirilməyə məruz qala bilməz.

A.Y. Çeçetinin fikrincə, ƏAF özünün spesifik vəzifələrinə malikdir və cinayətkarlıqla mübarizənin vəzifələrinin həlli ƏAT-ın zəruri əlaməti kimi onun məqsədi qismində müəyyənləşdirilə bilməz[24, s.14]. Həqiqətən də, həyata keçirilən hər bir ƏAT konkret taktiki vəzifənin (lokal və ya aralıq xarakterli) həllinə yönəlir. Lakin müəllif nəzərə almalıdır ki, ƏAT siyahısına daxil olmayan digər elə əməliyyat hərəkətləri vardır ki, (məsələn, əməliyyat-axtarış profilaktikası, şəxsin məxfi əməkdaşlığa cəlb edilməsi və s.) onlar da ƏAF qarşısında duran vəzifələrin həllinə yönəlmişdir. Ümumiyyətlə, nəzərə almaq lazımdır ki, məqsəd və vəzifə kateqoriyalarını eyniləşdirmək, qarışıq salmaq olmaz. Məqsəd daha geniş və dərin məna tutumuna malik olub, bu və ya digər fəaliyyətin son nöqtəsi kimi çıxış edir[23, s.234]. Eyni zamanda məqsəd ideal və maddi (yaxud subyektiv və obyektiv) formalarda mövcud olur. İdeal şəkildə məqsəd özündə onun realizəsinə xidmət etməli olan fəaliyyətin son nəticələrinin şüurdakı təsəvvüründən, öncə görməsindən ibarətdir. Realizə olunmuş məqsəd artıq subyektiv formadan obyektiv formaya keçərək maddiləşmiş olur. Fəaliyyəti şərtləndirən məqsəd onun yekun nəticələrində etiva olunur. Fəaliyyət onu determinasiya edən məqsədin ideyadan obyektiv gerçəkliyə çevrilməsi prosesində bir-biri ilə zəncirvari

şəkildə əlaqədə olan konkret vəzifələri həll etməli olur. Başqa sözlə, vəzifələr məqsədin obyektiv reallığa çevrilməsi üçün zəruri olan aralıq məsələlərin həll edilməsindən (məncələrin aradan qaldırılması, zəruri şəraitin yaradılması və s.) ibarət olur. Məhz bu cür yanaşma məqsəd və vəzifələr arasındakı məsafə və əlaqələri düzgün müəyyənləşdirməyə imkan verir, onların qarışıq salınması, yaxud eyniləşdirilməsi təhlükəsini aradan qaldırır.

Bu baxımdan A.Y. Çeçetin, V.Q. Bobrov, A.A. Çuvilyev, V.N. Omelin, K.V. Surkov, V.İ. Mixaylov və s. alimlərin fikri ilə heç cür razılaşmaq olmaz. Onların mövqeyinə görə ƏAT-ın məqsədi ƏAF vəzifələrinin həlli üçün zəruri olan informasiyanın (faktiki məlumatların) toplanmasından (axtarış, əldə etmə) ibarətdir[24, s.14]. Hörmətli həmkarlar nə qədər təəccüblü olsa da, məqsədlə vəzifənin yerini dəyişirlər. İfadəli şəkildə desək, arabanı atdan qabağa keçirirlər. Əslində ƏAF qarşısında duran spesifik vəzifələrin həlli ƏAT və sair əməliyyat hərəkətləri və tədbirlər vasitəsi ilə həyata keçirilir. Məqsəd isə faktiki məlumatların əldə edilməsindən ibarətdir. Həmin məlumatlar ƏAF-ın nəticələri kimi rəsmiləşdirilir. Bildiyimiz kimi, ƏAF-ın nəticələri bir neçə istiqamətdə istifadə oluna bilər, lakin əsas istiqamət prosesual sübutetmənin informasiya ilə təmin edilməsindən ibarətdir. Yəni, əsas məqsəd cinayət-mühakimə icraatı zamanı obyektiv həqiqətin müəyyən edilməsi üçün zəruri informasiya yardımını həyata keçirməkdən ibarətdir.

Nəzərə alsaq ki, obyektiv həqiqətin müəyyən edilməsi ədalət mühakiməsinin məqsədi kimi konstitusiyaya səviyyəsində müəyyən edilir, onda həmin həqiqətin axtarış-informasiya təminatını ƏAF-ın ən ümumi vəzifəsi kimi də qəbul etmək olar.

Sistemli yanaşmanın fəlsəfi mahiyyətinə

görə, sistemlərin statik və ya funksional vəziyyətlərdə təhlili onların tərkib elementlərinin statusunun dəyişməsinə səbəb ola bilər. Yəni, nisbətən kiçik sistemin daha böyük sistemlə qarşılıqlı əlaqələri müstəvisində öyrənilməsi birincini ikincinin elementi kimi nəzərdən keçirilməyə imkan verir[4, s.471]. ƏAF da daha mürəkkəb bir sistem olan cinayət mühakimə icraatının elementinə çevrildikdə (funksional əlaqə baxımından) onun tərkib elementləri (o cümlədən fəaliyyətin məqsədi) müstəqillik statusunu itirərək sanki ƏAF adlı elementin tərkibində assimilyasiya olunur. Həmin element isə ayrıca məqsədə malik ola bilməz. Çünki sistemin elementləri hər biri ayrılıqda müstəqil məqsədə nail olsalar, onda sistemin mövcudluğu mahiyyətini itirərək fiksiyaya çevrilir. Sistemin elementləri müstəqil məqsədə yox, sistem qarşısında duran məqsədə nail olunması üçün konkret vəzifələrə malik olurlar. Ona görə də ƏAF cinayət-mühakimə icraatının tərkib elementi kimi nəzərdən keçirildikdə informasiya təminatı (məqsəd kimi) daha ümumi məqsədin – obyektiv həqiqətin müəyyən edilməsi fonunda vəzifəyə çevrilir. ƏAF müstəqil sistem kimi götürüldükdə isə informasiya təminatı ilə yardım edilməsi onun məqsədi kimi çıxış edir.

Ona görə də “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti” haqqında qanunda 1-ci maddəsinin II hissəsində göstərilənlər ƏAF-ın məqsədi kimi qəbul edilə bilməz. Həmin maddəyə görə ƏAF insan həyatını, sağlamlığını, hüquq və azadlıqlarını, hüquqi şəxslərin qanuni mənafəələrini, dövlət sirrini, habelə milli təhlükəsizliyi cinayətqar qəsdlərdən müdafiə etmək məqsədi ilə həyata keçirilir.

AR CM-in 2.1.-ci maddəsində insan və vətəndaş hüquq və azadlıqlarını, mülkiyyəti, iqtisadi fəaliyyəti, ictimai qaydanı və ictimai təhlükəsizliyi, ətraf mühiti, Azərbaycan

Respublikasının konstitusiyaya quruluşunu cinayətqar qəsdlərdən qorumaq, habelə cinayətlərin qarşısını almaq və s. onun əsas vəzifələri kimi müəyyən edilmişdir. Mahiyyət etibarı ilə CM-in 2.1.-ci maddəsinin və “ƏAF haqqında” qanunun 1-ci maddəsinin II hissəsinin məzmunu üst-üstə düşür. Lakin birinci bunu vəzifələr kimi, ikinci isə məqsəd kimi müəyyənləşdirir.

Nəzərə alsaq ki, bütün kriminal hüquq sahələri və elmləri (o cümlədən ƏA hüququ və elmi) cinayət qanununa rəğmən mövcuddur və məqsəd kateqoriyası vəzifə kateqoriyasından daha genişdir, onda CM-in (kriminal hüquq sahələri üçün “əsas qanun”) öz vəzifələri kimi müəyyənləşdirdiyi mühafizə funksiyaları “ƏAF haqqında” qanun tərəfindən hansı mexanizimlə və ya necə daha lokal fəaliyyət sferası üçün məqsəd kimi müəyyənləşdirilmişdir?

Göründüyü kimi, nəzəri müstəvidə məqsəd və vəzifələrin müəyyən edilməsi ilə bağlı mövcud olan metodoloji problemlər uyğun normativ aktlar arasında ziddiyyətlərin əmələ gəlməsini şərtləndirmişdir.

Problemin ciddiliyini diqqətə çatdırmaq üçün burada bir məqamı da qeyd etmək istərdik. Nədənsə CM-in birinci fəslində qanunverici digər normativ hüquqi aktlarda olduğu kimi onun hansı məqsədlə qəbul edilməsi barədə heç nə qeyd etmir. Susmağa üstünlük verir. Əslində isə onun məqsədi CM-in 41.2-ci maddəsində göstərilmişdir. Orada deyilir: “Cəza sosial ədalətin bərpası, məhkumun islah edilməsi və həm məhkumlar, həm də başqa şəxslər tərəfindən yeni cinayətlərin törədilməsinin qarşısını almaq məqsəd ilə tətbiq edilir”. Qanunvericinin ilkin və başlanğıc, rəhbər müddəanı qanunun I fəslində deyil, IX fəslində verməsi, əsasən obyektiv səbəblərdən qaynaqlanır və bunu cinayət hüququ nəzəriyyəsinin dırnaqarası töhfəsi də adlandırmaq olar. Belə ki, sovet

cinayət hüquq nəzəriyyəsindən miras qalmış bir çox ehkamlar hələ də hüquq düşüncəsi və nəzəriyyəsində əsas anlayışlar və ya kateqoriyalar statusunda qalmaqda davam edir. Belə anlayışlardan biri də “cinayət hüququ” anlayışıdır ki, aid olduğu hüquq sahəsinin təyinatını heç də adekvat olaraq əks etdirmir. Əslində bu hüquq sahəsi “cinayət” deyil, “cəza” hüququ adlanmalıdır[7, s.134]. K.O. Nəzərova haqlı olaraq yazır ki, ““Cinayət hüququ” anlayışı hər bir halda hüquqla əlaqəlidir” [21, s.13]. Onda deməli, bu hüquq sahəsi cinayətkar fəaliyyət sferasında subyektlər üçün müəyyən hüquqlar tanınmalıdır. Hansı ki, əslində belə bir şey qeyri-mümkündür. Belə olan halda “cinayət hüququ” da cinayətkar fəaliyyət üçün hüquqlar nəzərdə tutmalıdır. Təbii ki, əslində belə deyildir və bu paradoksal təsəvvürü yaradan haqqında söhbət gedən hüquq sahəsinin adının yalnız olmasıdır. Əgər hüquq sahəsi “cəza hüququ kimi təsbit olunarsa, onda cəzalar məəcəlləsinin başlanğıc və rəhbər müddəası (məqsədi müəyyənləşdiyi üçün)” olan 41.2-ci maddə ilə ədalət mühakiməsinin konstitusiyaya səviyyəsində təsbit olunmuş məqsədi (həqiqətin müəyyən edilməsi – Azərbaycan Respublikası Konstitusiyasının 125-ci maddəsinin VII vəndi) arasındakı məntiqi əlaqənin fəlsəfi mahiyyətini də açmaq asan olar. Belə ki, sosial ədalətin bərpası və müdafiəsi yalnız obyektiv həqiqətin müəyyənləşdirilməsi yolu ilə mümkündür. Hələ böyük N. Tusi yazırdı ki, ədalət həmişə həqiqətin düz ortasında olur[1, s.104].

Bildiyimiz kimi, Cinayət Məcəlləsinin normaları digər sahəvi normalar kimi müstəqil şəkildə pealizə oluna bilmir. Burada əsas ağırlıq mərkəzi cinayət-prosessual hüquq normalarının üzərinə düşür. Lakin cəzanın məqsədinə nail olmaq üçün zəruri olan obyektiv həqiqətin müəyyənləşdirilməsi

prosesual hüquq normaları vasitəsilə obyektiv səbəblər üzündən mümkün olmur və köməkçi vasitə kimi cinayət-axtarış hüquq normaları yaranmış boşluğu doldurur[2, s.150]. Daha konkret desək, köməkçi vasitələr qismində ƏAT çıxış edir. Obyektiv həqiqətin müəyyən olunmasında əməliyyat-axtarış məlumatları mühüm və əvəzolunmaz rol oynayır. Deməli, ƏAF və onun nüvəsi olan ƏAT-ın məqsədi obyektiv şəkildə, onun öz təyinatı ilə müəyyənləşir.

ƏAF nəzəriyyəsi ilə kriminalistika arasındakı qnosoloji yaxınlığı (obyekt, predmet, metodologiya baxımından) nəzərə alaraq R.S. Belkinin kriminalistikanın məqsəd və vəzifələri ilə bağlı fikirlərinə diqqət yetirməyi məqsədəuyğun hesab edirik. O, haqlı olaraq qeyd edirdi ki, cinayətkarlıqla mübarizə onu öyrənən bütün elmlər üçün ümumi və ya başlıca vəzifə sayılır[16, s.52]. Müəllif yazır: “Qeyd etmək lazımdır ki, elmin cəmiyyətin istehsal güclərindən birinə çevrilməsi barədə həqiqəti əks etdirən ümumi müddəa heç də cinayətkarlıqla mübarizədə kriminalistikanın xidməti funksiyasının dəyişməsi və onun indi başqa bir rol oynaması anlamına gəlmək üçün əsas vermir. Nə kriminalistika, nə də cinayət prosesi və hüququ cinayətkarlıqla mübarizədə “iştirak” etmir. Kriminalistika müstəntiq və hakim “tərəfdaşı” yox, onların həqiqətin müəyyənləşdirilməsi ilə bağlı fəaliyyətində istifadə etdikləri alətlərdən (instrumentlərdən) biri kimi çıxış edir[16, s.53]. Əməliyyat-axtarış vasitələri, o cümlədən ƏAT da instrument kimi müstəntiq və hakim tərəfindən həqiqətin müəyyənləşdirilməsi prosesində bilavasitə tətbiq oluna bilmir. Göstərilən subyektlər yalnız həmin vasitələrin səlahiyyətləri subyektlər tərəfindən tətbiqi nəticəsində əldə olunmuş məlumatlardan həqiqətin müəyyənləşdirilməsində istifadə edirlər. Nəhayət, bir məqamı da nəzərə almaq

lazımdır. İstənilən sosial-hüquqi sistem və onun tərkib elementləri, o cümlədən ƏAF və ƏAT insanlar tərəfindən, konkret desək, dövlət tərəfindən yaradılır. Ona görə də yaradılacaq sistemin özü üçün məqsəd “müəyyənləşdirməsi” qeyri-mümkündür. Həmin məqsəd sistemin yaradıcısı tərəfindən müəyyənləşdirilir. Lakin bu heç də o demək deyildir ki, yaradılan sosial-hüquqi sistemlə onun, xidmət edəcəyi məqsəd arasında uyğunluq hər bir halda dövlət tərəfindən qeydsiz-şərtsiz təmin edilir. Qeyri-demokratik rejimli dövlətlərdə, bir qayda olaraq, yaradılan sosial-hüquqi sistemlər deklarativ şəkildə bəyan edilən məqsədlərə xidmət etmir. Məsələn, məhkəmə hakimiyyəti mühüm sosial-hüquqi sistem kimi, ədalət mühakiməsinə deyil, siyasi opponentlərlə çirkin üsullarla aparılan mübarizə xidmət edən bir vasitəyə çevrilir[11, s.247]. Buradan belə nəticə çıxır ki, tədqiqat obyektı olan hər hansı sistemin məqsəd və vəzifələrinin real olaraq nədən ibarət olmasının müəyyənləşdirilməsi yalnız onun əlaqədə olduğu digər sistemlərlə funksional-qarşılıqlı əlaqə müstəvisində mümkündür. Belə olan surətdə bir sıra alimlərin informasiya axtarışı və toplanmasını ƏAT-ın məqsədi qismində müəyyənləşdirmələri təəccüb doğurur. Y.S. Dubonosov yazır: “ƏAT-ın məqsədi onun həyata keçirilməsinə istiqamətləndiyi, proqnozlaşdırılan nəticədən ibarətdir”[11, s.246]. Belə nəticələr qismində isə toplanılan informasiyalar çıxış edir. Həmin informasiyalar sonradan ƏAF qarşısında duran vəzifələrin həllində istifadə olunur [11, s.248]. Belə çıxır ki, sistemin tərkib elementi qarşısında ayrıca məqsəd mövcud olur və həmin məqsədə nail olduqdan sonra əldə olunmuş nəticələr elementin aid olduğu sistemin qarşısında duran vəzifələrin həllində istifadə olunur. Hüquq fəlsəfəsindən məlum olduğu kimi, istənilən elmi araşdırma,

tədqiqat onu zəruri edən fəlsəfi əsaslandırılmaya malik olmalıdır[13, s.64]. Bu cür yanaşma isə sistem və element, tam və hissə kimi fəlsəfi kateqoriyalar ilə uzlaşmır. Yeri gəlmişkən, Rusiya Federasiyası “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti haqqında” qanununun 2-ci maddəsində dövləti, hərbi, iqtisadi və ya ekoloji təhlükəsizliyi təhdid edən hadisələr və hərəkətlər haqqında informasiyaların əldə olunması ƏAF-ın vəzifələrindən biri kimi müəyyənləşdirilmişdir. Qanunvericinin mövqeyi təqdirəlayiq olsa da, qeyd etmək lazımdır ki, göstərilən maddə genişləndirici şəkildə təsvir olunmalıdır, çünki ƏAF qarşısında duran hər bir vəzifənin (istər lokal, istər də daha ümumi) həlli bilavasitə uyğun və zəruri informasiyaların toplanışından bilavasitə asılıdır. İlk informasiyalar əldə olunmadan fəaliyyət istiqamətini müəyyənləşdirmək qeyri-mümkündür. Buradan belə məntiqi nəticəyə gəlmək olur ki, informasiya toplanışı ƏAF-ın vəzifəsi, ƏAT-ın isə məqsədi ola bilməz. İnformasiya toplanması ƏAF-ın ilkin vəzifələrindən biridir. Onun qarşısında duran digər vəzifələrin həlli məhz informasiya toplanmasından başlayır.

Bütün alimlər haqlı olaraq qeyd edirlər ki, ƏAT ƏAF-ın nüvəsini təşkil edir[19]; [3]. Digər ƏA hərəkətləri və tədbirləri ƏAF-ın həyata keçirilməsində təşkilati-texniki xarakterli köməkçi funksiyasını yerinə yetirirlər. Əsas ağırlıq mərkəzi ƏAT-ın üzərinə düşür. Yəni, informasiya toplanışında əsas vasitə kimi istifadə edilən əməliyyat-axtarış tədbirləri bununla öz funksiyasını bitirmiş olur. İlk vəzifənin (konkret fakta, hadisəyə, hərəkətə münasibətdə buna lokal vəzifə də demək olar) həllindən, yəni, zəruri informasiyaların toplanışından sonra da ƏAT ƏAF qarşısında duran digər vəzifələrin həllində əsas vasitələr olaraq qalırlar. Deməli, ƏAT-ın öz məqsədinə nail olub, sonradan

ƏAF qarşısında duran vəzifələrin həllinə istiqamətlənməsindən danışmaq absurddur. Əslində söhbət məntiqi ardıcılıqla sıralanmış vəzifələrin həllindən getməlidir. Həmçinin, bir daha qeyd etmək istərdik ki, funksional-dinamik sistemlərdə onun tərkib elementlərinin ayrı-ayrı məqsədlərə malik olması nə sistemlilik prinsipi, nə də sistemli yanaşma metodu ilə uzlaşmır. Sistemin tərkib elementləri yalnız lokal xarakterli vəzifələrə malik ola bilərlər ki, onların da həlli sistem qarşısında duran vəzifələrin (ümumi) realizəsinə xidmət edir.

S.İ. Zaxartsev, Y.Y. İqnaşenkov, V.P. Salnikov da analoji mövqedən yanaşaraq qeyd edirlər ki, ƏAT ƏAF qarşısında duran məqsəd və vəzifələrin həllinə yönəlməlidir [12, s.181]. Yəni, ƏAF-ın tərkib elementləri kimi onlar ayrıca götürülmüş məqsəd və vəzifələrə malik ola bilməzlər. Bu əlamət ƏAT-ın istiqamətini bilavasitə və birbaşa müəyyənləşdirir. Hər hansı digər məqsədlə ƏAT-ın aparılması yolverilməzdir.

ƏAT-ın digər mühüm əlamətlərindən biri də ondan ibarətdir ki, onlar bir-biri ilə əlaqəli şəkildə həyata keçirilən hərəkətlərdən, onların məcmusundan ibarətdir[25, s.64]. Lakin bəzi alimlər bununla razılaşırlar. A.Y. Çeçetin yuxarıda istinad etdiyimiz əsərində qeyd edir ki, elə ƏA tədbirləri vardır ki, (sorgu, soraqlaşma eyniləşdirmə, müqayisəli tədqiqat nümunələrinin toplanması və s.) onların həyata keçirilməsi ayrı-ayrı elementar hərəkətlər vasitəsi ilə də mümkün ola bilər[24, s.15]. Bununla əlaqədar olaraq, - o, yazır - “əlaqələndirilmiş hərəkətlər sisteminin mövcudluğunu ƏA tədbirlərinin zəruri əlaməti kimi göstərmək çox guman ki, ağılabatan deyildir”[24, s.15-16].

Şübhəsiz ki, müəllifin fikirləri ilə heç cür razılaşımaq olmaz. O, ƏAT-ın həyata keçirilməsini bəsitləşdirir. Yaddan çıxarır ki, hər bir ƏA tədbirinin həllinə istiqamətləndiyi

lokal taktiki vəzifə mövcud olur. Bundan əlavə, ən sadə ƏA tədbirinin ayrıca götürülmüş vahid hərəkətdən ibarət olmasını təsəvvür etmək belə mümkün deyildir. Məsələn, əməliyyat eyniləşdirməsi, hansı ki, guya elementar hərəkət vasitəsi ilə mümkündür, mürəkkəb bir proses kimi çıxış edir. Həmçinin soraqlaşma, adından göründüyü kimi, bu əməliyyat-axtarış tədbiri bir neçə mənbədən məlumatların əldə olunmasını nəzərdə tutur.

ƏAT-a verilmiş bir sıra mövcud təriflərdə onların zəruri əlamətləri qismində səlahiyyətli dövlət orqanları tərəfindən həyata keçirilməsi göstərilir[12, s.188]. “ƏAF haqqında” qanun da dolayıcı ilə olsa da ƏA tədbirlərini həyata subyektlər qismində yalnız dövlət orqanlarını qeyd edir. Belə ki, adı çəkilən qanunun 1-ci maddəsinə görə ƏAF müvafiq dövlət orqanları tərəfindən həyata keçirilir. ƏA tədbirləri isə ƏAF-ın əsas tərkib elementidir. Lakin bizə belə gəlir ki, bu fikir heç də mövcud reallığı əks etdirmir. Belə ki, ƏAF və onun tərkib elementi kimi ƏAT əsasən qeyri-leqal şəkildə həyata keçirilir ki, bu da tamamilə təbii. Məxfiçilik, konspirasiya ƏAF-ın təyinatından irəli gəlir. Başqa cür o, heç bir səmərə verə bilməz. Məxfiçiliyin əsas təzahürlərindən biri də fiziki şəxslərin gizli əməkdaşlığa cəlb olunmasıdır. Həmin konfidentlər zəruri hallarda gizli ƏAT-ı (məsələn, güdmə) əməliyyat-axtarış orqanının səlahiyyətli subyektinin göstərişi ilə bilavasitə həyata keçirirlər. Belə olan sürətdə ƏA tədbiri bilavasitə məxfi agent tərəfindən həyata keçirilmiş olur və o, təbii ki, dövlət orqanı hesab edilə bilməz. Ona görə də, ƏAT-ın tərifində “səlahiyyətli subyektlər” ifadəsindən istifadə etmək daha doğru olardı.

Beləliklə, əməliyyat-axtarış tədbirləri uyğun qanunvericiliklə nəzərdə tutulmuş və səlahiyyətli subyektlər tərəfindən aşkar və qeyri-aşkar vasitələrdən istifadə etməklə ƏAF

qarşısında duran vəzifələrin həlli üçün zəruri olan faktiki məlumatların aşkar edilərək toplanmasına və istifadəsinə yönəlmiş, əlaqələndirilmiş şəkildə həyata keçirilən hərəkətlərin məcmusudur.

Təklif etdiyimiz tərif ƏAT-ın aşağıdakı əsas əlamətlərini özündə ehtiva edir:

- əlaqələndirilmiş hərəkətlər sistemi olması;

- ƏAF qarşısında duran vəzifələrin həllinə yönəlməsi (qeyd edək ki, bir sıra ƏAT “ƏAF haqqında” qanunla nəzərdə tutulmuş məqsədlərə başqa yolla nail olmaq mümkün olmadıqda tətbiq oluna bilər, məsələn, 10-cu maddənin III bəndi);

- səlahiyyətli xüsusi subyektlər tərəfindən həyata keçirilməsi;

- aşkar və qeyri-aşkar güc və vasitələrdən istifadə edilməsi.

Y.S. Dubonosov ƏAT-ın məzmununu formalaşdıran əməliyyat-axtarış hərəkətlərini əsas və köməkçi hərəkətlər kimi iki qrupa bölür. Onun fikrincə, əsas hərəkətlər hazırlanan, törədilən və ya törədilmiş cinayətlərin bütün iştirakçılarının müəyyən edilməsi və ifşası üçün informasiyaların əldə olunmasına yönəlir.

Köməkçi hərəkətlər isə həmin məlumatların əldə olunması üçün şəraitin yaradılmasına xidmət edir. Bunlara müəllif aşağıdakıları aid edir:

- əməliyyat-axtarış şəraitinin təhlili və qiymətləndirilməsi, onun mümkün istiqamətlərdə dəyişilməsinin proqnozlaşdırılması;

- güc və vasitələrin, iştirakçıların hesablanması, təlimatlandırılması, zəruri sənədlərlə (pərdələnmək üçün) təmin edilməsi;

- nəzərdə tutulan tədbirin həyata keçirilməsi üçün şəraitin, obyektlərin hazırlanması, əfsanənin yaradılması;

- əldə olunacaq faktiki məlumatların aşkar

edilməsi, saxlanması, məhkəmə sübutları kimi istifadə olunmasını təmin etmək üçün üsulların işlənilib hazırlanması[11, s.26].

Əməliyyat-axtarış hərəkətləri ƏAT-ın hərəkətverici qüvvəsi kimi çıxış etsə də, fikrimizcə, bu anlayışlar tam üst-üstə düşmür və onların sinonim kimi qəbul etmək olmaz. Ən azından “ƏAF haqqında” qanun buna imkan vermir. Qanunda əməliyyat-axtarış hərəkətlərinin anlayışı verilməsə də, ayrı-ayrı maddələrin məzmunundan belə qənaətə gəlmək olur ki, qanunverici bu anlayışları fərqli mənə tutumuna malik olan terminlər kimi istifadə etmişdir. Məsələn, qanunun 4-cü maddəsinin IV hissəsində deyilir: “Əməliyyat-axtarış fəaliyyəti subyektinin hərəkəti nəticəsində hüquq və azadlıqları pozulmuş hər bir şəxs həmin əməliyyat-axtarış fəaliyyəti subyektinin tabe olduğu yuxarı orqanın rəhbərinə, prokurora və ya məhkəməyə şikayət etmək hüququna malikdir”. Əgər qanunverici hərəkət anlayışının tədbir mənasında istifadə etmiş olsaydı, onda bir çox qeyri-qanuni hərəkətlər belə cinayətin predmetindən kənar qalardı. Çünki insan hüquq və azadlıqlarının pozulması heç də yalnız ƏAT ilə əlaqəli olmur. Məsələn, şəxsə qeyri-qanuni psixoloji təsir göstərməklə onu gizli əməkdaşlığa sövq etmə; yaxud şəxsi həyatın toxunulmazlığı ilə bağlı məlumatları yayma və s.

Buradan belə qənaətə gəlmək olur ki, əməliyyat-axtarış hərəkətləri ƏAT ilə müqayisədə daha geniş anlayışdır. Yəni, hər bir ƏAT əlaqələndirilmiş hərəkətlər məcmusu olsa da, istənilən ƏA hərəkətləri ƏAT deyildir. Deməli, ƏA hərəkəti cins, ƏAT isə növ anlayışdır. Məntiqi baxımdan əməliyyat-axtarış hərəkəti müəyyənləşdirən, ƏAT isə müəyyən olunan məhfum kimi çıxış edir və bu zaman müəyyən edən daha geniş mənaya malik olması tamamilə təbiiidir.

ƏAF nəzəriyyəsində, qanunvericilikdən

fərqli olaraq “Əməliyyat-axtarış vasitələri” (меры) anlayışından istifadə olunur. “ƏAT” və “əməliyyat-axtarış vasitələri” anlayışlarının fərqləndirilməsi zərurətini ilk dəfə B.M. Atmajitov və B.Q. Bobrov əsaslandırmağa cəhd etmişlər. Onların fikrincə, “ƏA vasitələri” (меры) daha geniş olub, “ƏAT”-ı element kimi özündə ehtiva edir[8, s.21]. Bu mövqedən çıxış edən V.V. Antonov da hesab edir ki, bütünlükdə ƏAF-ın məzmunu ƏAT-dan deyil, ƏA vasitələrindən ibarətdir. Onun fikrincə, ƏA vasitələrini əməliyyat-taktiki vəzifələrin həlli üsulları kimi müəyyənləşdirmək lazımdır[5, s.63]. V.V. Antonovdan fərqli olaraq S.S. Ovçinskiy və Y.A. Mitrofanov hesab edirlər ki, ƏA vasitələri əməliyyat - taktiki deyil, təşkilati - idarəetmə və təşkilati - taktiki xarakterli vəzifələrin həllinə yönəlir[20, s.9-10]. Hesab edirik ki, müəllif haqlıdır. Çünki əməliyyat - taktiki xarakterli vəzifələr ƏAT vasitəsi ilə həyata keçirilir.

Yuxarıda haqqında bəhs edilən hər üç element ƏAF-ın tərkib hissələri kimi çıxış etməklə yanaşı, “hərəkət” anlayışı vasitəsilə yaxınlaşaraq “qohum” anlayışlara çevrilirlər. Yəni, əməliyyat-axtarış hərəkətləri cins anlayışı kimi daha geniş olub, “ƏA vasitələrini” və “ƏAT”-ı əhatə edir. Onu da qeyd etmək lazımdır ki, həm ƏAT, həm də ƏA vasitələri xüsusi texniki vasitələrdən, axtarış itlərindən istifadə etməklə həyata keçirilir. Lakin taktiki - təşkilati baxımdan ƏAT daha mürəkkəb və daha zəngindir. ƏAT-ın məhz elə bu aspekti onları daha səmərəli fəaliyyət vasitəsinə çevirir. Təsadüfi deyildir ki, “ƏAF haqqında” qanun ƏAF-ın arsenalından məhz ƏAT-ın təşkili, taktikası, üsul və vasitələrinə dair məlumatları prokuror nəzarətinin predmetinə daxil etməmişdir (20-ci maddənin IV hissəsi). Qanunvericinin mövqeyi ilə razılaşmasaq da[6, s.38] hər halda ƏAT-ın xüsusi diqqət mərkəzində

saxlanması, həmin hərəkətlərin digər əməliyyat-axtarış hərəkətləri ilə müqayisədə daha üstün əhəmiyyətə malik olmasına dəlalət edir. Lakin ƏAT-ın mühüm əhəmiyyət kəsb etməsi ƏAF-ın yalnız onlar vasitəsilə həyata keçirilməsi ilə bağlı tezis irəli sürmək üçün əsas vermir. Şübhəsiz ki, bu cür yalnız mövqenin meydana gəlməsi birinci növbədə qanunvericinin “xidmətidir”. Əvvəldə qeyd olunduğu kimi, “ƏAF haqqında” qanunun 1-ci maddəsinə görə ƏAF-müvafiq dövlət orqanları tərəfindən aşkar və qeyri-aşkar üsullarla bu qanunla müəyyən edilmiş tədbirlərin həyata keçirilməsidir”. Ancaq qanunun bir çox maddələrinin məzmunu bu definisiyanı inkar edir. Məsələn, qanunun 7-ci maddəsinin 4-cü bəndində deyilir ki, ƏAF subyektləri “əməliyyat-axtarış fəaliyyəti zamanı müqavilə və ya şifahi razılığa əsasən fiziki və hüquqi şəxslərin yaşayış və qeyri-yaşayış binalarından və otaqlarından, nəqliyyat vasitələrindən və digər əmlakından istifadə etmək” hüququna malikdir, yaxud məxfilik və könüllülük əsasında əvəzli və ya əvəzsiz qaydada şəxslərin əməkdaşlığa cəlb edilməsi (7-ci maddənin 2-ci bəndi) və ya ƏAF-ı təmin etmək üçün informasiya sistemi yaratmaq və ondan istifadə etmək (7-ci maddənin 3-cü bəndi) və s. ƏAT-ın siyahısını müəyyənləşdirən qanunun 10-cu maddəsində isə belə hərəkətlərin adı çəkilmir. Ona görə də haqqında bəhs edilən definisiyanın qanunverici tərəfindən dəqiqləşdirilməsi zəruridir. Yaxşı olardı ki, “ƏAF qanunla müəyyənləşdirilmiş ƏA hərəkətləri vasitəsi ilə aşkar və qeyri-aşkar şəkildə həyata keçirilən” fəaliyyət kimi müəyyənləşdirilsin. Belə dəqiqləşdirmə tək-cə normativ definisiyanın faktiki reallığa uyğunlaşdırılması olmayıb, həm də analoji səhvlərin nəzəriyyədə təkrarlanmasını qabaqlayardı. ƏAF-ı yalnız ƏAT-a bərabərləşdirmək digər ƏA vasitələrinin elmi

tədqiqatlardan kənar qalmasına səbəb olacaqdır.

Rusiya Federasiyasının “ƏAF haqqında” federal qanunu da analoji səhvə yol verərək ƏAF-ı yalnız ƏAT-ın məcmusu kimi müəyyənləşdirir və bu paradoksal yanaşma artıq bəzi alimlərin əsərlərində öz əksini tapmışdır[12, s.187].

ƏAT haqqında xüsusi təlimin formalaşması həmin tədbirləri bir sistem kimi nəzərdən keçirməyi zəruri edir. Belə ki, yalnız

sistemli yanaşma metodu ƏAT-ın quruluşunu, tərkib elementlərinin dairəsini düzgün müəyyənləşdirməyə imkan verir ki, bu da öz növbəsində həmin sistemin elementlərinin öyrənilməsinə yönəlmiş tədqiqatların dərinliyini və məntiqi ardıcılığını təmin edir.

Ona görə də bu məsələnin müstəqil tədqiqat mövzusu kimi araşdırılmasını zəruri hesab edirik.

İstifadə olunmuş ədəbiyyat:

1. Əsgərov B.M. Əməliyyat-axtarış informasiyası ədalətli müdafiə hüququnun təmin edilməsi vasitəsi kimi // Beynəlxalq hüquq və inteqrasiya problemləri. Bakı, 2015, N3(43), s. 101-109.
2. Əsgərov B.M. Cinayət-axtarış hüquq münasibətlərinin cinayət hüquq və cinayət-prosessual hüquq münasibətləri ilə qarşılıqlı əlaqəsi // AMEA Məruzələr, Bakı, 2012, N5, s.148-157.
3. Məmmədov F.M., Mustafayev M.H. Cinayət-axtarış hüququnun əsasları. Bakı: Digesta. 2011, 328 s.
4. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 608 с.
5. Антонов В.В. К вопросу о сущности и содержании оперативно-розыскных мер // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. М., 2001. с. 60-64.
6. Аскеров Б.М. Теоретические проблемы уголовно-розыскного права (отдельные положения) / Пробелы в Российском законодательстве. М., 2009, №3, с.133-136.
7. Аскеров Б.М. Закон Азербайджанской Республики об оперативно-розыскной деятельности и его значение для предварительного расследования // Российский следователь. М.: ИГ «Юрист», 2003, №5, с.36-42.
8. Атмажитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. М.: Академия управления МВД России, 2001. с. 16-28.
9. Водько Н.П. Федеральный закон «ОБОРД» в системе Российского законодательства: проблемы и решения. М.: Издательский дом Шумиловой И.И. 2007. 131 с.
10. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект. 2013. 376 с.
11. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность. М.: Юрайт. 2016. 442 с.
12. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М.: Норма. 2015. 400 с.
13. Керимов А.Д. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+. 2000. 560 с.
14. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. М.: Юрист, 2006. 128 с.

15. Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность как предмет познания (проблемы теории и практики): Монография. М.: ЮИ МВД РФ. 1994, 152 с.
16. Криминалистика: Учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Россинская Е.Р. / Под ред. Р.С. Белкина. М.: Норма. 2000. 990с.
17. Криминалистическая энциклопедия / Под ред. Р.С. Белкина. М.: Мегатрон XXI, 2000, 334с.
18. Лекарь А.Г. Оперативно-розыскная деятельность. М., 1972. 114 с.
19. Маркушин А.Т. Оперативно-розыскная деятельность: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт. 2015, 400 с.
20. Митрофанов Е.А., Овчинский С.С. Оперативно-розыскные действия: понятие, типологии, тактика. Омск. 1987. с. 9-10
21. Назарова К.О. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Баку: Элм и тахсил. 2015. 908 с.
22. Ривман Д.В., Храбров И.Е. К вопросу о сущности, видах и методах оперативно-розыскного наблюдения // Актуальные проблемы теории и практики ОРД органов внутренних дел. Сб. Статей. Красноярск. С. 134.
23. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ. 1997, 410 с.
24. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. М.: Издательский дом Шумиловой И.И. 2006. 180 с.
25. Шумилов А.Ю. Начала уголовно-розыскного права: Монография. М.: Издатель Шумилова И.И., 1998, 160 с.
26. Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. М.: Издатель Шумилова И.И., 1999. 128 с.

Бахшеиш Аскеров
Доцент кафедры Криминалистики и судебной экспертизы Бакинского государственного
университета доктор философии по праву

Наргиз Абасова
преподаватель кафедры Криминалистики и судебной экспертизы Бакинского
государственного университета

**Оперативно-разыскные мероприятия как средства собирания криминалистически
значимой информации**

Резюме

Представленная статья посвящена исследованию оперативно-разыскных мероприятий, которые образуют ядро оперативно-разыскной деятельности. Как известно в Законе «Об оперативно-разыскной деятельности» не дается дефиниция оперативно-разыскных мероприятий. Поэтому в теории оперативно-разыскной деятельности существует разброс мнений относительно определения оперативно-разыскных мероприятий. В статье проведен анализ самих распространенных определений и сформулировано их авторское определение. Далее, освещены возможности использования оперативно-разыскных мероприятий в качестве средств обнаружения и собирания криминалистически значимой информации.

Asgarov M. Bakhsheyish
Assoc. prof. of the Department of Criminalistics and Court expertise of Baku State
University, Ph.D in Law

Abasova A. Nargiz
Assoc. prof. of the Department of Criminalistics and Court expertise of Baku
State University

**Operational-investigative measures as a means to collect forensically significant
information**

Summary

The submitted article focuses on the research of the operational-investigative measures which form the core of the operational-investigative activities. As it is known, no definition of the operational-investigative measures has been given in the Law on Operational-investigative activities. That is why there is a range of views regarding the definition of the operational-investigative measures in the theory of operational-investigative activities. In this article have been analyzed the most common definitions and has been formulated their authorial definition. Further has been highlighted the possibility of using the operational-investigative measures as a means to detect and collect forensically significant information.

MATANAT ASKEROVA

Ст.преподаватель Академии Юстиции Министерства Юстиции,
доктор философии по праву, младший советник юстиции

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

Açar sözlər: hüquqi yardım, elektron sübutlar, spontan informasiya, kompüter informasiyası

Ключевые слова: правовая помощь, электронные доказательства, “спонтанная информация”, компьютерная информация

Keywords: legal assistance, electronic proofs, “spontaneous information”, computer information

Развитие цифровых электронных устройств и Интернета, почти массовое использование этими устройствами обуславливает появления новых областей и методов противоправной деятельности. Почти все преступления в той или иной мере связаны с электронными устройствами и не только как орудие преступления, их используют как камера наблюдения, различные GPS-устройства и т. д.

Развитие технических возможностей и функций интернета расширило и места нахождения электронных и традиционных доказательств, так как доказательства могут находиться на персональных компьютерных устройствах, на веб-сайтах, в социальных сетях, в электронной почте, в чате и храниться в облаках на сервере, расположенном на территории другого государства.

Согласно ст.135.1 УПК Азербайджанской Республики (далее УПК АР) документами признаются бумажные, электронные

или иные носители, отражающие в себе в форме букв, цифр, графических и иных знаков сведения, могущие иметь значение для уголовного преследования. Электронные документы, чтобы стать вещественными доказательствами по делу согласно ст. 125 УПК АР должны отвечать критериям допустимости. В результате выемки, осмотра, обыска, истребования или принятия носитель информации становится документом в смысле ст. 135 УПК АР. Согласно статье 2 закона "Об информации, информатизации и защите информации", документированная информация (документ) - документированная информация, зафиксированная на материальных носителях в текстовой, голосовой или изобразительной форме и дающая возможность идентификации, независимо от ее источника, места хранения, официального статуса, вида собственности, и независимо от того, создана ли она организацией, которой принадлежит [5].

Значимость компьютерной информации для раскрытия преступления не вызывает сомнения, как и другая информация об условиях и элементах преступления. Компьютерная информация фактически данные в текстовом, графическом или ином виде, которые существуют в электронном виде, сохраняются на соответствующих носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ или человека, либо

передаваемые по телекоммуникационным каналам, и на основе которых, в определенном законом порядке, устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [2].

Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. считают, что компьютерная информация является вещественным доказательством, потому, что носителем этой информации является предмет, а доказательственное значение имеют содержание, свойства этого предмета [10, с. 51]. П.С. Пастухов считает, что отношение к указанному признаку предметности, или, иначе говоря, материальности вещественного доказательства, надо пересмотреть. Если совершается преступление с использованием компьютера, будет оправданным считать, что его информационные следы могут по праву считаться аналогом материальных следов, оставляемых обычным преступлением [12, с. 149].

Зигура, Н. А. считает, что компьютерная информация как вид доказательств - сведения, представленные в электронно-цифровой форме на материальном носителе, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи информации, а также набор команд (программ), предназначенные для использования в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или управления ими и является самостоятельным видом доказательств, исходя из ее специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс или способа преобразования ее в доказательство [6, с. 7].

К.Ф. Гуценко делит доказательства на личные и вещественные, на основе особенностей информационных процессов при образовании доказательств (механизм их образования) и связанных с этим особенностей их собирания и использования в процессе доказывания и считает, что в самом общем виде личные доказательства

- это информация (сообщение), исходящая от лиц, вещественные доказательства - материальные предметы и документы [18, с. 149].

Электронные доказательства являются в принципе производными личными доказательствами. Отличие состоит в том, что электронные вещественные доказательства формируются объективно, как следы преступной деятельности, а не создаются специально для передачи информации о фактах [12, с. 152]. Оканенко Р.И., соглашаясь с M.S. Croydon [22, с. 152] и Adam M.G. [23, с. 42], особенности цифровых устройств считает признаками электронных доказательств: 1) способность хранить значительный объем сведений; 2) легкость копирования сведений, содержащихся на электронном носителе; 3) возможность получения информации, хранящейся как в памяти самого устройства, так и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет или в иной коммуникационной системе. 4) относительность и неочевидность содержания цифровых данных [11, с. 123].

В законодательстве отдельное определение электронных доказательств отсутствует. Азербайджанское законодательство признает только документа, как документированную информацию и, исходя из технических способов фиксации, хранения и передачи информации, отказывается от абсолютизации письменной формы документов. Викисловарь понятие "электронный" определяет как связанный, соотносящийся по значению с существительным «электрон»; свойственный, характерный для него, разработанный на базе электроники, такой, который представлен в форме, позволяющей быть переданным, обработанным и тому подобное посредством средств электроники [16]. Исходя из этого понятия, можно констатировать, что под электронной информацией понимается информация, представленная в форме, позволяющей быть переданным, обработан-

ным и тому подобное посредством средств электроники. Другим понятием является электронный документ, к которому относятся документы, выполненные в виде компьютерной записи об электронных платежах и т.д.

К электронным документам как иным документам следует относить документы, выполненные в виде компьютерной записи, подтверждающие незаконное получение денежных средств, в том числе с использованием электронного платежа, путем проникновения в компьютерную сеть (систему) банка с использованием пластиковых платежных документов (пластиковых карт), путем направления и получения денежных средств электронными способами с использованием электронных технологий [15, с.12-13].

Зайцев П.П. [3,с. 42]. и Халиков Р.А. [21,с. 26] под электронным документом в смысле Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле понимают информацию в форме, пригодной для её хранения и передачи с использованием электронных средств связи [17,с. 123].

Мы соглашаемся с Рыбиным А.В. в том, что электронные документы относятся к иным документам и считаем, понятие электронных документов более содержательно дано в Законе Азербайджанской Республики «Об электронной подписи и электронном документе»- электронный документ - документ для использования в информационной системе, представленный в электронной форме и подтвержденный электронной подписью.

Законодательство Великобритании исходит из того, что все цифровые доказательства подчиняются тем же правилам и законам, которые применяются к письменному доказательству [24,25,26,27].

Правило 401 «Федеральных Правил доказательств» США ” соответствующее доказательство” определяет как любое” доказательство, имеющее любую тенден-

цию сделать существование любого факта, который имеет значение к определению действия, более вероятного или менее вероятного, чем это было бы без доказательства. Электронное/цифровое доказательство - доказательство, полученное службой электронных средств связи, т.е., любая служба, которая предоставляет пользователям возможность отправить или получить проводную связь или электронные средства связи или службу дистанционных вычислений, т.е., любая служба, которая предоставляет компьютерные услуги хранения или обработки посредством службы электронных средств связи [28].

В указе Президента Азербайджанской Республики «О модернизации судебной системы в Азербайджанской Республике и применении Закона Азербайджанской Республики "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики" от 19 января 2006 года №352 указывается, что на очередном этапе модернизации судебной системы предусматриваются создание новых судов для обеспечения в условиях социально-экономического развития регионов потребностей населения в правовых институтах и правовой помощи, устранение фактов злоупотребления, волокиты и других недостатков, вызывающих недовольство граждан, повышение эффективности правосудия и доверия граждан к судам, облегчение возможностей обращения в суды, применение в деятельности судов новых информационных технологий [20].

Согласно Распоряжению Президента АР «О создании информационной системы «Электронный суд», она должна обеспечивать прием заявлений, жалоб и других документов в электронной форме; вести в электронной форме производства и электронный оборот документов, довести информации до лиц, участвующих в судебном процессе, в электронной форме (электронная почта, SMS-оповещение и пр.);

регистрацию судебных процессов с использованием аудио-, видео- и других записывающих технических средств и создание возможности для наблюдения их в онлайн-режиме [14].

Пастухов П.С. считает, что институт документирования должен быть реформирован с учетом понятия электронного документа [13].

Формулировку понятия документированной информации (документа) в законе "Об информации, информатизации и защите информации" считаем более объемным и удачным, которого можно отдельно зафиксировать для целей уголовного процесса и следует дополнить статью 135 новой частью 135.4. Документированная электронная информация - зафиксированная на материальном носителе электронная информация, с реквизитами позволяющими ее идентифицировать, полученная в ходе судебного производства.

В качестве недостатка электронная информация и электронных документов называют возможность их изменения с помощью программных средств компьютерной техники, которые поддаются установлению посредством специальных компьютерных программ. Согласно закону «Об электронной подписи» подлинность электронной подписи, т.е. принадлежность подписи владельцу, целостности, неизменяемости и не искаженности связанного с ней информационного сообщения проверяется с помощью информации для проверки электронной подписи.

В качестве недостатка электронная информация и электронных документов называют возможность их изменения с помощью программных средств компьютерной техники, которые поддаются установлению посредством специальных компьютерных программ. Согласно закону «Об электронной подписи» подлинность электронной подписи, т.е. принадлежность подписи владельцу, целостности, неизменяемости и не искаженности связанного с

ней информационного сообщения проверяется с помощью информации для проверки электронной подписи.

Электронные доказательства находятся в юрисдикции другого государства и, получение которых требует обращения в эту юрисдикцию, предусмотренного в законодательстве способом, создают дополнительные проблемы, связанные с риском потери электронных данных и подделки или стирания. Институт оказания правовой помощи по уголовным делам между государствами требует соответствующее оформление запросов в другое государство и определенное время для исполнения и получения ответа на этот запрос от запрашиваемого государства. Согласно многосторонним и двусторонним договорам между государствами об оказании помощи по уголовным делам, каждое государство назначает своих центральных органов, ответственных на направление и исполнении запросов из иностранной юрисдикции, которое требует соответствующего времени для выполнения указанных формальностей. Для устранения возможных проблем, подготовленные Международной организацией по компьютерным (цифровым) доказательствам «Принципы процедур, касающихся цифровых доказательств», устанавливают процедуру собирания, хранения и использования цифровых доказательств в соответствии с национальным законодательством и стандартами. Принципы определяют, что во время работы с цифровыми доказательствами должны соблюдаться все общие судебно-экспертные процедурные принципы; действия по исследованию изъятых цифровых доказательств не должны вносить в них изменений; в случае необходимости предоставления кому-либо доступа к оригиналу цифрового доказательства, он должен быть обучен и инструктирован соответствующим образом; вся деятельность, касающаяся конфиденциальности (изъятия), доступа, хранения и

передачи цифрового доказательства должна быть полностью документирована и доступна для ознакомления; лицо, в распоряжении которого находится цифровое доказательство, полностью ответственно за все действия, предпринятые относительно этого доказательства; любое агентство, которое является ответственным за выборку из памяти, изъятие, хранение или передачу цифрового доказательства ответственно за согласие с этими принципами. Согласно определениям принципов цифровое доказательство - информация, сохраненная или переданная в бинарной форме, которая может быть использована в суде.

Другим действенным способом частичного устранения риска внесения изменений в электронные документы или потери (стирания) является институт «спонтанной информации» или информации, предоставляемой на добровольной основе, который успешно применяется в международном сотрудничестве по расследованию отдельных преступлений. Согласно этому институту компетентные органы государства на территории и юрисдикции, которых находятся доказательства, направляют информацию или материалы, об обстоятельствах и элементах совершения правонарушения в пределах этого государства. Своевременное и оперативное получение такой информации может способствовать повышению эффективности и оперативности расследования.

Направление «спонтанной информации» в отношениях между государствами предусмотрено ст. 10 Конвенции об отмыывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем 1990 года [9], ст. 28 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года [7], п. 4 ст. 46, ст. 56 Конвенции ООН против коррупции 2003 года [8]. Указанные нормы устанавливают соответствующее право, а не обязательство сторон. Добровольное предоставление информа-

ции предусмотрено и ст. 26 Будапештской конвенции по борьбе с компьютерными преступлениями. Так как, согласно конвенцию, любая из сторон, действуя в рамках национального законодательства и без предварительного запроса, вправе направить другой стороне информацию, полученную в ходе проводимого ей расследования, если она считает, что предоставление данной информации будет способствовать возбуждению и проведению стороной-получателем расследования или судебного преследования уголовных преступлений или же приведет к направлению той стороной запроса о содействии. Добровольная передача информации, касающаяся уголовно-правовых вопросов, компетентному органу в другом государстве-участнике предусмотрено и пунктом 4 ст. 18 Конвенции ООН по борьбе с трансграничной организованной преступностью без предварительной просьбы.

Другой более эффективный способ получения электронных доказательств предусмотрен Будапештской конвенцией по борьбе с компьютерными преступлениями. Согласно ст. 23 Конвенции в целях расследования или судебного преследования уголовных преступлений, связанных с компьютерными системами и данными, а также в целях сбора доказательств по уголовным преступлениям в электронной форме, стороны должны осуществлять самое широкое сотрудничество друг с другом. П. 2 ст. 14 Конвенции сферу действия процессуальных положений не ограничивает только киберпреступлениями и другим уголовными преступлениями, совершенным посредством компьютерной системы, она охватывает и сбор доказательств по уголовному преступлению в электронной форме. Каждая из сторон должна принять такие меры законодательного и иного характера, которые могут понадобиться для установления полномочий и процедур, в целях проведения определенных уголовных расследований или

разбирательств. Эти полномочия могут осуществляться в рамках расследования любых видов правонарушений. К ним относятся: оперативное обеспечение сохранности компьютерных данных на национальном (ст. 16) и международном (ст. 29) уровне, в том числе частичное раскрытие данных о потоках информации (ст. 17 и 30); поиск и выемка хранимых компьютерных данных (ст. 19); сбор в режиме реального времени данных о потоках информации и перехват данных о содержании на национальном (ст. 20 и 21) и международном (ст. 33 и 34) уровне; быстрая взаимопомощь помощь в обеспечении доступа к данным, которые хранятся на территории других стран (ст. 31); трансграничный доступ к данным без согласия другой стороны (ст. 32).

Будапештская конвенция предусматривает незамедлительного сохранения компьютерных данных, т.е. возможность предписывать или сходным образом добиваться незамедлительного сохранения определенных компьютерных данных, включая данные трафика, которые хранятся посредством компьютерной системы, особенно в тех случаях, когда есть основания полагать, что существует опасность потери или изменения этих компьютерных данных. Предусматривается и незамедлительное сохранение, и частичное предоставление данных трафика. Предписание о предоставлении информации, предусмотренное ст.18 Конвенции разрешает лицу, находящемуся на ее территории, предоставить определенные компьютерные данные, находящиеся во владении или под контролем этого лица, которые хранятся в компьютерной системе или на носителе компьютерных данных, т.е. выполнением следственных и других процессуальных действий на территории запрашиваемого государства. Считаю, что указание о незамедлительном сохранении компьютерных данных должно быть включено и в УПК.

При определении общих принципов взаимной помощи Будапештская конвен-

ция исходит из самого широкого спектра оказания помощи, помощь в расследовании или судебном преследовании уголовных преступлений, связанных с компьютерными системами и данными, а также в сборе доказательств по уголовным преступлениям в электронной форме. П.3 ст.25 Будапештской конвенции предусмотрено границы содействия в экстренных обстоятельствах, согласно которому каждая из сторон, может просить о содействии или предоставлении информации в рамках такого содействия средствами срочной связи, в том числе по факсу или электронной почте, в той мере, в какой такие средства обеспечивают соответствующий уровень безопасности и идентификации (включая использование шифрования, где это необходимо), с последующим формальным подтверждением, по требованию запрашиваемой стороны. Запрашиваемая сторона должна принять запрос и ответить на него с помощью любых подобных средств срочной связи. Другой гарантией оказания правовой помощи является то, что запрашиваемая сторона не должна осуществлять свое право на отказ от содействия в отношении преступлений, указанных конвенцией исключительно на том основании, что запрос касается преступления, которое она считает нарушением налогового законодательства.

Будапештская конвенция определяет принципы направления и выполнения запросов о содействии в случае отсутствия соответствующих международных соглашений, согласно которым государства не связанные с договором имеют право отправить запросы в другое государство и эти запросы выполняются.

Среди принципов оказания правовой помощи, определенные Будапештской конвенцией, особо следует отметить п.9 ст.27, который предусматривает, что в экстренных случаях запросы о содействии или предоставлении информации в рамках такого содействия могут направляться

судебными органами запрашивающей стороны непосредственно в адрес соответствующих органов запрашиваемой стороны. В таком случае копия запроса должна быть одновременно направлена в центральные органы запрашиваемой стороны через центральные органы запрашивающей Стороны.

Интернет упрощает границы компьютерных преступлений и других преступлений связанных с компьютерами. При расследовании преступлений, связанных с компьютерами, следственные и судебные органы имеют дело в разными юрисдикциями, и требует обращения в соответствующие национальные юрисдикции с судебным запросом. Если следователь имеет доступ к компьютеру, подключенным к Интернету, он свободно заходить на веб-сайты и подключаются к компьютерам, находящимся в других юрисдикциях. Это право предусмотрено и ст. 32 Будапештской конвенции по борьбе с компьютерными преступлениями и это право следователя не зависит от законодательства государств, на территории которых находятся компьютеры или серверы. Если электронные доказательства хранятся в облаке, т.е., например, когда электронная переписка подозреваемого находится не на домашнем компьютере, а на жестком диске в другой юрисдикции, тогда без правовой помощи не обойтись.

Практика показывает, что существуют отдельные международные организации, такие как Интерпол, Совет Европы, Европейская сеть контакт-центров, Европол, Евроюст, Европейская судебная сеть по уголовным делам, которые более оперативно реагируют на запросы органов уголовной юстиции. В других случаях помощь зависит от наличия многосторонних и двусторонних договоров с участием государства запроса.

Обращение за помощью с запросом к юрисдикции другого государства требует определенное время для оформления и отправления. Дело в том, что многосторон-

ние и двусторонние договора предусматривают назначение государством ответственного национального органы, через которые отправляются запросы. Этот порядок относится и к выполнению запросов на территории запрашиваемого государства и требует соответствующего времени. Но как уже отмечено, электронные доказательства легко поддаются фальсификацию или уничтожению, изменению, предотвращение которых требует оперативного исполнения запросов запрашиваемого государства. В некоторых случаях исходя из взаимоуважительных и добрых отношений между государствами или же центральными органами, ответственными за выполнение запросов возможно укорочение сроков исполнения или оперативного исполнения.

Дело с транснациональными преступлениями стоит еще труднее тем, что расследование охватывает юрисдикцию нескольких государств, а в зависимости от обстоятельств дела расследование иногда осуществляется под ответственным руководством других государств.

К сожалению, традиционные формы международного сотрудничества предполагают длительные обременительные процедуры, а их успешность зачастую зависит от доброй воли и компетентности сторон процесса. Масштабы глобальной сети Internet становится все более охватывающим и с электронными доказательствами требуется выхода за рамки традиционных форм международного сотрудничества, в том числе за официальные рамки и структуры взаимной правовой помощи. Некоторые международные организации предоставляют требуемую информацию неофициально, например Интерпол, возможно предоставление спонтанной информации или информации, предоставляемой на добровольной основе. Правовым основанием для направления «спонтанной информации» в отношениях между государствами являются ст. 10 Конвенции об

отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем, 1990 года, ст. 28 Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года, п. 4 ст. 46, ст. 56 Конвенции ООН против коррупции 2003 года. Следует, однако, иметь в виду, что эти нормы устанавливают соответствующее право Сторон, а не накладывают на них обязательство.

Согласно статье 35 Будапештской конвенции, каждая Страна назначает контакт-центр, работающий круглосуточно и, без выходных, чтобы обеспечить оказание неотложной помощи в расследованиях или судебных слушаниях по уголовным преступлениям, которые связаны с компьютерными системами и данными, или для сбора электронных доказательств уголовных преступлений. Конвенция предусматривает и, обязанности сторон осуществлять и другие действия, предусмотренные их национальным законодательством и правоприменительной практикой, в частности предоставление технических консультаций; обеспечение сохранности информации; сбор доказательств, обеспечение правовой помощи, определение местонахождения подозреваемого.

Анализируя результаты проведенных исследований, приходим к выводу о том, что использование электронных доказательств является новым более эффективным способом оказания правовой помощи между государствами, не только по преступлениям связанными с компьютерными системами, но и по другим преступлениям, которое предусмотрено международными документами. Эффективность такой помощи состоит в том, что время исполнения запросов государства превосходит временные границы оказания традиционной правовой помощи между государствами, которое немаловажное значение для быстроты, оперативности расследования и раскрытия преступлений. Уже существуют налаженные отношения и системы между госу-

дарствами по собиранию и передаче электронных доказательств, границы которых после расширения могут быть действительными и в отношении других доказательств. Еще другим преимуществом является, то что, иногда запросы могут направляться непосредственно соответствующим компетентным органам запрашивающей страны, с последующим направлением запроса в центральные органы запрашиваемой страны. Ответ на запросы электронным путем тоже помогает ускорению времени исполнения запросов. Институт спонтанной информации в нынешнее время глобализации, действующей всеобъемлемости интернет системы сетей, является еще одним способом модернизации института оказания правовой помощи между государствами. Для упрощения процедуры собирания доказательств и составления и использования процессуальных документов в рамках модернизации уголовного судопроизводства внедряется электронная форма уголовного дела, т.е. отказывается от традиционной бумажной формы уголовного дела, для внедрения которой имеются законодательные и процессуальные основы. Практика отдельных международных организаций, таких как Интерпол, Совет Европы, Европейская сеть контакт-центров, Европол, Евроюст, Европейская судебная сеть по уголовным делам, создание коммуникационных пунктов, с целью обеспечения оказания незамедлительного содействия в проведении расследования или разбирательства в отношении уголовных преступлений, связанных с использованием компьютерных систем или данных, и в сборе доказательств по уголовным преступлениям в электронном виде по Будапештской конвенции, дает основание предсказать возможность создания электронной формы оказания правовой помощи между государствами.

Список использованной литературы

1. Будапештская Конвенция о компьютерных преступлениях 2001// <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680081580>
2. Голубев В.А. Компьютерная информация как доказательство по уголовному делу//Crime-research.org
3. Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств. // Законность, 2002. – № 4, с. 40 – 44
4. Закон Азербайджанской Республики «Об электронной подписи и электронном документе» от 9 марта 2004 года, №– 602-ІІQ//<http://www.taxes.gov.az/modul.php?name=qanun&news=286&lang=rus>
5. Закон АР "Об информации, информатизации и защите информации" от 3 апреля 1998 г.№ 460-ІQ // <http://medialaw.asia/document/-5912>
6. Зигура, Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск, 2010. -21
7. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999, Совет Европы// <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007f58c>
8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года//http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
9. Конвенция об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем (8 ноября 1990 года) // http://eurasiangroup.org/ru/restricted/strasburg_conv.pdf
10. Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2006. 176 с.
11. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015, №3 (52) март, с. 120-124.
12. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судепроизводстве// Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 149–153.
13. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М. 2015//Международная Ассоциация Содействия Правосудию <http://www.iauaj.net/node/1895>
14. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики О создании информационной системы «Электронный суд» от 13 февраля 2014 года // <http://www.supremecourt.gov.az/ru/post/view/177>
15. Рыбин А. В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: Процессуальные и криминалистические аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербургский университет. Санкт-Петербург, 2005. -26 с.
16. Термин «электронный»//Вики словарь / <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>
17. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (1996 год)//http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/electronic_commerce/1996Model.html
18. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов (под ред. К.Ф. Гуценко). – Изд-во "Зерцало", 2005 г.// <http://www.alleng.ru/d/jur/jur065.htm>
19. Указ Президента Азербайджанской Республики «О модернизации судебной системы

в Азербайджанской Республике и применении Закона Азербайджанской Республики "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики" от 19 января 2006 года №352 // base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10374

20. Указ Президента Азербайджанской Республики «О модернизации судебной системы в Азербайджанской Республике и применении Закона Азербайджанской Республики "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Азербайджанской Республики" от 19 января 2006 года №352// [new.zakon.az/site/index/? item= 1139225350 &parent=0923655154...](http://new.zakon.az/site/index/?item=1139225350&parent=0923655154...)

21. Халиков Р.А. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Казань, 2006, 189 с.// <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/a200.pdf>

22. Electronic evidence / Ed. by M.S. Croydon. 3rd ed. Lexis Nexis: Butter worths Law, 2012. ... 3rd ed. LexisNexis: Butterworths Law, 2012. 934 p..

23. Adam M.G. The iPhone meets the fourth amendment. // UCLA Law Review. 2008. Vol. 27. P. 27–58.

24. UK Regulation of Investigatory Powers Act 2000// [http://www.legislation.gov.uk/ ukpga /2000/23/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/contents)

25. UK Data Protection Act 1998// [Legislation.gov.uk/www. legislation.gov. uk/ ukpga/ 1998/29/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/29/contents)

26. UK Police and Criminal Evidence Act 1984// [Legislation.gov.uk// www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents)

27. UK Computer Misuse Act 1990 // [Legislation.gov.uk// www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents)

28. Federal Rules of Evidence of US, 2015// Cornell University Law School//<https://www.law.cornell.edu/rules/fre>

Mətanət Əsgərova

Dövlətlər arasında hüquqi yardım göstərilməsi zamanı elektron sübutlardan istifadə olunmasının perspektivləri

Xülasə

Məqalədə dövlətlər arasında hüquqi yardım göstərilməsi zamanı elektron sübutlardan istifadə olunmasının nəzəri və qanunvericilik əsasları təhlil edilmiş, hüquqi yardım təcrübəsinin və əsaslarının təkmilləşdirilməsi üzrə təkliflər verilmişdir.

Matanat Asgarova

Prospects of using of electronic proofs in the governing legal assistance between the states

Summary

In article are analyzed a theoretical and legislative bases of using of electronic proofs in the governing legal assistance between the states, are made a proposals on improvement of practice and bases of legal assistance.

АНДРЕЙ УШАКОВ

Доцент кафедры предварительного расследования Нижегородской Академии Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕННОГО ИНСТИТУТА АПЕЛЛЯЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Keywords: the court of the appeal instance, the appeal of a court decision, the appeal procedure, a participant of the criminal proceedings, session, complaint (accusation), conviction (condemnation).

Açar sözlər: apellyasiya insatansiyası məhkəməsi, məhkəmə qərarından şikayət verilmə, apellyasiya qaydası, cinayət mühakimə icraatının iştirakçıları, məhkəmə iclası, şikayət, hökm.

Ключевые слова: суд апелляционной инстанции, обжалование судебного решения, апелляционный порядок, участники уголовного судопроизводства, судебное заседание, жалоба, приговор.

С 1 января 2013 года в полном объеме вступил в силу Федеральный закон №433-ФЗ [5, ст. 45], определяющий новую «апелляционную процедуру» на решения судей в уголовно-процессуальной деятельности. Этот факт является уже неоспоримой действительностью, вызванной определенными веяниями времени и практики применения положений УПК РФ по отношению к одной из стадий уголовного процесса. Однако вступившие в силу новшества, с учетом призыва практической составляющей, указывают на некоторые недостатки имеющие место на сегодня в нормах, регламентирующих производство в суде апелляционной

инстанции. На некоторых из них мы и постараемся остановиться в данной работе.

Следует заметить, что законодатель, изложив диспозицию ст. 389.1 УПК РФ в своем нынешнем виде, счел возможным ограничить право обжалования приговора гражданскими истцами и ответчиками лишь вопросами, касающимися гражданского иска (ч. 2), не включив их в перечень лиц обладающих правом «полноценного» обжалования судебного решения. По нашему мнению такая позиция законодателя является не совсем оправданной.

Ограничив в праве обжалования данных участников уголовного судопроизводства законодатель не учел того обстоятельства, что каждый раз при рассмотрении вопросов, связанных с обжалованием гражданского иска, необходимо четко понимать и иметь представление, кроме всего прочего, также об обстоятельствах характеризующих личность обвиняемого, смягчающих и отягчающих наказание, влекущих освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также подтверждающих возможность конфискации имущества, - поскольку все они оказывают влияние на исполнение приговора суда в части гражданского иска. Таким образом, следует констатировать, что практически все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, имеют отношение и к

гражданскому иску, вследствие чего ограничение полномочий гражданских истцов и ответчиков по обжалованию приговоров представляется необоснованным и требующим пересмотра у законодателя.

Проанализировав нормы действующего законодательства, следует также упомянуть и о том, что без внимания законодателя, именно в праве обжалования судебного решения осталась еще группа субъектов имеющих на это полноценное право. К ним следует относить: лиц, в отношении которых уголовные дела возбуждены или отказаны в возбуждении, либо прекращены (см. ст.125 УПК РФ), а также лиц, в отношении которых осуществлялось (или осуществляется) производство о применении принудительных мер медицинского характера (об этом говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. №13-П [2]).

В данном случае можно возразить и сказать, что об этих субъектах ни кто не забыл, поскольку в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года №26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [4], даны руководящие, но всё же неполные разъяснения о том, что «судебные решения могут быть обжалованы в апелляционном порядке подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным, лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено, лицом, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицом, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, их защитниками, законными представителями, государственным обвинителем, прокурором и (или) вышестоящим прокуро-

ром, частным обвинителем, потерпевшим, их законными представителями и (или) представителями, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их законными представителями и (или) представителями (в части, касающейся гражданского иска), а также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (например, лицом, на имущество которого наложен арест в связи с производством по уголовному делу). Но все же надо понимать, что это всего лишь разъяснения, а не закон, поэтому положения части 1 статьи 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации все же нуждаются в соответствующем дополнении.

Далее хотелось бы поговорить об участии сторон в «апелляционном процессе».

Регулирование участия защитника в ст.389.12 УПК РФ сохранено, как и в ранее действовавших нормах, но при этом не учтено изменение в решении вопроса об участии в судебном заседании его подзащитного.

Согласно ранее действовавшей норме п.3 ч.3 ст.364 УПК РФ, в заседании суда апелляционной инстанции было обязательно участие «подсудимого или осужденного, который подал жалобу или в защиту интересов которого поданы жалоба или представление, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего Кодекса». Новая формулировка считает обязательным участие оправданного, осужденного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, только «в случаях, если данное лицо ходатайствует о своем участии в судебном заседании или суд признает участие данного лица в судебном заседании необходимым». Подобная ситуация как видится, может привести к тому, что суд апелляционной инстанции может признать виновным лицо, отсутствующее в судеб-

ном заседании, что, естественно должно быть исключено из практики в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Обращает на себя внимание и конструкция ч.3 ст.389.6 УПК РФ, в которой речь идет только об осужденном. В частности, «если осужденный заявляет ходатайство об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, об этом указывается в его апелляционной жалобе или в возражениях на жалобы, представления, принесенные другими участниками уголовного процесса». Об аналогичном праве оправданного и лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено, в упомянутой статье нет ни слова, что ставит под сомнение существование данного права.

Закрепленное в п.4 ч.1 ст.389.12 УПК РФ обязательное участие защитника во всех случаях, перечисленных в ст.51 УПК РФ, выглядит нелогичным и необоснованным. Кроме того, оно противоречит роли защитника как лица, представляющего и защищающего интересы лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

Когда осужденный, оправданный или лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование, не заявили о своем желании принять участие в рассмотрении апелляционной жалобы или представления, участие защитника может быть обязательным только по воле этого лица, а также в случае, предусмотренном ч.5 ст.247 УПК РФ. Нет никакой логики в том, чтобы, не считая обязательным участие самого обвиняемого, требовать обязательного участия не уполномоченного им защитника. Вполне вероятно, что такое правовое регулирование окажется на практике нежизнеспособным. При неявке защитника (поскольку его никто не уполномочивал участвовать в судебном заседа-

нии) суд должен будет принять меры к его замене, а при невозможности замены - откладывать судебное заседание, не имея даже возможности выяснить мнение его подзащитного. К предотвращению подобной ситуации должен быть готов прокурор, который внесет ходатайство о признании необходимым участия в апелляционной инстанции суда осужденного, оправданного или лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование.

В соответствии со ст.389.12 участие потерпевшего в заседании суда апелляционной инстанции является не обязательным. В результате чего суд апелляционной инстанции вправе отменить приговор или иное решение суда с передачей дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции (п. 4 ч.1 ст.389.20) даже не выслушав потерпевшего. Подобная ситуация в своем итоге может только лишь привести к нарушению права потерпевшего на рассмотрение дела в разумный срок (ст.6.1 УПК РФ).

Продолжая анализ отдельных норм, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции, мы постараемся еще затронуть одну тему.

Апелляция задумана как эффективная форма быстрого исправления судебных ошибок в приговорах, не вступивших в законную силу, что связано с возможностью принятия принципиально иного, чем в первой инстанции, решения без возвращения уголовного дела на новое разбирательство в суд первой инстанции [1, с. 188]. Потерпевший и его представитель как участники со стороны обвинения могут наряду с прокурором обжаловать оправдательный приговор, считая его незаконным и необоснованным, добиваясь в конечном счете признания подсудимого виновным в совершении преступления. Жалоба потерпевшего наряду с представ-

лением прокурора рассматривается в качестве обязательного условия отмены оправдательного приговора. Однако содержащийся в ч.1 ст.389.20 УПК РФ перечень решений не дает апеллиционному суду права отмены оправдательного приговора с вынесением обвинительного приговора.

В то же время, ч.2 ст.389.32 УПК РФ, говоря о резолютивной части обвинительного апеллиционного приговора, упоминает «об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и о вынесении обвинительного приговора», в связи с чем усматривается некоторая неточность законодателя, требующая своего устранения (полагаем, что п.2 ч.2 ст.389.32 следует исключить).

Имеется противоречивость и формулировок статьи 389.24 УПК РФ. Ее название - «Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено» - позволяет считать, что оговоренное в статье специальное условие требуется исключительно для отмены, но не для изменения приговора по мотивам, ухудшающим положение осужденного.

В ч.1 ст. 389.24 УПК РФ отсутствует четкость понятия, о том в каком случае

может быть изменено в сторону ухудшения положение осужденного. На помощь в этом случае приходит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ [3] о том, что представление прокурора либо жалоба потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей обусловливает изменение обвинительного приговора, определения, постановления суда первой инстанции, в сторону ухудшения положения осужденного, только если они поданы по соответствующим основаниям. А это опять же только лишь разъяснение, а не закон.

Все вышесказанное естественно не исчерпывает всех проблем апеллиционной инстанции по уголовным делам, а лишь акцентирует внимание на их наличие и требует принятия к ним адекватных мер реагирования. Существующий сегодня обновленный институт апелляции в уголовном судопроизводстве по нашему мнению должен быть не просто умелым инструментом обеспечения стабильности судебных решений, но и инструментом исправления допущенных ошибок по защите прав и свобод лиц, затронутых решением суда первой инстанции.

Использованная литература:

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Е.А. Борисова, Л.В. Головкин, Н.Н. Ковтун и др.; под общ.ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. 188 с.
2. Постановления Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. №13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета, № 283, 07.12.2012.
4. Российская газета, № 283, 07.12.2012.
5. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 45.

Andrey Uşakov
Rusiya Federasiyası Daxili İşlər Nazirliyinin Nijniy Novqorod Akademiyasının ibtidai istintaq kafedrasının dosenti, hüquq elmləri namizədi

Rusiya cinayət mühakiməsi icraatında yenilənmiş apellyasiya institutunun ayrı-ayrı problemləri

Xülasə

Cinayət mühakiməsi icraatında yenilənmiş apellyasiya institutu – bu yalnız insan hüquqları üzrə Avropa məhkəməsinin tələblərinə qarşı Rusiyanın reaksiyası deyil, həm də məhkəmə qərarlarının sabitliyinin təminatı vasitəsidir və bu gün onun həll olunmalı olan bir sıra nöqsanları var ki, bu məqalədə müzakirənin predmetidir.

Andrey Ushakov

Individual problems of the renovated appeals institute in the criminal trial of the Russia

Summary

The updated institute of appeal in criminal proceedings is not only the response of Russia to the demands of European court of human rights, but also an efficient way to ensure the stability of court decisions. The institute has several disadvantages and problems demanding their solution which is the object of the article.

АНДРЕЙ САДКОВ

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД Российской Федерации, полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ОКАЗАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ*

Ключевые слова: потребности, публичные услуги, договор, функции публичной власти, поставщик публичных услуг, потребитель публичных услуг.

Açar sözlər: tələbatlar, ictimai xidmətlər, saziş, hakimiyyətin funksiyaları, ictimai xidmətlərin icraçısı, istehlakçı.

Keywords: needs, public services contract, the function of public authority, the provider of public services, the consumer of public services.

Удовлетворение своих потребностей является смыслом деятельности любого человека. Чаще всего под термином "потребности человека" мы понимаем какие-либо надобности, нужды, которые составляют необходимое условие его существования [5].

Н.М. Бережной обоснованно полагает, что как биологический феномен, человек существует, подчиняясь зову своей телесности, в рамках которой формируется комплекс естественных потребностей, таких как питание и выделение, половое влечение, деторождение и прочее, что является

проявлением "инстинкта жизни", свойственного человеку как живому организму [1]. Однако человек - это не просто биологическая особь. Это социальное существо. Потеря социальной сущности человека приводит к появлению "детей-маугли" [2], которые не могут осуществлять высшие психические функции человека. Именно поэтому, наряду с биологическими потребностями человека принято говорить о существовании его социальных и духовных потребностей [6]. Несомненно, что названные потребности не могут быть удовлетворены без взаимодействия с другими людьми, а также такими социальными общностями как государство и муниципальные образования.

Определяя основы конституционного строя, основной закон Российской Федерации провозглашает Россию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Отрадно, что все чаще и чаще государственной властью воспринимаются

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта "Совершенствование социально-правовых механизмов с целью обеспечения доступности и надлежащего качества публичных услуг для населения Волгоградской области", проект № 13-13-34002 а(р).

идеи Э. Форстхоффа, полагающего, что социальная сущность современного государства требует перехода от обязывающего стиля государственного управления к предоставляющему [3, 180-181]. В рамках получившей достаточно широкое признание концепции «сервисного государства» деятельность публично-правового образования должна быть направлена, прежде всего, на удовлетворение потребностей населения. Причем, взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления в процессе такой деятельности носит специфический характер, который наиболее полно охватывается категорией «публичные услуги» [8, 120].

Несомненно, что деятельность по удовлетворению потребностей человека всегда затратна, ибо материальные и духовные ценности, предназначенные для удовлетворения потребностей, в подавляющем большинстве, являются результатом труда. Мы во многом солидарны с мнением Ю.П. Орловского, полагающего, что развитие общества возможно лишь благодаря целенаправленной созидательной деятельности людей, когда в процессе труда человек вызывает заранее намеченные изменения в предмете труда [7].

Суть правоотношений по оказанию публичных услуг населению заключается в том, что государство гарантирует населению предоставление возможности выступить потребителем целого ряда социально-значимых услуг, которые имеют ценность не только для конкретного индивида, но и для всего общества, ибо стимулирование потребления таких услуг в среднесрочной и долгосрочной перспективе приводит к значительному положительному эффекту.

Современный уровень развития человечества позволяет перейти на такой уровень, когда достижение положительного результата от потребления социально-значимых услуг не должно в полной мере

зависеть от материального положения конкретного субъекта - потребителя таких услуг. Используемые в современном мире системы сдержек и противовесов направлены на то, чтобы жизненно необходимую медицинскую помощь, базовое образование, определенные услуги, направленные на обеспечение безопасности человека, мог получить не только тот, кто имеет значительный доход, но и тот, чьи доходы еле дотягивают до прожиточного минимума, а порой и ниже его.

Нормативные акты, регламентирующие вопросы потребления публичных услуг, разработаны практически во всех государствах. Среди наиболее значимых нормативно-правовых актов, затрагивающих данные вопросы, в Российской Федерации, помимо Конституции РФ, следует отметить: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", Федеральный закон Российской Федерации от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния" и пр.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что деятельность по предоставлению любых услуг, в том числе и публичных, всегда требует каких-либо затрат, которые осуществляются непосредственным поставщиком услуг. Такими поставщиками могут выступать как государственные органы и органы местного самоуправления (в случае предоставления государственных и муниципальных услуг, относящихся по своей природе, чаще всего, к категории учетно-регистрационных действий), так и

частные организации и индивидуальные предприниматели (например, в рамках оказания услуг по сертификации продукции, оказания услуг частной медициной и пр.).

Действующие в развитых государствах современные экономические модели позволяют использовать различные механизмы возмещения затрат непосредственного поставщика публичных услуг на их оказание. Нередко такие механизмы имеют абсолютную публичную природу и возмещение затрат осуществляется путем перечисления поставщику публичных услуг средств из соответствующих бюджетов (например, при обучении в высшем учебном заведении на бюджетной основе). В других случаях одна часть средств возмещается за счет соответствующих бюджетов, а другая - уплачивается самим потребителем услуг по нормативно установленным ценам (например, посредством уплаты государственной пошлины за совершение действий по выдаче заграничного паспорта). И, наконец, существуют такие публичные услуги, которые в полном объеме оплачиваются потребителем. Во всех вышеперечисленных случаях необходимо четко представлять, какой конкретно объем возмещения поставщик услуги (услугодатель) имеет право требовать с потребителя услуги (заказчика, конечного адресата), ведь нередко расходы (часть расходов) поставщика услуг на их оказание возмещаются за счет бюджетных средств.

Сегодня вопросы возмещения затрат поставщика услуг на их оказание нередко решаются полусоветскими методами, характеризующимися уравниловкой и отсутствием стимулирования поставщика услуг к снижению их себестоимости с одновременным сохранением качества и доступности за счет использования новых технологий и материалов. Думается, что единственным механизмом, позволяющим

конкретизировать затраты поставщика публичных услуг на их оказание, является договор, заключаемый между поставщиком публичных услуг и потребителем публичных услуг. Использование договорной конструкции позволяет детализировать объем и качество предоставляемых услуг, даже если оказание таких услуг носит для поставщика услуг обязательный характер (например, в случае оказания бесплатной медицинской помощи).

Нередко публичные услуги как правовую форму реализации функций публичной власти путают с функциями самой публичной власти и с функциями органов публичной власти. Это является недопустимым, ибо в качестве функций государства следует рассматривать основные направления его деятельности, в которых выражается его сущность и социальное назначение (как-то: экономическая, социальная, экологическая и др. функции государства). Тогда как под формами реализации таких функций понимаются специфические виды деятельности, посредством которых реализуются государственные функции, как-то: законодательная, судебная, управленческая, исполнительская, контрольно-надзорная деятельность [4].

Что же касается функций государственных (муниципальных) органов, то под таковыми следует понимать те основные направления деятельности государственных (муниципальных) органов, в которых отражается воля государства (муниципального образования), создавшего те или иные государственные (муниципальные) органы для осуществления определенных государственных (муниципальных) функций [8]. В рамках реализации поставленных задач государственные и муниципальные органы используют различные правовые конструкции, одной из которых и является конструкция оказания публичных услуг.

Думается, что в рамках обязательств по предоставлению публичных услуг роль органов власти должна сводиться: к определению перечня услуг, который будет оказываться на бесплатной для потребителя основе либо на условиях софинансирования, либо на условиях полной оплаты за счет средств потребителя; установлению правил оказания таких услуг; выбору непосредственного поставщика публичных услуг и осуществление контроля за его деятельностью. Что же касается непосредственного взаимодействия потребителя публичных услуг и поставщика (исполнителя) публичных услуг, то такая деятельность по удовлетворению потребностей населения должна осуществляться в рамках договорной модели (пусть даже на основе типового договора), когда потреби-

тель и исполнитель услуги согласовывают объем услуги, порядок ее оказания, права и обязанности сторон (в том числе необходимость потребителя услуги выполнять предписания исполнителя услуги в целях достижения положительного эффекта от оказанной услуги) и пр.

Полагаем, что использование договорных конструкций в рамках обязательств по оказанию публичных услуг будет неуклонно расти. Хотелось бы верить, что это приведет к повышению качества удовлетворения потребностей населения, улучшению уровня жизни населения, надлежащему исполнению государством и его органами тех функций, которые определяют сущность этих образований.

Литература:

1. Бережной Н.М. Человек и его потребности. Под редакцией В.Д. Диденко. - М.: Форум, 200. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// lib.vvsu.ru/books/ servis](http://lib.vvsu.ru/books/servis) (дата обращения: 26 февраля 2014 г.).
2. Бондарь Ю. Дети-маугли наших дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// deti.mail.ru / family/ deti_maugli_nashih_dnej](http://deti.mail.ru/family/deti_maugli_nashih_dnej) (дата обращения: 14 марта 2014 г.).
3. Васильева А.Ф. Учение о публичных услугах в административном праве Германии: теория Эрнста Форстхоффа // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. – М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 180 – 181.
4. Жигуленков М.В. К вопросу о формах осуществления функций государства // Гражданин и право. - 2009. - № 1.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: онлайн-версия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/index.shtml> (дата обращения: 26 февраля 2014 г.).
6. Мордасов В.Г. Обществознание (единый портал). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http:// http://humanitar.ru/page/ch1_8](http://humanitar.ru/page/ch1_8) (дата обращения 28 апреля 2014 г.); Ильин В.И. Социология потребления: дистанционный курс лекций "Поведение потребителей". [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consumers.narod.ru/index.html> (дата обращения 28 апреля 2014 г.).
7. Орловский Ю.П. Трудовое право России: Учебник. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/trudovoe-pravo-rossii-uchebnik-read-191651-1.html> (дата обращения 28 апреля 2014 г.).
8. Садков А.Н., Величкина Е.А. О сущности публичных услуг на современном этапе развития российского общества // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспективы [Текст]: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, (Волгоград 29-30 ноября 2013 г.) / Регион. обществ. орг. "Союз ветеранов и выпускников Высш. следств. шк."; [под ред. А.Н. Садкова]. - Волгоград: ООО "Арт линия", 2013. - С. 120.

Andrey Sadkov

**Rusiya Federasiyası DİN-in Volqoqrad Akademiyasının daxili işlər orqanlarında
“Mülki hüquqi fənlər” kafedrasının rəisi, polis polkovni, hüquq elmləri namizədi, dosent**

İctimai xidmətlərin göstərilməsi ilə əhalinin tələbatlarının qane edilməsi

Xülasə

Məqalədə əhalinin tələbatlarının təmin edilməsi baxımından “ictimai xidmətlərin göstərilməsi” kateqoriyası tədqiq olunur, icraçının fəaliyyətinin məsrəfləri qeyd olunur, ictimai xidmətlərin göstərilməsi üzrə münasibətlər çərçivəsində yaranan öhdəliklərin tənzimlənməsi üçün saziş konstruksiyalarının potensialının daha dolğun istifadəsi zərurəti barədə ideya inkişaf etdirilir.

Andrey Sadkov

**Head of the Department of Civil Disciplines Volgograd academy of Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, Police Colonel, PhD, Associate Professor**

Satisfaction of population needs through the provision of public services

Summary

In this article the category of "public service" from the standpoint of meeting the needs of the population highlights costly activity artist (supplier) public services, develops the idea of the need for more fully utilizing the potential of contractual structures for the regulation of obligations arising under legal to provide public services.

РАШАД МАМЕДОВ

Доктор философии по праву, полковник-лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры «Гражданского права» Академии Полиции Министерства Внутренних Дел Азербайджанской Республики

ТАТЬЯНА ПАРПАН

Кандидат юридических наук, доцент кафедры социального права Львовского национального университета имени Ивана Франка

ИСПЫТАНИЕ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: трудовой договор, условия трудового договора, заключение трудового договора, испытание при приеме на работу, срок испытание, результаты испытание.

Açar sözlər: əmək müqaviləsi, əmək müqaviləsinin şərtləri, əmək müqaviləsinin bağlanması, işə qəbul zamanı sınaq, sınaq müddəti, sınağın nəticələri.

Key words: labor contract, the conditions of the employment contract, conclude labor contracts, probation at reception on job, the probationary period, the results of the probation.

Одним из основных прав человека, является право на труд. Оно было вызвано и закреплено на международном уровне в Общей декларации прав человека (1948 г.), в Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.). На постсоветском пространстве право на труд нашло своё место в Конституциях и законах о труде всех бывших советских республик, в том числе, в Конституциях

Азербайджанской Республики и Украины. В связи с переходом к рыночным отношениям, как в Азербайджанской Республике (далее - Азербайджан), так и на Украине возникло не мало проблем, которые коснулись не только социально-экономических отношений, но и не оставили в стороне трудовые отношения. Это остро проявилось, в частности, в обострении конфликта интересов между работодателями и работниками. Требования, которые предъявляют работодатели работникам по отношению к исполняемой ими работе, часто не обоснованы. В частности, это касается приёма на работу и установления испытательного срока.

Исследованиям правового регулирования испытательного срока при приёме на работу посвящены в Украине диссертации В.В. Жернакова, Н.А.Мельничук. В Азербайджане на диссертационном уровне таких исследований не проводилось. Отдельные аспекты правового регулирования испытания при приёме на работу были освещены в работах таких азербайджанских и украинских ученых как: А. М.

Касумов, И.Исмайылов, М.Б. Расулов, Н.Б. Болотина, В.С. Венедиктов, В.Я. Гоц, В.В. Лазор, Ф.Д.Пилипенко, А.И.Процевский, Б.С.Стычинский.

Вместе с тем, остаются не решенными проблемы, связанные с правовым регулированием испытательного срока. В частности, реализацией его договорного принципа в современных условиях рыночных отношений, обоснованности и цели установления испытания при приеме на работу. В связи с изложенным представляет интерес анализ трудового законодательства Азербайджана и Украины по вопросам испытания при приеме на работу, с целью обмена опытом в правовом регулировании данного вопроса, и дальнейшего его совершенствования.

В Международном Пакте «Об экономических, социальных и культурных правах» право на труд включает право каждого человека получить возможность заработать себе на жизнь работой, которую человек свободно выберет или на которую свободно согласится [5, ст. 6].

Право на труд заняло соответствующее место в Конституциях Азербайджанской Республики, и Украины. Так, согласно ст.35 Конституции Азербайджанской Республики, «труд является основой личного и общественного благосостояния. Каждый имеет право свободно выбирать на основе своей способности к труду вид деятельности, профессию, занятие и место работы. Никто не может быть принужден к труду. Трудовые договоры заключаются свободно. Никто не может быть принужден заключить трудовой договор» [1, ст. 35]. Статья 43 Конституции Украины провозглашает, что каждый имеет право на труд, которое включает возможность зарабатывать себе на жизнь работой, которую он свободно выберет или на которую свободно согласится [2, ст. 43].

Из изложенного, очевидно, что в

Азербайджане право на труд реализуется посредством заключения трудового договора. В Украине же трудовой договор выступает одной из форм реализации права на труд. Процедура заключения, изменения и прекращения трудового договора в обоих государствах регулируется соответствующими кодексами.

Нормами Трудового Кодекса Азербайджанской Республики (далее ТК АР) трудовые отношения между работником и работодателем возникают после регистрации, внесенной в электронную информационную систему посредством усиленной электронной подписи уведомления о трудовом договоре и направления работодателю электронной информации об этом (ч. 2-1 ст. 7 ТК АР) [3]. Исключением являются трудовые отношения между работодателями и работниками, когда на работу принимаются (нанимаются) на соответствующие должности (профессии) в государственных органах, список которых установлен соответствующим органом исполнительной власти. В этом случае трудовые отношения возникают после заключения трудового договора в письменной форме на бумаге (ч. 2-1 ст. 7 ТК АР).

В отличие от ТК АР, принятого парламентом Азербайджанской Республики 1 февраля 1999 г. и вступившим в силу с 1 июля того же года, в Украине продолжает действовать Кодекс законов о труде Украины (далее – КЗоТ Украины) 1971 года (с изменениями и дополнениями) [4]. В КЗоТ Украины не предусмотрено четкого порядка заключения трудового договора и вступления его в силу, как это установил законодатель Азербайджана. Исходя из содержания ст.21 КЗоТ Украины трудовые отношения возникают в результате заключения трудового договора, который является соглашением между работником и собственником предприятия, учреждения, организации или уполномоченным им

органом или физическим лицом (далее - работодатель), по которому работник обязан исполнять работу, определённую этим соглашением, с подчинением внутреннему трудовому распорядку, а работодатель обязуется выплачивать работнику заработную плату и обеспечивать условия труда, необходимые для исполнения работы, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон. Частью 3 ст.24 КЗоТ Украины работник не может быть допущен к работе без заключения трудового договора, оформленного приказом или распоряжением работодателя, и уведомления центрального органа исполнительной власти по вопросам обеспечения формирования и реализации государственной политики по администрированию единого вклада на общеобязательное государственное социальное страхование о приёме работника на работу в порядке, предусмотренном Кабинетом Министров Украины.

Анализируя трудовое законодательство Азербайджана и Украины, нельзя не обратить внимания на тот факт, что законодатели обоих государств настаивают на том, что стороны должны прийти к соглашению о работе, которую будет выполнять работник, а также о других необходимых условиях её выполнения. Это непосредственно вытекает, например, из содержания ст.43 ТК АР «Содержание трудового договора». В статье детально приведены условия договора, которые он должен содержать.

КЗоТ Украины не имеет аналогичной статьи. Вместе с тем, исходя из содержания ст.21 КЗоТ Украины и некоторых других норм трудового законодательства, такие обязательные условия все же можно выделить. Например, условия о трудовой функции, о заработной плате.

Как известно, содержание договора формирует согласованная воля его сторон

по условиям, которые определяют их права и обязанности. В науке трудового права договорные условия трудового договора принято разделять на два вида: обязательные (основные) и дополнительные (факультативные) [12, с.167; 8, с. 225-226; 6, с. 100]. Обязательные условия должны быть включены в трудовой договор. Дополнительные условия могут быть внесены в содержание трудового договора только по соглашению сторон, а также, эти условия не должны противоречить трудовому законодательству и после вступления в силу трудового договора дополнительные условия, как и обязательные условия обязательны для работника и работодателя. Тут можно согласиться с мнением ученых, которые справедливо отмечают, что дополнительные условия не носят обязательного характера, но включенные в трудовой договор, они имеют такую же юридическую силу, как и обязательные условия» [13, с.140; 11, с. 60-61].

Одним из дополнительных условий является испытательный срок. Это условие, во многих странах мира является традиционным способом определения профессионального соответствия работника [9, с.140-142]. Такие возможности установлены и законодательством Азербайджана и Украины.

Согласно ч. 1 ст. 51 ТК АР, трудовой договор может заключаться с установлением испытательного срока в целях проверки профессионального уровня работника, умения им исполнять соответствующие трудовые функции. Частью 1 ст.26 КЗоТ Украины предусмотрено, что при заключении трудового договора может быть обусловлено соглашением сторон испытание с целью проверки соответствия работника работе, которая ему поручается.

Сразу хотелось бы обратить внимание на то, что и в законодательных актах и в

юридической литературе часто используются понятия: «испытание при приеме на работу» и «испытательный срок». По нашему мнению эти два понятия, по сути, и своему содержанию отличаются друг от друга. Так, испытание при приеме на работу более широкое понятие, нежели испытательный срок и содержит в себе цели, сроки и результаты испытания. А понятие «испытательный срок» определяет только срок самого испытания.

Преимущественно инициатива об испытании при приеме на работу принадлежит работодателю. Работодатель, в большинстве случаев, это лицо, которое занимается предпринимательской деятельностью и основными его целями являются: извлечение прибыли, защита деловой репутации на рынке, производство конкурентоспособных товаров, оказание услуг, предоставление выполненной качественной работы. Для этого ему необходима профессиональная, квалифицированная рабочая сила. Поэтому возникает необходимость проверять квалификацию, профессиональный уровень, умение исполнять работником соответствующие трудовые функции.

Вместе с тем, не менее важно это условие и для работника. Оно дает ему возможность не только убедиться в своей способности исполнять трудовые функции, и доказать это работодателю, но и в том, чтобы определить соответствует ли данная работа его критериям. В юридической литературе ученые не раз обращали на то внимание [7, с.115; 10, с.3]. Нормами ТК АР и КЗоТ Украины инициатива на испытание со стороны работника прямо не предусмотрена. Но вывод про такую возможность можно сделать, руководствуясь, в целом, нормами об испытании. Более наглядно это следует из содержания ч.1 ст.26 КЗоТ Украины.

Срок испытания стороны трудового договора вправе определить в рамках,

установленных законодательством. В соответствии с ТК АР и КЗоТ Украины испытательный срок устанавливается не более трех месяцев. В украинском трудовом законодательстве также предусмотрен отдельный срок испытания для рабочих – до 1 месяца (ч.2 ст.27 КЗоТ Украины), а в отдельных случаях, по соглашению с выборным органом профсоюзной организации (далее - профкомом) – до 6 месяцев. Как представляется, согласовывать срок испытания с профкомом и на этом основании продлевать его до 6 месяцев – парадокс, который остался в КЗоТ Украины еще с советских времен [12, с.177]. По нашему мнению, применение такой нормы противоречит договорной природе условий трудового договора, которые должны быть согласованы его сторонами.

Установление конкретного срока испытания есть прерогатива сторон трудового договора. За законодательством Украины, договоренность сторон по установлению испытания должна быть отображена в приказе или распоряжении о приеме на работу (ч. 1 ст.26 КЗоТ Украины). ТК Азербайджанской Республики не предусматривает такой нормы, но при этом, делает акцент на том, что трудовой договор без указания испытательного срока считается заключенным без установления испытательного срока (ч.3 ст.51).

К сожалению, на практике (в Украине), встречаются случаи, когда работника, которого приняли на работу, через некоторое время увольняют с работы, как такого, который не выдержал испытательный срок. Зная, что вопрос об испытании не был оговорен при заключении трудового договора, работник обращается за разъяснением к работодателю, который в свою очередь, обосновывая правомерность увольнения работника с работы, знакомит его с приказом о приеме на работу, где зафиксировано, что он принимался с испы-

тательным сроком.

Приказ лишь оформляет договоренность работника и работодателя об установлении испытания. Однако доказать, что при приеме на работу работник не давал согласия на установление ему испытания, очень трудно. Ведь этому способствует и то, что трудовые договора зачастую заключаются в устной форме, а работника с приказом о приеме на работу не знакомят. Установление обязательной письменной формы трудового договора, как это сделано в Азербайджане (ст.44 ТК АР), без сомнения, сняло бы эту проблему.

Трудовым законодательством обоих государств предусмотрена возможность продления испытательного срока. Так, в ТК АР это звучит как: «периоды временной нетрудоспособности, а также невыхода на работу с сохранением рабочего места и средней заработной платы в испытательный срок не включаются» (ч.2 ст.51). Согласно ч. 3 ст. 27 КЗоТ Украины в испытательный срок не зачисляются дни, когда работник фактически не работал, независимо от причин.

Исходя из приведенного видно, что испытание при приеме на работу может быть продлено на дни отсутствия на работе. Вместе с тем, заметим, что азербайджанский законодатель, в отличие от украинского, учитывает только отсутствие лишь в отдельных случаях, причем вне его внимания остаются случаи, когда работник может отсутствовать на работе по уважительной причине. По нашему мнению, с одной стороны, может показаться, что украинский законодатель неоправданно расширил пределы причин отсутствия на работе работника во время испытания. Но, с другой стороны, никто не может запретить работодателю уволить работника за прогул (отсутствие на работе более 3-х часов, без уважительных причин), а не в

связи с тем, что работник не выдержал испытания, поскольку в период испытания на работников распространяется законодательство о труде (ч.2 ст.26 КЗоТ Украины).

Еще на один аспект испытательного срока стоит обратить внимание, а именно на категории лиц, которым он не устанавливается. В соответствии с ст.52 ТК АР такими являются:

- 1) лица, не достигшие 18 лет;
- 2) занявшие соответствующие должности по конкурсу;
- 3) беременные женщины и женщины с ребенком, не достигшим трехлетнего возраста, а также мужчины, самостоятельно воспитывающие ребенка в возрасте до трех лет;
- 4) лица, впервые принятые на работу по специальности (профессии) по завершении образовательного учреждения;
- 5) лица, избранные на оплачиваемую выборную должность;
- 6) лица, с которыми заключен трудовой договор на срок до двух месяцев.

А также, могут быть другие случаи, определенные по согласию сторон.

По КЗоТ Украины следует отметить то, что 17 мая 2016 года был расширен список лиц, которым испытательный срок не устанавливается. К ним были отнесены:

- 1) лица, не достигшие восемнадцати лет;
- 2) молодые рабочие по окончании профессиональных учебно-воспитательных заведений;
- 3) молодые специалисты после окончания высших учебных заведений;
- 4) лица, уволенные в запас с военной или альтернативной (невоенной) службы;
- 5) инвалиды, направленные на работу в соответствии с рекомендациями медико-социальной экспертизы;
- 6) лица, избранные на должность;
- 7) победители конкурсного отбора на

замещение вакантной должности;

8) лица, прошедшие стажировку при приеме на работу с отрывом от основной работы;

9) беременные женщины;

10) одинокие матери, имеющие ребенка в возрасте до четырнадцати лет или ребенка-инвалида;

11) лица, с которыми заключается срочный трудовой договор на срок до 12 месяцев;

12) лица на временные и сезонные работы;

13) внутренне перемещенные лица.

Испытание не устанавливается также при приеме на работу в другую местность и при переводе на работу на другое предприятие, в учреждение, организацию, а также в других случаях, если это предусмотрено законодательством (ч.3 ст.26).

Даже визуально из указанного видно, что список украинского законодателя о предоставлении такой гарантии более широкий. Но, вместе с тем, как представляется, некоторые пункты, украинскому законодателю, тоже, стоило бы включить в перечень лиц, которым не нужно устанавливать испытание при приеме на работу. В частности, мужчинам, самостоятельно воспитывающим ребенка в возрасте до трех лет.

И в завершение, обратим внимание на правовое регулирование последствий испытания при приеме на работу. Сразу отметим, что тут оба законодателя имеют общую позицию. Так, последствиями испытания могут быть: выявление несоответствия работника выполняемой работе, что является основанием для увольнения его с работы, или же то, что работник выдержал испытания. Причем работник

считается выдержавшим испытание, когда срок испытания истек, а он продолжает работать. В таком случае последующее расторжение трудового договора разрешается на общих основаниях (ст.28 КЗоТ Украины, ст.53 ТК АР).

Одним из основных отличительных черт законодательств Азербайджана и Украины является то, что до окончания испытательного срока одна из сторон может расторгнуть трудовой договор, уведомив другую сторону письменно за три дня (ч.1 ст.53 ТК АР). КЗоТ Украины допускает предупреждение (тоже за три дня) работодателем работника о расторжении трудового договора в связи с несоответствием выполняемой работе. Из этого следует, во-первых, что работник может инициировать увольнение только по собственному желанию в период испытательного срока, и избежать увольнения в связи с несоответствием занимаемой должности. Во-вторых, что представляется логичным, что именно работодатель решает, подходит ему работник или нет.

Подытоживая изложенное, считаем, что заключение трудового договора между работодателем и работником с установлением испытательного срока имеет существенное значение в регулировании трудовых отношений в условиях современной рыночной экономики. Проведенный анализ показал, что и в азербайджанском и украинском трудовом законодательстве, есть свои плюсы и минусы. Поэтому, считаем, что было бы целесообразным обратить внимание на имеющиеся недостатки правового регулирования испытания при приеме на работу обоим законодателям следует и устранить их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. «Сборник законодательства Азербайджанской Республики» 31 июля 1997 года, № 1.
2. Конституція України. Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996, № 30, ст. 141
3. Трудовой Кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 года № 618-IQ. "Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики", 1999 год, №4, статья 213;
4. Кодекс законів про працю України. Кодекс від 10.12.1971 року № 322-VIII [Електронний ресурс]. - Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/322-08>
5. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах». Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon
6. Аскеров Н.Я., Мамедов Р.Ю. Трудовое право. Учебное пособие (сборник лекций). Баку, изд. «ADNA», 2008. – 336 стр.
7. Батусова Е.С. Правовое регулирование срочных трудовых договоров (сравнительно-правовое исследование). Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Москва, 2014.
8. Касумов А.М. Трудовое право. Учебник. Баку, изд. «Адилоглы», 2007.- 560 стр.
9. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право: Учебник для вузов. – М.: Дело, 1999. – 728с.
10. Мельничук Н.О. Правове регулювання випробування при прийнятті на роботу за законодавством України // Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Харків, 2006.
11. Пилипенко П.Д. Підстави виникнення індивідуальних трудових правовідносин. – К.: Т-во “Знання”, КОО, 2003. – 146 с.
12. Трудове право України: підруч. для студ. Вищ. Навч. закл. / [П.Д. Пилипенко, В. Я. Бурак, З.Я. Козак та ін.]; за ред.. П.Д. Пилипенка. – 4-те вид., переробл. і доповн. – К.; Ін Юре, 2010.
13. Трудовое право России / Учебник. Ответственные редакторы: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю.П. Орловский и доктор юридических наук А.Ф.Нуртдинова — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2008.

Rashad Mammadov

Senior lecturer, Department of Civil Law of the Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of Azerbaijan Republic, PhD in law, police Lieutenant-Colonel

Tatiana Parpan

Assistant professor of social law Lviv University named after Ivan Franko, PhD in law

The probationary period at reception on job: comparative analysis of labor legislation of Ukraine and the Republic of Azerbaijan

Summary

The authors examine questions of legal regulation of the probation at reception on job on labor legislation of the Azerbaijan Republic and Ukraine, on the basis of the comparative legal analysis indicates distinctive features of labor laws in both countries. In particular, notes that Labour Code of Ukraine, in contrast to the labor legislation of the Azerbaijan Republic does not provide accurate procedure for the conclusion of the employment contract and its coming into force. Considering the problem of relations between the concepts "probation at reception on job" and "probationary period", the authors conclude that these two concepts, in its essence and content different from each other. So, probation at reception on job a broader concept, and contains goals, timing and results of the probation. But the term "probationary period" only defines the period of the probationary.

Rəşad Məmmədov

Azərbaycan Respublikası Daxili İşlər Nazirliyi Polis Akademiyasının "Mülki hüquq" kafedrasının baş müəllimi, polis polkovnik-leytenantı, hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

Tatyana Parpan

İvan Franka adına Lvov Milli Universitetinin Sosial hüquq kafedrasının dosenti, hüquq elmləri namizədi

İşə qəbul zamanı sınaq: Ukrayna və Azərbaycan Respublikasının əmək qanunvericiliyinin müqayisəli təhlili

Xülasə

Məqalənin müəllifləri Azərbaycan Respublikasının və Ukraynanın əmək qanunvericiliyinə əsasən işə qəbul zamanı sınağın hüquqi tənzimlənməsi məsələlərini nəzərdən keçirir, müqayisəli hüquqi təhlil əsasında iki dövlətin əmək qanunvericiliyində fərqləndirici xüsusiyyətlər göstərilir. Xüsusilə də qeyd olunur ki, Azərbaycan Respublikasının əmək qanunvericiliyindən fərqli olaraq, Ukraynanın əmək qanunvericiliyində əmək müqaviləsinin bağlanması və hüquqi qüvvəyə minməsinin dəqiq qaydaları müəyyən olunmayıb. "İşə qəbul zamanı sınaq" və "sınaq müddəti" anlayışlarının nisbəti problemini nəzərdən keçirib müəlliflər belə qənaətə gəlmişlər ki, bu iki anlayış həm məzmununa, həm də mahiyyətinə görə bir-birindən fərqlənir. Belə ki, "İşə qəbul zamanı sınaq" daha geniş anlayış olub, sınağın məqsədini, müddətini və nəticələrini özündə təsbit edir. "Sınaq müddəti" anlayışı isə sınağın müddətini müəyyən edir.

